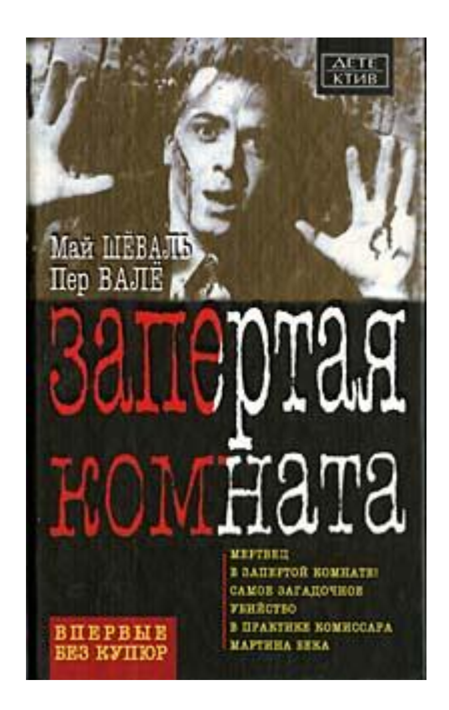
Валё Пер, Шёвалль Май

Запертая комната



I

Церковные часы пробили два, когда она вышла из метро на Вольмар Икскюлльсгатан. Она остановилась, закурила сигарету и быстро зашагала дальше, к Мариинской площади.

Дрожащий колокольный звон напомнил ей о безрадостных воскресных днях детства. Она родилась и выросла всего в нескольких кварталах от Мариинской церкви, где ее крестили и почти двенадцать лет назад конфирмовали. От всей процедуры перед конфирмацией ей запомнилось только одно: как она спросила священника, что подразумевал Стриндберг, говоря о «тоскующем дисканте» колоколов на Мариинской башне. Память не сохранила ответа.

Солнце пекло ей спину, и, миновав Санкт-Паульсгатан, она сбавила шаг, чтобы не вспотеть. Почувствовала вдруг, как расшалились нервы, и пожалела, что перед выходом из дома не приняла успокоительное.

Подойдя к фонтану посредине площади, она смочила в холодной воде носовой платок и села на скамейку в тени деревьев. Сняла очки, быстро вытерла лицо мокрым платком, потом протерла уголком голубой рубашки очки и снова надела их. Большие зеркальные стекла закрывали верхнюю часть лица. Сняв синюю широкополую шляпу из джинсовой ткани, она подняла длинные, до плеч, светлые волосы и вытерла шею. Снова надела шляпу, надвинула ее на лоб и замерла, сжимая платок руками.

Немного погодя она расстелила платок рядом с собой на скамейке и вытерла ладони о джинсы. Посмотрела на свои часы — двенадцать минут третьего — и дала себе еще три минуты на то, чтобы успокоиться.

Когда куранты пробили четверть, она открыла темно-зеленую брезентовую сумку с кожаным ремнем, которая лежала у нее на коленях, взяла со скамейки высохший платок и

сунула комком в сумку. Встала, повесила ее на правое плечо и зашагала к Хурнсгатан. Понемногу ей удалось справиться с нервами, и она сказала себе, что все должно получиться, как задумано.

Пятница, 30 июня, для многих уже начался летний отпуск. На Хурнсгатан царило оживление — машины, прохожие. Свернув с площади налево, она оказалась в тени домов.

Она надеялась, что верно выбрала день. Все плюсы и минусы взвешены, в крайнем случае придется отложить операцию на неделю. Конечно, ничего страшного, и все-таки не хочется терзать себя недельным ожиданием.

Она пришла раньше времени и, оставаясь на теневой стороне, посмотрела через улицу на большое окно. Чистое стекло пестрело солнечными бликами, проносившиеся мимо машины тоже мешали, но она разглядела, что шторы опущены.

Она стала медленно прохаживаться по тротуару, делая вид, что ее занимают витрины. Хотя перед часовым магазином поодаль висел большой циферблат, она поминутно глядела на свои часы. И внимательно следила за дверью через улицу.

Без пяти три она направилась к переходу на углу и через четыре минуты очутилась перед дверью банка.

Прежде чем входить, она открыла замок брезентовой сумки, потом толкнула дверь.

Перед ней был длинный прямоугольник зала, в котором располагался филиал известного крупного банка. Дверь и единственное окно образовывали одну короткую сторону, от окна до противоположной стены тянулась стойка, часть левой стены занимали четыре конторки, дальше стоял низкий круглый стол и два круглых табурета с обивкой в красную клетку, а в самом углу вниз уходила крутая винтовая лестница, очевидно ведущая к абонентским ящикам и сейфу.

В зале был только один клиент, он стоял перед стойкой, складывая в портфель деньги и документы.

За стойкой сидели две женщины; третий служащий, мужчина, рылся в картотеке.

Она подошла к конторке и достала из наружного кармана сумки ручку, следя уголком глаза за клиентом, который направился к выходу. Взяла бланк и принялась чертить на нем каракули. Вскоре служащий подошел к двойным дверям и захлопнул на замок наружную часть. Потом он наклонился, поднял щеколду, удерживающую внутреннюю часть, и вернулся на свое место, провожаемый тихим вздохом закрывающейся двери.

Она взяла из сумки платок, поднесла его левой рукой к носу, как будто сморкаясь, и пошла с бланком к стойке.

Дойдя до кассы, сунула бланк в сумку, достала плотную нейлоновую сетку, положила ее на стойку, выхватила пистолет, навела его на кассиршу и, не отнимая от рта платок, сказала:

— Ограбление. Пистолет заряжен, в случае сопротивления буду стрелять. Положите все наличные деньги в эту сетку.

Испуганно глядя на нее, кассирша осторожно взяла сетку и положила перед собой. Вторая женщина, которая в это время поправляла прическу, замерла, потом робко опустила руку с гребенкой. Открыла рот, как будто хотела что-то сказать, но не произнесла ни слова. Мужчина, стоявший у письменного стола, сделал резкое движение, она тотчас направила пистолет на него и крикнула:

— Ни с места! И руки повыше, чтобы я их видела!

Потом опять пригрозила пистолетом остолбеневшей кассирше.

— Живее! Все кладите!

Кассирша торопливо набила пачками сетку и положила ее на стойку. Мужчина вдруг заговорил:

— Все равно у вас ничего не выйдет. Полиция…

— Молчать! — крикнула она.

Бросив платок в брезентовую сумку, она схватила сетку и ощутила в руке приятную тяжесть. Затем, продолжая угрожать служащим пистолетом, стала медленно отступать к двери.

Неожиданно кто-то метнулся к ней от лестницы в углу зала. Долговязый блондин в отутюженных белых брюках и в синем пиджаке с блестящими пуговицами и большим золотым вензелем на грудном кармане.

По залу раскатился грохот, ее руку дернуло вверх, блондин с вензелем качнулся назад, и она увидела, что на нем совсем новые белые туфли с красной рифленой резиновой подошвой. Лишь когда его голова с отвратительным глухим стуком ударилась о каменный пол, до нее вдруг дошло, что она его застрелила.

Она швырнула пистолет в сумку, кинула безумный взгляд на объятых ужасом служащих и бросилась к двери. Возясь с замком, успела подумать: «Спокойно, я должна идти спокойно», — но, выскочив на улицу, устремилась к переулку чуть не бегом.

Она не различала прохожих, только чувствовала, что кого-то толкает, а в ушах ее по-прежнему стоял грохот выстрела.

Завернув за угол, она побежала, крепко держа сетку в руке; брезентовая сумка колотила ее по бедру. Вот и дом, где она жила ребенком. Она рванула дверь знакомого подъезда и пробежала мимо лестницы во двор. Заставила себя умерить шаг и через подъезд флигеля прошла на следующий двор. Спустилась по крутой лестнице в подвал и села на нижней ступеньке.

Сначала она попыталась запихнуть сетку поверх пистолета в брезентовую сумку, но сетка не влезала. Тогда она сняла шляпу, очки и светлый парик и сунула их в сумку. Ее собственные волосы были темные, с короткой стрижкой. Она встала, расстегнула рубашку, сняла и тоже уложила в сумку. Под верхней рубашкой на ней была черная футболка. Она повесила сумку на левое плечо, взяла сетку и поднялась по лестнице. Пересекла двор, миновала еще несколько подворотен и дворов, перелезла через две или три ограды и наконец очутилась на улице в другом конце квартала.

Она зашла в продовольственный магазин, взяла два литра молока и вместительную хозяйственную сумку из пластика, сунула в нее свою черную сетку, а сверху положила оба пакета с молоком. Потом направилась к станции метро «Слюссен» и поехала домой.

II

Гюнвальд Ларссон прибыл на место преступления на своей сугубо личной машине. Она была красного цвета, редкой для Швеции марки «ЭМВ»[1], и многие считали ее чересчур роскошной для обыкновенного старшего следователя, тем более когда речь шла о служебных поездках. В этот ясный солнечный день он уже сел за руль, чтобы ехать домой, в Булмору, когда Эйнар Рённ выбежал во двор полицейского управления и разрушил его мечты о тихом вечере у себя дома. Эйнар Рённ тоже был старшим следователем отдела насильственных преступлений и, сверх того, пожалуй, единственным другом Гюнвальда Ларссона, так что его сочувствие Гюнвальду Ларссону, вынужденному пожертвовать свободным вечером, было вполне искренним.

Рённ выехал на Хурнсгатан на служебной машине. Когда он добрался до банка, там уже были сотрудники ближайшего участка, а Гюнвальд Ларссон успел даже приступить к опросу служащих.

У дверей банка теснился народ, и, когда Рённ ступил на тротуар, один из полицейских, сверливших глазами зевак, обратился к нему:

— У меня тут есть свидетели, которые говорят, будто слышали выстрел. Как с ними быть?

— Попросите их задержаться, — ответил Рённ. — А остальным лучше разойтись.

Полицейский кивнул, а Рённ вошел в банк.

На мраморном полу между стойкой и конторками лежал убитый. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в колене левую ногу. Штанина задралась, ниже нее белел орлоновый[2] носок с темно-синим якорьком и поблескивала светлыми волосками загорелая нога. Пуля попала в лицо, и от затылка по полу растеклась густая кровь.

Служащие сидели за стойкой, в дальнем углу. Гюнвальд Ларссон примостился перед ними на краю стола. Он записывал в блокнот показания, которые звенящим от волнения голосом давала кассирша.

Заметив Рённа, Гюнвальд Ларссон поднял широченную правую ладонь, и женщина смолкла на полуслове. Гюнвальд Ларссон встал, откинул перекладину в стойке, подошел с блокнотом к Рённу и указал кивком на убитого:

— Ишь, как его отделали. Останешься здесь? А я потолкую со свидетелями… скажем, во втором участке на Русенлюндсгатан. Чтобы вы могли работать тут без помех.

Рённ кивнул.

— Я слышал, будто это какая-то дева потрудилась, — сказал он. — И унесла денежки. Кто-нибудь видел, куда она подалась?

— Во всяком случае, никто из служащих, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Один молодчик на улице как будто заметил машину, которая рванула с места, но он не обратил внимания на номер и насчет марки не уверен, так что от него мало проку. Но я потом еще потолкую с ним.

— А этот кто такой? — Рённ показал на убитого.

— Болван какой-то, вздумал разыграть героя, схватить грабителя. А она, понятное дело, с испугу взяла да выстрелила. Здешний персонал знает его, постоянный клиент. У него внизу абонентский ящик, и черт дернул его подняться именно в эту минуту. — Гюнвальд Ларссон заглянул в блокнот. — Преподаватель гимнастики, фамилия — Гордон.

— Не иначе вообразил себя Молниеносным Гордоном из комикса, — сказал Рённ.

Гюнвальд Ларссон пристально поглядел на него.

Рённ покраснел и поспешил переменить тему:

— Ничего, мы найдем портрет грабителя в этой штуке. Он показал на укрепленную под потолком кинокамеру.

— Если не забыли пленку зарядить и резкость навести, — скептически произнес Гюнвальд Ларссон. — И если кассирша кнопку нажала.

Большинство банковских отделений теперь было оснащено кинокамерами, которые автоматически включались, когда дежурный кассир нажимал ногой кнопку в полу, — единственная мера, предписанная персоналу на случай появлений грабителей. С некоторых пор вооруженные налеты участились, и тогда начальство распорядилось, чтобы служащие не подвергали себя опасности, не пытались помешать налетчикам или задержать их, а сразу выдавали деньги. Однако было бы неверно думать, что такое решение вызвано заботой о персонале и прочими гуманными соображениями: просто опыт показал, что в конечном счете банкам и страховым обществам это выгоднее, чем выплачивать компенсацию пострадавшим, а то и пожизненное пособие семьям погибших.

Приехал судебный врач, и Рённ пошел к своей машине за оперативной сумкой. Он работал по старинке, но нередко с успехом. Гюнвальд Ларссон отправился в полицейский

участок на Русенлюндсгатан, захватив с собой троих служащих и еще четверых свидетелей, которые вызвались дать показания.

Ему отвели помещение, он снял замшевую куртку, повесил ее на спинку стула и приступил к предварительному опросу.

Показания троих служащих банка совпадали, зато остальные четыре свидетельства сильно расходились.

Первым из четырех был мужчина сорока двух лет, который находился в подъезде метрах в пяти от банка, когда прозвучал выстрел. Он видел, как по улице пробежала девушка в черной шляпе и зеркальных очках, А когда он примерно через полминуты выглянул из подъезда, метрах в пятнадцати от него рванула с места зеленая легковая машина, как ему показалось, «опель». Машина умчалась в сторону площади Хурнсплан, и вроде бы девушка в черной шляпе сидела на заднем сиденье. Номер он не рассмотрел, а буквы, кажется, «АБ».

Следующая свидетельница, владелица небольшого магазина рядом с банком, стояла в дверях своей лавки и вдруг услышала громкий хлопок. Сперва ей почудилось, что хлопнуло в кухоньке за торговым помещением, и она побежала туда: думала, газ взорвался. Убедившись, что плита в порядке, она вернулась к двери. Выглянула на улицу и увидела, как большая синяя машина развернулась посреди улицы, только шины завизжали. В ту же минуту из банка выбежала женщина и закричала, что человека застрелили. Свидетельница не видела, кто сидел в машине, номера не запомнила, в марках машин не разбиралась. Что-то похожее на такси.

Третий свидетель, рабочий-металлист тридцати двух лет, дал более подробные показания. Он не слышал выстрела, во всяком случае, не обратил на него внимания. Шел по улице, вдруг из банка выскочила девушка. Она торопилась и, проходя мимо, толкнула его. Лица он не разглядел. Возраст — лет около тридцати. На ней были синие брюки, синяя рубашка, шляпа, в руке она держала темную сумку. Он видел, как она подошла к машине с буквой «А» и двумя тройками в номере. Машина — «рено-16», светло-бежевая. За рулем сидел худощавый мужчина лет двадцати-двадцати пяти. У него длинные, косматые черные волосы, белая футболка, очень бледное лицо. Второй мужчина, постарше, стоял на тротуаре рядом с машиной. Он открыл девушке заднюю дверцу, потом закрыл и сел рядом с водителем. Плечистый, рост около ста восьмидесяти сантиметров, волосы пепельные, курчавые, очень пышные, румяное лицо. Одет в черные расклешенные брюки и черную рубашку из какого-то блестящего материала. Машина развернулась и ушла в сторону Слюссена.

Показания металлиста привели Гюнвальда Ларссона в замешательство, и он прочел свою запись еще раз, прежде чем пригласить последнего свидетеля.

Это был пятидесятилетний часовщик, он сидел в своей машине перед самым банком и ждал жену, которая зашла в обувной магазин через улицу. Боковое окошко было опущено, и он слышал выстрел, но не понял, в чем дело: на Хурнсгатан большое движение, всяких шумов хватает. В пять минут четвертого из банка вышла женщина. Он обратил на нее внимание, потому что она очень спешила, толкнула пожилую даму и даже не извинилась. Он еще подумал, как это типично для стокгольмцев — вечно торопятся и до других им дела нет. Сам он из Сёдертелье. Женщина была в брюках, на голове — что-то вроде ковбойской шляпы, в руке она держала черную сетку. Добежала до угла и свернула в переулок. Нет, она не садилась ни в какую машину и не останавливалась по пути, а проследовала прямиком до угла и скрылась.

Гюнвальд Ларссон передал по телефону в управление приметы обоих пассажиров «рено», затем поднялся, собрал свои бумаги и поглядел на часы. Уже шесть…

И скорее всего, он трудился впустую. Данные насчет машин давно сообщены полицейскими, которые первыми прибыли на место. К тому же в свидетельских показаниях слишком много расхождений. Словом, все кошке под хвост. Как обычно.

Может быть, еще поработать с тем свидетелем, который потолковее? Да нет, не стоит. Всем им явно не терпится поскорее отправиться домой.

По чести говоря, больше всех не терпелось уехать домой ему самому.

Да только на это теперь нечего надеяться.

Гюнвальд Ларссон отпустил свидетелей, надел куртку и вернулся к банку.

Останки доблестного учителя гимнастики уже увезли, но из патрульной машины вышел молодой полицейский и доложил, что старший следователь Рённ ждет старшего следователя Ларссона у себя в кабинете. Гюнвальд Ларссон вздохнул и пошел к своей машине.

III

Он открыл глаза и удивился — живой…

И в этом не было ничего нового, вот уже пятнадцать месяцев он каждое утро, проснувшись, недоуменно спрашивал себя:

«Как же я жив остался?»

И второй вопрос:

«Почему так вышло?»

Перед тем как проснуться, он видел сон. Этому сну тоже год и три месяца.

Только частности меняются, суть все та же.

Он скачет на коне. Мчится галопом, пригнувшись к холке, и холодный ветер треплет ему волосы.

Потом бежит по вокзальному перрону. Впереди — человек с пистолетом в руке. Он знает этого человека, знает, что сейчас будет. Это Чарлз Гито, у него спортивный пистолет марки «хаммерли интернешнл».[3]

Гито нажимает спуск, а он в ту же секунду бросается наперехват и принимает выстрел на себя. Удар в грудь, как от кувалды… Он пожертвовал собой. И уже очевидно, что жертва была напрасной. Президент лежит навзничь, блестящий цилиндр слетел с головы и катится по земле, описывая полукруг…

Он просыпается. Сначала все черно, мозг опаляет волна жгучего пламени, затем он открывает глаза.

Мартин Бек лежал дома на кровати и смотрел в потолок. В комнате было светло.

Он размышлял о своем сне. Дурацкий сон, а эта версия — особенно. И слишком много несуразицы. Взять, например, оружие: при чем тут спортивный пистолет, когда должен быть револьвер, на худой конец — «деррингер». И почему Гарфилд оказался смертельно раненным, ведь Мартин Бек принял пулю на себя?

Он не знал, как выглядел убийца на самом деле. Может, и видел когда-нибудь портрет, но память никаких примет не сохранила. В его снах Гито чаще всего был голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками, но сегодня он больше всего напоминал какого-то известного киноактера.

Ну конечно — Джон Каррадин в роли игрока из «Дилижанса». Одним словом, сплошная романтика.

Впрочем, пуля в груди — отнюдь не романтика. Он знал это по собственному опыту. Если пуля, пройдя правое легкое, застрянет рядом с позвоночником, она временами вызывает острую боль и вообще основательно докучает человеку.

Вполне реалистичными были и другие детали его сна. Например, спортивный пистолет. На самом деле его держал в руке бывший полицейский, голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками. Они встретились на крыше дома под холодным весенним небом. Весь обмен мнениями свелся к пистолетному выстрелу.

Вечером того же дня он очнулся в комнате с белыми стенами, точнее, в отделении грудной хирургии Каролинской больницы. И хотя ему сказали, что рана не смертельная, он с удивлением спрашивал себя, как это вышло, что он остался жив.

Потом ему сказали, что рана уже не угрожает жизни, однако пуля неудачно расположена. Он оценил тонкость намека, заключенного в словечке «уже», но ему от этого не стало легче. Хирурги не одну неделю штудировали рентгеновские снимки, прежде чем извлекли из его груди чужеродное тело. После этого ему объявили, что теперь опасность окончательно миновала. Он совершенно оправится при условии, что будет вести спокойный, размеренный образ жизни. Да только к тому времени он перестал им верить.

Тем не менее он вел спокойный, размеренный образ жизни. Собственно, у него не было выбора.

Теперь его уверяют, что он совершенно оправился. Правда, опять с небольшим прибавлением: физически.

Кроме того, ему не следует курить. Он и раньше-то не мог похвастаться хорошими бронхами, а тут еще и легкое прострелено. После заживления вокруг рубцов отмечены какие-то подозрительные тени.

Ладно, пора вставать.

Мартин Бек прошел через гостиную в холл и поднял газету с коврика у двери. По пути на кухню пробежал глазами заголовки на первой странице. Погода хорошая, и метеорологи обещают, что она еще продержится. В остальном ничего отрадного, как обычно.

Он положил газету на стол, достал из холодильника пакет йогурта и выпил. Н-да, вкусным его не назовешь, как всегда, отдает чем-то затхлым, ненатуральным. Должно быть, срок хранения истек еще в магазине. Давно прошли те времена, когда в Стокгольме можно было без особого труда и не слишком переплачивая купить что-нибудь свежее.

Теперь — в ванную. Умывшись и почистив зубы, он вернулся в спальню, убрал постель, снял пижамные штаны и начал одеваться.

Глаза его равнодушно скользили по комнате. Большинство стокгольмцев сказали бы, что у него не квартира — мечта. Верхний этаж дома на Чёпмангатан в Старом городе, всего три года, как вселился. И он хорошо помнил, как славно ему жилось вплоть до той злополучной стычки на крыше.

Теперь он чаще всего чувствует себя как в одиночке, даже когда его кто-нибудь навещает. И квартира тут, пожалуй, ни при чем — в последнее время он и на улице подчас чувствует себя как в заточении.

Что-то беспокойно на душе, сейчас бы сигарету. Правда, врачи сказали, что ему надо бросить курить, но мало ли что врачи говорят. Хуже то, что государственная табачная фирма перестала выпускать его любимую марку, а папирос теперь вообще не купишь. Два-три раза пробовал другие марки — не то…

Сегодня Мартин Бек одевался особенно тщательно. Повязывая галстук, он безучастно разглядывал модели на полке над кроватью. Три корабля, два совсем готовые, один собран наполовину. Увлечение началось лет восемь назад, но с апреля прошлого года он ни разу не прикасался к моделям.

С тех пор они успели основательно запылиться.

Дочь много раз вызывалась протереть корабли, но он упросил ее не трогать их.

Половина восьмого, понедельник, 3 июля 1972 года.

Не простой день, особенный.

Сегодня он вновь приступает к работе.

Ведь он по-прежнему полицейский, точнее, комиссар уголовной полиции, руководитель группы расследования убийств.

Мартин Бек надел пиджак и сунул газету в карман, с тем чтобы прочесть ее в метро. Еще одна частица привычного распорядка, к которому предстоит вернуться.

Идя вдоль набережной Шеппсбрун под яркими лучами солнца, он вдыхал отравленный воздух. И чувствовал себя обессилевшим стариком.

Внешне это никак не выражалось. Напротив, он выглядел бодрым, сильным, двигался быстро и ловко. Высокий загорелый мужчина, энергичная челюсть, широкий лоб, спокойные серо-голубые глаза.

Мартину Беку исполнилось сорок девять. До пятидесятого дня рождения оставалось немного, но большинство считало, что он выглядит моложе.

IV

Кабинет в здании на аллее Вестберга красноречиво свидетельствовал, что кто-то другой долго исполнял обязанности руководителя группы расследования убийств.

Конечно, кабинет был тщательно убран, и чья-то заботливая рука даже поставила на письменном столе вазу с васильками и ромашками, и все-таки давали себя знать отсутствие педантизма и явная склонность к милому беспорядку.

Особенно в ящиках письменного стола.

Вне всякого сомнения, кто-то совсем недавно извлек из них кучу предметов, но кое-что осталось. Например, квитанции за такси, старые билеты в кино, исписанные шариковые ручки, коробочки из-под пилюль. На канцелярских подносиках цепочки из скрепок, круглые резинки, куски сахара, конвертики с заваркой… Две косметические салфетки, пачка бумажных носовых платков, три пустые гильзы, сломанные часы марки «Экзакта»… Не говоря уже о многочисленных клочках бумаги с различными записями, сделанными крупным, четким почерком.

Мартин Бек уже обошел другие кабинеты, поздоровался с коллегами. Большинство были старые знакомые, но он увидел и немало новых лиц.

Теперь он сидел за письменным столом, штудируя ручные часы. Они годились только в утиль, стекло запотело изнутри, а в корпусе, если встряхнуть, гремело так, словно весь механизм рассыпался.

В дверь постучали, и вошел Леннарт Колльберг.

— Привет, — сказал он. — Добро пожаловать.

— Спасибо. Твои часы?

— Ага, — мрачно подтвердил Колльберг. — Они побывали в стиральной машине. Забыл карманы опростать.

Он поглядел кругом и виновато добавил:

— Честное слово, я начал прибирать в пятницу, но меня оторвали. Сам знаешь, как это бывает…

Мартин Бек кивнул. Колльберг чаще других навещал его в больнице и дома, и они обменивались новостями.

— Худеешь?

— Еще как, — ответил Колльберг. — Утром взвешивался, уже полкило долой, было сто четыре, теперь сто три с половиной.

— Значит, на диете всего десять кило прибавил?

— Восемь с половиной, — возразил Колльберг с оскорбленным видом. Потом пожал плечами и добавил:

— Черт те что. Дурацкая затея. Гюн только смеется надо мной. И Будиль тоже… А ты-то как себя чувствуешь?

— Хорошо.

Колльберг насупился, но ничего не сказал. Открыв свой портфель, он достал прозрачную папку из розового пластика. В папке лежало что-то вроде сводки, небольшой, страниц на тридцать.

— Что это у тебя?

— Считай, что подарок.

— От кого?

— Допустим, от меня. Вернее, не от меня, а от Гюнвальда Ларссона и Рённа. Такие остряки, дальше ехать некуда.

Колльберг положил папку на стол. Потом добавил:

— Извини, мне пора.

— Далеко?

— В цепу.

Что означало: ЦПУ, Центральное полицейское управление.

— Зачем?

— Да все эти чертовы ограбления банков.

— Но ведь этим специальная группа занимается.

— Спецгруппа нуждается в подкреплении. В пятницу опять какой-то болван на пулю нарвался.

— Знаю, читал.

— И начальник цепу сразу же решил усилить спецгруппу.

— Тобой?

— Нет, — ответил Колльберг. — Тобой, насколько я понимаю. Но приказ был получен в пятницу, а тогда еще я заправлял здесь и принял самостоятельное решение.

— А именно?

— А именно: пожалеть тебя и самому отправиться в этот сумасшедший дом.

— Спасибо, Леннарт.

Мартин Бек был искренне благодарен товарищу. Работа в спецгруппе влекла за собой ежедневное соприкосновение с начальником ЦПУ, минимум с двумя его заместителями и кучей заведующих отделами, не считая прочих важных шишек, ни черта не смыслящих в деле. И вот Колльберг добровольно принимает огонь на себя.

— Не за что, — продолжал Колльберг, — взамен ты получишь вот это.

Его толстый указательный палец уперся в папку.

— И что же это такое?

— Дело, — ответил Колльберг. — По-настоящему интересное дело, не то что ограбление банка и прочая дребедень. Жаль только…

— Что жаль?

— Что ты не читаешь детективы.

— Почему?

— Может, лучше оценил бы подарок. Рённ и Ларссон думают, что все читают детективы. Собственно, дело это по их ведомству, но они так перегружены, что только рады поделиться с желающими. Тут надо поработать головой. Сидеть на месте и думать, думать.

— Ладно, погляжу, — безучастно произнес Мартин Бек.

— В газетах ни слова не было. Ну как, завел я тебя?

— Завел, завел. Пока.

— Пока.

Выйдя из кабинета, Колльберг остановился, нахмурил брови, несколько секунд постоял около двери, потом озабоченно покачал головой и зашагал к лифту.

V

Мартин Бек покривил душой, когда ответил утвердительно на вопрос Леннарта Колльберга. На самом деле содержимое розовой папки его ничуть не волновало.

Почему же он погрешил против истины?

Чтобы сделать приятное товарищу? Вряд ли.

Обмануть его? Ерунда. Во-первых, незачем, во-вторых, из этого ничего не вышло бы. Они слишком хорошо и слишком давно знали друг друга, к тому же кого-кого, а Колльберга не так-то просто провести.

Сам себя обманывал? Тоже чушь.

Продолжая мусолить этот вопрос, Мартин Бек довел до конца методическое обследование своего кабинета.

После ящиков стола он принялся за мебель, переставил стулья, повернул письменный стол, пододвинул шкаф чуть ближе к двери, привинтил настольную лампу справа. Его заместитель, видимо, предпочитал держать ее слева. А может, это вышло чисто случайно. В мелочах Колльберг нередко поступал как Бог на душу положит. Зато в важных делах он был предельно основателен. Так, с женитьбой прождал до сорока двух лет, не скрывая, что ему нужна идеальная жена. Ждал ту, единственную.

На счету Мартина Бека числилось почти двадцать лет неудачного брака с особой, которая явно не была той, единственной.

Правда, теперь он опять холостяк, но, похоже, слишком долго тянул с разводом. За последние полгода Мартин Бек не раз ловил себя на мысли, что, пожалуй, все-таки зря развелся. Может быть, нудная, сварливая жена лучше, чем никакой… Ладно, это не самая важная из его проблем.

Он взял вазу с цветами и отнес одной из машинисток. Она как будто обрадовалась.

Мартин Бек вернулся в кабинет, сел за стол и посмотрел кругом. Порядок восстановлен.

Уж не пытается ли он внушить себе, что все осталось по-прежнему? Праздный вопрос, лучше выкинуть его из головы. Он потянул к себе прозрачную папку, чтобы отвлечься.

Так, смертный случай… Что ж, порядок. Смертные случаи как раз по его части.

Ну и где же произошел этот случай?

Бергсгатан, пятьдесят семь. Можно сказать, под носом у полицейского управления.

Вообще-то он вправе заявить, что его группа тут ни при чем, этим делом должна заниматься стокгольмская уголовная полиция. Позвонить на Кунгсхольмен и спросить, о чем они там думают? Или еще того проще — положить бумаги в пакет и вернуть отправителю.

Позыв к закоснелому формализму был настолько силен, что Мартину Беку пришлось сделать усилие над собой, чтобы не поддаться.

Он поглядел на часы. Время ленча. А есть не хочется.

Он встал, дошел до туалета и выпил теплой воды.

Вернувшись, обратил внимание, что в кабинете душно, воздух застоялся. Тем не менее он не стал снимать пиджак, даже не расстегнул воротничок.

Сел за стол, вынул бумаги из папки и начал читать

Двадцать восемь лет службы в полиции многому его научили, в частности как, читать донесения и сводки, отбрасывая все лишнее и второстепенное и схватывая суть. Если таковая имелась.

Меньше часа ушло у него на то, чтобы внимательно изучить все документы. Тяжелый слог, местами ничего не поймешь, а некоторые обороты просто ни в какие ворота не лезут. Это, конечно, Эйнар Рённ — сей стилист от полиции явно пошел в печально известного чинушу, который в сочиненных им правилах уличного движения утверждал, что темнота наступает, когда зажигаются уличные фонари.

Мартин Бек еще раз перелистал сводку, останавливаясь на некоторых деталях.

Потом отодвинул бумаги в сторону, поставил локти на стол и обхватил ладонями лоб.

Нахмурил брови и попробовал осмыслить, что же произошло.

Вся история распадалась на две части. Первая из них была обыденной и отталкивающей.

Две недели назад, то есть в воскресенье 18 июня, один из жильцов дома 57 по Бергсгатан на острове Кунгсхольмен вызвал полицию. Вызов был принят в 14.19, но патрульная машина с двумя полицейскими прибыла на место только через два часа. Правда, от полицейского управления до указанного дома всего пять минут пешком, но задержка объяснялась просто. Во-первых, в стокгольмской полиции вообще не хватало людей, а тут еще отпускная пора, да к тому же воскресенье. Наконец, дело явно было не такое уж срочное.

Полицейские Карл Кристианссон и Кеннет Квастму вошли в дом и обратились к женщине, от которой поступил вызов. Заявительница жила на втором этаже. Она сообщила, что уже несколько дней на лестнице стоит неприятный запах, который заставил ее заподозрить неладное.

Оба полицейских тоже сразу обратили внимание на запах. Квастму определил его как запах разложения, «очень похожий на вонь от тухлого мяса». Дальнейшее определение источника запаха (сообщал тот же Квастму) привело их к дверям квартиры этажом выше. По имеющимся данным, за дверью находилась однокомнатная квартира, с некоторых пор занимаемая жильцом примерно шестидесяти лет по имени Карл Эдвин Свярд. Фамилия установлена по сделанной от руки надписи на кусочке картона под кнопкой электрического звонка. Поскольку были основания предполагать, что в квартире может находиться тело самоубийцы, или покойника, умершего естественной смертью, или собаки (писал Квастму), а возможно, больной и беспомощный человек, было решено проникнуть внутрь. Электрический звонок явно не работал, а на стук никто не отзывался. Попытки найти управляющего домом, дворника или кого-нибудь еще, располагающего вторым ключом, не дали результата. Тогда полицейские обратились за инструкциями к начальству и получили приказание проникнуть в квартиру.

Послали за слесарем, на это ушло еще полтора часа. Когда прибыл слесарь, он констатировал, что дверь заперта на замок с секретом, не поддающийся никаким отмычкам, и щель для почты отсутствует. С помощью специального инструмента замок удалось вырезать, но дверь тем не менее не открылась.

Кристианссон и Квастму, дежурство которых давно кончилось, снова обратились за инструкциями и получили распоряжение выломать дверь. На вопрос, не будет ли при этом

присутствовать кто-нибудь из уголовной полиции, им сухо ответили, что больше послать некого.

Слесарь уже ушел, сделав свое дело.

Около семи вечера Квастму и Кристианссону удалось снять дверь с наружных петель, сломав шплинты. Но тут «возникли новые препятствия». Как выяснилось затем, дверь, помимо замка, запиралась двумя металлическими задвижками и железной балкой, которая «утапливалась в косяк». И только еще через час полицейские смогли проникнуть в квартиру, где царила страшная духота и стоял невыносимый трупный запах.

В комнате, окно которой выходило на улицу, был обнаружен мертвец. Он лежал на спине примерно в трех метрах от окна, рядом с включенным электрокамином. Из-за жаркой погоды и тепла от камина труп раздулся и стал «по меньшей мере вдвое больше обычной толщины». Разложение достигло высокой степени, «в изобилии наблюдались черви».

Окно было заперто на щеколду изнутри, штора спущена.

Второе окно, на кухне, выходило во двор. Рама была заклеена бумажной лентой и, судя по всему, давно не открывалась.

Мебели было мало, обстановка убогая. Квартира «в смысле потолка, пола, стен, обоев и покраски» сильно запущена.

Число обнаруженных предметов обихода на кухне и в жилой комнате совсем незначительно.

Из найденных пенсионных документов было выяснено, что покойник — Карл Эдвин Свярд, 62 года, бывший складской рабочий, пенсия назначена по инвалидности шесть лет назад.

После осмотра квартиры следователем Гюставссоном тело было отправлено на судебно-медицинскую экспертизу.

Предварительное заключение: самоубийство или смертный случай вследствие голода, болезни или иных естественных причин.

Мартин Бек порылся в карманах пиджака, тщетно пытаясь нащупать снятые с производства сигареты «Флорида».

Газеты ничего не писали о Свярде. Стишком банальная история. Стокгольм занимает одно из первых мест в мире по числу самоубийств, но об этом стараются не говорить, а когда уж очень прижмет, выкручиваются с помощью подтасованной и лживой статистики. Обычное и самое простое объяснение — в других странах со статистикой ловчат еще больше. Правда, в последние годы даже члены правительства не решаются официально прибегать к этому трюку. Должно быть, уразумели, что люди больше доверяют собственным глазам, чем увёрткам политиканов.

Ну а если это не самоубийство, то и вовсе ни к чему шум поднимать… Дело в том, что так называемое общество всеобщего благоденствия изобилует больными, нищими и одинокими людьми, которые в лучшем случае питаются собачьим кормом и чахнут без всякого ухода в крысиных норах, громко именуемых человеческим жильем.

Словом, история явно не для широкой публики. Да и полиции как будто делать нечего.

Если бы повесть о пенсионере Карле Эдвине Свярде этим исчерпывалась. Однако у нее было продолжение.

VI

Мартин Бек был старый служака и хорошо знал: если в сводке не сходятся концы с концами, в девяноста девяти случаях из ста причина заключается в том, что кто-то работал

спустя рукава, совершил ошибку, небрежно оформил протокол, не уловил сути дела или попросту не умеет вразумительно излагать свои мысли.

Вторая часть истории о покойнике в доме на Бергсгатан заставила Мартина Бека насторожиться.

Поначалу все шло как положено. В воскресенье вечером тело увезли в морг. В понедельник в квартире произвели столь необходимую дезинфекцию, и в тот же день сотрудники полиции оформили надлежащий протокол.

Вскрытие было произведено во вторник; заключение поступило в полицейское управление на следующий день.

Исследовать старый труп отнюдь не весело, особенно когда заранее известно, что человек покончил с собой или умер естественной смертью. А если он к тому же не занимал видного места в обществе, скажем, был всего-навсего скромным пенсионером, бывшим складским рабочим, в таком деле и подавно нет ничего интересного.

Подпись на протоколе вскрытия была незнакома Мартину Беку — скорее всего, какой-нибудь временный работник… Текст пестрил учеными словами, и разобраться в нем было непросто.

Возможно, оттого и дело продвигалось не слишком быстро. Ибо в отдел насильственных преступлений, к Эйнару Рённу, документы, судя по всему, попали только через неделю. И только там, похоже, произвели надлежащее впечатление.

Мартин Бек пододвинул к себе телефон, чтобы впервые за много месяцев набрать служебный номер. Поднял трубку, положил правую руку на диск и задумался.

Он забыл номер морга. Пришлось заглянуть в справочник.

— Ну конечно, помню. — В голосе эксперта (это была женщина) звучало удивление. — Заключение отправлено нами две недели назад.

— Знаю.

— Там что-нибудь неясно?

— Просто я тут кое-чего не понимаю…

— Не понимаете? Как так?

Кажется, она оскорблена?

— Согласно вашему протоколу, исследуемый покончил с собой.

— Совершенно верно.

— Каким способом?

— Разве это не вытекает из заключения? Или я написала так невразумительно?

— Что вы, что вы.

— Так чего же вы тогда не поняли?

— По чести говоря, довольно много. Но виновато, разумеется, мое собственное невежество.

— Вы подразумеваете терминологию?

— И ее тоже.

— Ну, такого рода трудности неизбежны, если у вас нет медицинского образования, — утешила она его.

Высокий, звонкий голос — должно быть, совсем молодая.

Мартин Бек промолчал. Ему следовало бы сказать: «Послушайте, милая девушка, это заключение предназначено не для патологоанатомов. Запрос поступил из полиции, значит, надо писать так, чтобы любой оперативный работник мог разобраться».

Но он этого не сказал. Почему?

Врач перебила его размышления:

— Алло, вы слушаете?

— Да-да, слушаю.

— У вас есть какие-нибудь конкретные вопросы?

— Да. Прежде всего, хотелось бы знать, на чем основана ваша гипотеза о самоубийстве.

— Уважаемый господин комиссар, — ответила она озадаченно, — тело было доставлено нам полицией. Перед тем как произвести вскрытие, я разговаривала по телефону с сотрудником, который, насколько я понимаю, отвечал за дознание. Он сказал, что случай рядовой и ему нужен ответ только на один вопрос.

— Какой же?

— Идет ли речь о самоубийстве.

Мартин Бек сердито потер костяшками пальцев грудь. Рана до сих пор давала себя знать. Ему объяснили, что это психосоматическое явление, все пройдет, как только подсознание отключится от прошлого. Но сейчас его раздражало как раз не прошлое, а самое натуральное настоящее. И подсознание тут вовсе ни при чем.

Допущена элементарная ошибка. Вскрытие должно производиться объективно. Наводить судебного врача на версию — чуть ли не должностное преступление, особенно когда патологоанатом, как в данном случае, молод и неопытен.

— Вы запомнили фамилию сотрудника, который говорил с вами?

— Следователь Альдор Гюставссон. Я поняла так, что он ведет это дело. Он произвел на меня впечатление опытного и сведущего человека.

Мартин Бек не имел никакого представления о следователе Альдоре Гюставссоне и его профессиональных качествах.

— Итак, полиция дала вам определенные установки? — спросил он.

— Можно сказать и так. Во всяком случае, мне дали ясно понять, что подозревается суицид.

— Вот как.

— Разрешите напомнить, что суицид означает «самоубийство».

Мартин Бек оставил эту шпильку без ответа.

— Вскрытие было сопряжено с трудностями? — осведомился он.

— Да нет. Если не считать обширных органических изменений. Это всегда накладывает свой отпечаток.

Интересно, много ли самостоятельных вскрытий на ее счету?

— Процедура долго длилась?

— Нет, недолго. Поскольку речь шла о самоубийстве или остром заболевании, я начала с вскрытия торакса.

— Почему?

— Покойный был пожилой человек. При скоропостижной смерти естественно предположить сердечную недостаточность или инфаркт.

— Откуда вы взяли, что смерть была скоропостижной?

— Ваш сотрудник намекнул на это.

— Как намекнул?

— Довольно откровенно, помнится мне.

— Что он сказал?

— Сказал? Что старичок либо покончил с собой, либо у него был разрыв сердца. Что-то в этом роде.

Еще одна вопиющая ошибка. В деле нет никаких данных, исключающих возможность того, что Свярд перед смертью несколько суток пролежал парализованный или в забытьи.

— Ну хорошо, вы вскрыли грудную клетку.

— Да. И почти сразу мне все стало ясно. Версия напрашивалась сама собой.

— Самоубийство?

— Вот именно.

— Каким способом?

— Покойник выстрелил себе в сердце. Пуля осталась в тораксе.

— Он попал в самое сердце?

— Почти. А точнее, в аорту. — Она помолчала. Потом спросила не без яда: — Я выражаюсь достаточно понятно?

— Да.

Мартин Бек постарался возможно тщательнее сформулировать следующий вопрос:

— У вас большой опыт работы с огнестрельными ранами?

— Полагаю, вполне достаточный. К тому же данный случай представляется не таким уж сложным.

Сколько убитых огнестрельным оружием довелось ей вскрывать? Троих? Двоих? А может быть, всего лишь одного?

Словно угадав его невысказанные сомнения, она дала справку:

— Я работала в Иордании во время гражданской войны два года назад. Там хватало огнестрельных ран.

— Но вряд ли было много самоубийств.

— Это верно.

— Так вот, самоубийцы редко целят в сердце, — объяснил Мартин Бек. — Большинство стреляют себе в рот, некоторые — в висок.

— Не спорю. Но все равно он далеко не первый. В курсе психологии сказано, что самоубийцам как раз присуще побуждение направлять оружие в сердце. Особенно это касается лиц, которым самоубийство представляется романтичным. А таких достаточно много.

— Как по-вашему, сколько мог прожить Свярд с таким ранением?

— Очень мало. Минуту, от силы две или три. Внутреннее кровоизлияние было обширным. Я бы сказала — минуту, и вряд ли я намного ошибусь. Это играет какую-нибудь роль?

— Может быть, и не играет. Но меня интересует еще один вопрос. Вы исследовали останки двадцатого июня.

— Да, двадцатого.

— Как вы считаете, сколько дней прошло тогда с его смерти?

— Ну, как вам сказать…

— В заключении этот пункт сформулирован не совсем четко.

— Это довольно затруднительный вопрос. Возможно, более опытный патологоанатом смог бы ответить точнее.

— А вы-то как считаете?

— Не меньше двух месяцев, но…

— Но?

— Все зависит от условий в помещении. Температура и влажность воздуха играют большую роль. Например, если было жарко, срок мог быть и меньше. С другой стороны, как я уже говорила, процесс разложения зашел достаточно далеко…

— Что вы скажете о входном отверстии?

— На этот вопрос трудно ответить по той же причине.

— Выстрел произведен в упор?

— По-моему, нет. Но учтите, что я могу ошибаться.

— И все-таки, вы как считаете?

— По-моему, он застрелился вторым способом. Если не ошибаюсь, основных способов известно два?

— Совершенно верно, — подтвердил Мартин Бек.

— Либо дуло приставляют вплотную к телу и спускают курок. Либо держат пистолет или другое оружие в вытянутой руке, дулом к себе. В этом случае, насколько я понимаю, курок спускают большим пальцем?

— Верно. И вы склоняетесь к этой версии?

— Да. Правда, это не окончательный вывод. Когда налицо такие изменения в тканях, трудно определить, произведен ли выстрел в упор.

— Понятно.

— Выходит, одна я такая непонятливая, — небрежно произнесла девушка. — К чему столько вопросов? Неужели вам так важно знать, когда именно он застрелился?

— Похоже, что да. Свярда обнаружили мертвым в его квартире, окна и двери были заперты изнутри, он лежал рядом с электрокамином.

— Вот вам и причина разложения, — оживилась она. — Тогда достаточно было и месяца.

— Правда?

— Ну да. Оттого и трудно определить, был ли выстрел произведен в упор.

— Ясно, — сказал Мартин Бек. — Благодарю за помощь.

— Что вы, не за что. Звоните, если что-нибудь еще будет непонятно.

— До свидания.

Он положил трубку.

Здорово она все объясняет. Этак скоро лишь один вопрос останется невыясненным.

Правда, вопрос весьма заковыристый.

Свярд не мог покончить с собой.

Как-никак, чтобы застрелиться, надо иметь чем.

А в квартире на Бергсгатан не было обнаружено огнестрельного оружия.

VII

Мартин Бек снова взялся за телефонную трубку.

Он хотел разыскать полицейских из патрульной машины, которая выезжала на Бергсгатан, но их не было на дежурстве. Немало времени ушло на то, чтобы выяснить, что один из них в отпуску, а другого вызвали в суд свидетелем по какому-то делу.

Гюнвальд Ларссон где-то заседал, Эйнар Рённ ушел по делам. В конце концов Мартин Бек нашел сотрудника, который переправил дело из участка в городскую уголовную полицию. Однако долго же он раскачивался — только в понедельник двадцать седьмого оформил отправку… Мартин Бек счел нужным осведомиться:

— Это верно, что заключение судебного врача поступило к вам еще в среду?

— Ей-богу, точно не знаю. — В голосе сотрудника сквозила неуверенность. — Во всяком случае, я прочитал его только в пятницу.

И так как Мартин Бек молча ждал объяснения, он продолжал:

— В нашем участке только половина людей на месте. Еле-еле управляемся с самыми неотложными делами. А бумаги все копятся, что ни день — только хуже.

— Значит, до пятницы никто не знакомился с протоколом?

— Почему же, начальник оперативного отдела смотрел. В пятницу утром он и спросил меня, у кого пистолет.

— Какой пистолет?

— Которым застрелился Свярд. Сам я пистолета не видел, но решил, что кто-то из полицейских, которые первыми приехали по вызову, обнаружил оружие.

— Передо мной лежит их донесение, — сказал Мартин Бек. — Если в квартире находилось огнестрельное оружие, они обязаны были упомянуть об этом.

— Я не вижу никаких ошибок в действиях нашего патруля, — защищался голос в телефоне.

Старается выгородить своих людей… Что ж, его нетрудно понять. За последние годы полицию критикуют все острее, отношения с общественностью резко ухудшились, а нагрузка почти удвоилась. В итоге люди пачками увольняются из полиции, причем уходят, как правило, лучшие. И хотя в стране растет безработица, полноценную замену найти невозможно. А кто остался, горой стоят друг за друга.

— Допустим, — сказал Мартин Бек.

— Ребята действовали правильно. Как только они проникли в квартиру и обнаружили покойника, они вызвали следователя.

— Вы имеете в виду Гюставссона?

— Совершенно верно. Он из уголовной полиции, ему положено делать выводы и докладывать обо всем, что замечено. Я решил, что они обратили его внимание на пистолет и он его забрал.

— И умолчал об этом в своем донесении?

— Всякое бывает, — сухо заметил сотрудник.

— Так вот, похоже, что в комнате вовсе не было оружия.

— Да, похоже. Но я узнал об этом только в прошлый понедельник, когда разговаривал с Кристианссоном и Квастму. И сразу переслал все бумаги на Кунгсхольмсгатан.

Полицейский участок и уголовная полиция находились в одном и том же квартале, и Мартин Бек позволил себе заметить:

— Не такое уж большое расстояние.

— Мы действовали, как положено, — отпарировал сотрудник.

— По правде говоря, меня больше интересует вопрос о Свярде, чем о промахах той или иной стороны.

— Если кто-нибудь допустил промах, то уж во всяком случае не служба охраны порядка.

Намек был достаточно прозрачный, и Мартин Бек предпочел закруглить разговор.

— Благодарю за помощь, — сказал он. — Всего доброго.

Следующим его собеседником был следователь Гюставссон, основательно замотанный, судя по голосу.

— Ах, это дело, — вспомнил он. — Да, непонятная история. Что поделаешь, бывает.

— Что бывает?

— Непонятные случаи, загадки, которые просто нельзя решить. Безнадежное дело, сразу видно.

— Я попрошу вас прибыть сюда.

— Сейчас? На Вестберга?

— Вот именно.

— К сожалению, это невозможно.

— В самом деле? — Мартин Бек посмотрел на часы. — Скажем, к половине четвертого.

— Но я никак не могу…

— К половине четвертого, — повторил Мартин Бек и положил трубку. Он встал и начал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину. Все правильно. Так уж повелось последние пять лет, все чаще приходится для начала выяснять, как действовала полиция. И нередко это оказывается потруднее, чем разобраться в самом деле.

Альдор Гюставссон явился в пять минут пятого.

Фамилия Гюставссон ничего не сказала Мартину Беку, но лицо было знакомо. Худощавый брюнет лет тридцати, манеры развязные и вызывающие. Мартин Бек вспомнил, что ему случалось видеть его в дежурке городской уголовной полиции и в других, не столь достославных местах.

— Прошу сесть.

Гюставссон опустился в самое удобное кресло, положил ногу на ногу и достал сигару. Закурил и сказал:

— Муторное дельце, верно? Ну, какие будут вопросы?

Мартин Бек покрутил между пальцами шариковую ручку, потом спросил:

— Когда вы прибыли на Бергсгатан?

— Вечером, что-нибудь около десяти.

— И что вы увидели?

— Жуть. Жирные белые черви. И запах паскудный. Одного из полицейских вырвало в прихожей.

— Где находились полицейские?

— Один стоял на посту у дверей. Второй сидел в патрульной машине.

— Они все время держали дверь под наблюдением?

— Сказали, что все время.

— Ну, и что вы… что ты предпринял?

— Как что — вошел и посмотрел. Картина, конечно, была жуткая. Но ведь проверить-то надо, вдруг дело нечистое.

— Однако ты пришел к другому выводу?

— Ну да. Дело ясное, как апельсин. Дверь была заперта изнутри на кучу замков и задвижек. Ребята еле-еле взломали ее. И окно заперто, и штора опущена.

— Окно по-прежнему было закрыто?

— Нет. Они сразу открыли его, как вошли. А иначе пришлось бы противогаз надевать.

— Сколько ты там пробыл?

— Недолго. Ровно столько, сколько понадобилось, чтобы убедиться, что уголовной полиции тут делать нечего. Картина четкая: либо самоубийство, либо естественная смерть, а этим местный участок занимается.

Мартин Бек полистал донесение.

— Я не вижу описи изъятых предметов.

— Правда? Выходит, забыли. Да только что там описывать? Барахла-то почти не было. Стол, стул, кровать, да в кухонной нише разная дребедень, вот и все.

— Но ты произвел осмотр?

— Конечно. Все осмотрел, только потом дал разрешение.

— Какое?

— Чего — какое? Не понял.

— Какое разрешение ты дал?

— Останки увозить, какое же еще. Старичка ведь надо было вскрывать. Даже если он своей смертью помер, все равно, есть такое правило.

— Ты можешь изложить свои наблюдения?

— Запросто. Труп лежал в трех метрах от окна. Примерно.

— Примерно?

— Я не взял с собой рулетки. Месяца два пролежал, должно быть, совсем сгнил. В комнате было два стула, стол и кровать.

— Два стула?

— Ага.

— Ты только что сказал — один.

— Правда? Нет, кажется, все-таки два. Так, еще полка с книгами и старыми газетами. Ну и на кухне две-три кастрюли, кофейник и все такое прочее.

— Все такое прочее?

— Ножи там, вилки, консервный нож, мусорное ведро…

— Понятно. На полу что-нибудь лежало?

— Ничего, не считая покойника. Полицейские тоже ничего не нашли, я спрашивал.

— В квартиру еще кто-нибудь заходил?

— Нет, ребята сказали, что никто не заходил. Только я да они. Потом приехали мужики с фургоном и увезли труп в полиэтиленовом мешке.

— И причина смерти Свярда уже установлена.

— Ага, вот именно. Застрелился. Уму непостижимо! Куда же он пушку-то дел?

— У тебя есть какие-нибудь предположения на этот счет?

— Ноль целых. Дурацкий случай. Этого дела не раскрыть, я точно говорю. Редко, но бывает.

— А полицейские что сказали?

— Да ничего. Что они могут сказать — обнаружили труп, убедились, что все было заперто, и точка. Если бы в квартире пушка была, неужели мы ее не нашли бы. Да и где ей быть, если не на полу рядом с покойничком.

— Ты выяснил личность покойника?

— А как же. Фамилия — Свярд, на двери написано. С одного взгляда видно, что за человек.

— Ну-ну?

— Обычный алкаш, надо думать. Клиент для органов призрения. Такие частенько кончают с собой. Или упиваются до смерти, или с инфарктом на тот свет отправляются.

— Больше ничего существенного не добавишь?

— У меня все. В общем, головоломка… Загадочный случай. Тут и ты не справишься, помяни мое слово. Да и будто нету дел поважнее.

— Возможно.

— Как пить дать. Мне можно сматываться?

— Погоди, — ответил Мартин Бек.

— У меня все. — Альдор Гюставссон ткнул сигару в пепельницу.

Мартин Бек встал и подошел к окну.

— Зато у меня не все, — заметил он, стоя спиной к собеседнику.

— А что такое?

— Сейчас услышишь. Например, на прошлой неделе на место происшествия выезжал криминалист. Большинство следов было уничтожено, но на коврике он сразу обнаружил пятна крови, одно большое и два поменьше. Ты видел пятна крови?

— Нет. Да я их и не искал.

— Это чувствуется. А чего же ты искал?

— Да ничего. Ведь все и так было ясно.

— Если ты не заметил крови, мог и другое пропустить.

— Во всяком случае, огнестрельного оружия там не было.

— Ты обратил внимание, как был одет покойный?

— Не так чтобы очень. И ведь труп-то сгнил уже. Что на нем могло быть, тряпье какое-нибудь. И вообще, я не вижу, чтобы это играло какую-нибудь роль.

— Но ты сразу определил, что покойный был бедняк и жил одиноко. Не какая-нибудь приметная личность.

— Точно. Насмотришься, как я, на всяких алкашей и прочую шушеру…

— И что же?

— А то, что я свою публику знаю.

— Ну а если бы покойник занимал более высокое положение в обществе? Тогда, надо понимать, ты работал бы тщательнее?

— Само собой, тут приходится все учитывать. Нам ведь тоже достается дай Бог.

Альдор Гюставссон обвел взглядом кабинет.

— Вам тут, может, и невдомек, но у нас работы выше головы. Охота была изображать Шерлока Холмса каждый раз, как тебе попадется мертвый босяк. Ты еще что-нибудь хочешь сказать?

— Да. Хочу отметить, что это дело ты вел из рук вон плохо.

— Что?

Гюставссон встал. Похоже, до него только теперь дошло, что Мартин Бек вполне может испортить ему карьеру.

— Погоди, — бормотал он. — Только потому, что я не заметил кровавых пятен и несуществующего пистолета…

— Эти упущения еще не самое главное, — сказал Мартин Бек. — Хотя тоже грех непростительный. Хуже то, что ты позвонил судебному врачу и дал указания, которые основывались на предвзятых и неверных суждениях. Кроме того, заморочил голову полицейским, и они поверили, что дело элементарное, тебе, мол, достаточно войти в комнату и окинуть ее взглядом, и все станет ясно. Заявил им, что никаких специалистов вызывать не нужно, потом велел забирать тело и даже не позаботился о том, чтобы были сделаны снимки.

— Господи, — произнес Гюставссон. — Но ведь старикашка сам покончил с собой.

Мартин Бек повернулся и молча посмотрел на него.

— Эти замечания… надо понимать как официальный выговор?

— Вот именно, строгий выговор. Всего хорошего.

— Погоди, зачем же так, я постараюсь исправить…

Мартин Бек отрицательно покачал головой. Следователь встал и направился к выходу. Он был явно озабочен, но, прежде чем дверь затворилась, Мартин Бек услышал, как он произнес:

— Черт старый.

По правде говоря, такому, как Альдор Гюставссон, не место в уголовной полиции и вообще в полиции. Бездарный тип, заносчивый, развязный, и совсем неверно понимает свою службу.

Прежде в городскую уголовную полицию привлекали лучших сотрудников. Да и теперь, наверно, к этому стремятся. Если такого человека сочли достойным два года назад, что же будет дальше?

Ладно, первый рабочий день окончен. Завтра надо будет пойти и посмотреть на эту запертую комнату.

А сегодня вечером? Поест, что дома найдется, потом посидит и полистает книги, которые следует прочесть. Будет лежать в постели и ждать, когда придет сон. Один-одинешенек.

В собственной запертой комнате.

VIII

Эйнар Рённ любил природу, он и в полицейские пошел потому, что работа живая, много времени проводишь на воздухе. Но с годами, поднимаясь по служебной лестнице, он все больше превращался в кабинетного работника и на свежем воздухе — если это выражение применимо к Стокгольму — бывал все реже. Для него стало жизненной потребностью проводить отпуск в родных горах у Полярного круга. Стокгольм он, по чести говоря, крепко невзлюбил и уже в сорок пять начал мечтать о том, как уйдет на пенсию и навсегда вернется в Арьеплуг.

Близился очередной отпуск, но Эйнар Рённ опасался, как бы его не попросили повременить с отдыхом, пока не будет раскрыто это дело с ограблением банка.

И, стремясь хоть как-то ускорить расследование, он в понедельник вечером, вместо того чтобы ехать в Веллингбю, где его дома ждала жена, решил отправиться в Соллентуну и побеседовать с одним свидетелем.

Мало того, что Эйнар Рённ добровольно взялся посетить свидетеля, которого вполне можно было вызвать обычным порядком, — он проявил при этом такое рвение, что Гюнвальд Ларссон, не подозревая об эгоистических мотивах товарища, спросил его, уж не поссорился ли он с Ундой.

— Ага, не поссорился, — ответил Рённ с обычным для него презрением к логике фразы.

Свидетель, которого собрался проведать Эйнар Рённ, был тот самый тридцатидвухлетний рабочий-металлист, который давал показания Гюнвальду Ларссону о виденном возле банка на Хурнсгатан.

Звали его Стен Шёгрен, он жил один в типовом домике на Сонгарвеген. Когда Рённ вышел из машины, Шёгрен стоял в садике перед домом и поливал розовый куст, но при виде гостя поставил лейку и отворил калитку. Вытер ладони о брюки, поздоровался, потом поднялся на крыльцо и предложил Рённу войти.

Домик был маленький, на первом этаже, кроме прихожей и кухни, — всего одна комната. Дверь в комнату была приоткрыта. Пусто… Хозяин перехватил взгляд Рённа.

— Только что развелся с женой, — объяснил он. — Она забрала часть мебели, так что здесь сейчас не очень-то уютно. Пошли лучше наверх.

На втором этаже находилась довольно просторная комната с камином, перед которым стояли низкий белый столик и несколько разномастных кресел. Рённ сел, но хозяин остался стоять.

— Хотите пить? — спросил он. — Могу сварить кофе, а еще в холодильнике должно быть пиво.

— Спасибо, мне то же, что и вам, — ответил Рённ.

— Значит, пиво.

Он сбежал вниз по лестнице и загремел посудой на кухне. Эйнар Рённ осмотрелся кругом. Мебели не густо, зато стереофоническая радиола и довольно много книг. В газетнице у камина — газеты и журналы: «Дагенс нюхетер», «Ви», «Ню даг», «Металларбетарен».

Стен Шёгрен вернулся со стаканами и двумя банками пива и поставил их на белый столик. Он был жилистый и худощавый. Косматые рыжие волосы нормальной, на взгляд Рённа, длины. Спортивная рубашка защитного цвета. Лицо в веснушках, веселая искренняя улыбка. Открыв банки и наполнив стаканы, он сел напротив гостя, приветственно поднял свой стакан и выпил. Рённ глотнул пива и сказал:

— Мне хотелось бы услышать, что вы видели в пятницу на Хурнсгатан. Лучше не откладывать, пока воспоминание не слишком потускнело.

«Кажется, складно получилось», — удовлетворенно подумал он.

Стен Шёгрен кивнул и отставил бокал.

— Да знать бы, что там было ограбление и убийство, я бы получше пригляделся и к девчонке, и к тем мужикам, и к машине.

— Во всяком случае, вы пока наш лучший свидетель, — поощрительно сказал Рённ. — Итак, вы шли по Хурнсгатан. В какую сторону?

— Я шел от Слюссена в сторону Рингвеген. А эта дева выскочила у меня из-за спины и побежала дальше, да еще толкнула меня.

— Вы можете описать ее?

— Боюсь, не очень хорошо. Ведь я ее видел со спины, да сбоку мельком, когда она садилась в машину. Ростом поменьше меня, сантиметров на десять. Во мне метр семьдесят восемь. Возраст точно не скажу, но, по-моему не моложе двадцати пяти и не старше тридцати пяти, что-нибудь около тридцати. Одета в джинсы, синие такие, обыкновенные, и голубая блузка или рубашка, навыпуск. На обувь я не обратил внимания, а на голове — шляпа, тоже из джинсовой материи, с широкими полями. Волосы светлые, прямые и не такие длинные, какие сейчас носят многие девчонки. В общем, средней длины. На плече сумка висела, зеленая, американская, военного фасона.

Он достал из грудного кармашка пачку сигарет и предложил Рённу, но тот отрицательно мотнул головой и спросил:

— Вы не заметили, у нее было что-нибудь в руках?

Хозяин встал, взял с камина спички и закурил.

— Не знаю, не уверен. Может, и было.

— А сложение? Худая, полная?..

— В меру, я бы сказал. Не худая и не толстая. В общем, нормальная.

— А лица, значит, совсем не видели?

— Только одну секунду, когда она в машину садилась. Но ведь на ней эта шляпа была, да и очки большие…

— Узнаете, если она вам где-нибудь попадется?

— По лицу не узнаю. И в другой одежде, в платье скажем, тоже вряд ли.

Рённ задумчиво пососал пиво. Потом спросил:

— Вы абсолютно уверены, что это была женщина?

Хозяин удивленно посмотрел на него, насупил брови и нерешительно произнес:

— Не знаю, мне показалось, что женщина… Но теперь… теперь я начинаю сомневаться. Просто я ее так воспринял, ведь обычно сразу чувствуешь, кто перед тобой — парень или девчонка, хотя по виду и не всегда разберешь. Но побожиться я не могу, спросите, какая грудь у нее, — не приметил.

Он поглядел на Рённа сквозь сигаретный дым, потом медленно продолжал:

— Да, это вы верно говорите. Почему непременно девчонка, мог быть и парень. Так больше на правду похоже, мне что-то не приходилось слышать, чтобы девчонки грабили банки и убивали людей.

— Значит, вы допускаете, что это мог быть мужчина, — сказал Рённ.

— Да, после того, что вы сказали… Ясное дело, парень, а как же.

— А остальные двое? Вы можете их описать? И машину?

Шёгрен затянулся в последний раз и бросил окурок в камин, где уже лежала куча окурков и обгорелых спичек.

— Машина — «рено-шестнадцать», это точно. Светло-серая или бежевая — не знаю, как цвет называется, в общем, почти белая. Номер весь не скажу, но мне запомнилась буква «А» и две тройки. Или три… во всяком случае, не меньше двух, и, по-моему, они стояли рядом, где-то посередине.

— Вы уверены, что «А»? Может, «АА» или «АБ»?

— Нет, только «А», точно помню. У меня зрительная память на редкость.

— Это очень кстати, — заметил Рённ. — Нам бы всегда таких очевидцев.

— Вот именно. I am a camera.[4] Читали?

Ишервуд написал.

— Не читал, — ответил Рённ.

Он не стал говорить, что смотрел одноименный фильм. Пошел на него только ради своей любимой актрисы Джулии Харрис, а фамилия Ишервуд ему ничего не говорила, он и не подозревал, что фильм снят по книге.

— Но фильм-то вы, конечно, видели, — сказал Шёгрен. — Так всегда с хорошими книгами, которые экранизируют, люди фильм посмотрят и за книгу уже не возьмутся. А вообще-то картина отличная, только название дурацкое — «Буйные ночи в Берлине», надо же!

— Н-да. — Рённ мог поклясться, что, когда он смотрел эту картину, она называлась «Я — фотоаппарат». — Н-да, название неудачное.

Смеркалось. Стен Шёгрен встал и включил торшер, который стоял за креслом Рённа.

— Ну что ж, продолжим, — сказал Рённ, когда он снова сел. — Вы собирались описать людей в машине.

— Ага, впрочем, сидел в машине только один.

— А второй?

— Второй стоял на тротуаре и ждал, придерживал заднюю дверцу. Рослый, повыше меня верзила. Не то чтобы полный, а крепкий такой, сильный на вид. Моего возраста, примерно лет тридцати-тридцати пяти, кучерявый, как артист этот, Харпо Маркс, только потемнее, серые волосы. Брюки черные, в обтяжку, расклешенные, и рубашка тоже черная, блестящая такая, на груди расстегнутая, и, по-моему, цепочка на шее, с какой-то серебряной штучкой. Рожа довольно загорелая или просто красная. Когда эта дева подбежала — если это была

дева, конечно, — он распахнул дверцу, чтобы она могла вскочить, захлопнул дверцу, сам сел впереди, и машина рванула со страшной скоростью.

— В какую сторону? — спросил Рённ.

— Они развернулись посреди улицы и понеслись к Мариинской площади.

— Так. Ясно… А второй? Второй мужчина?

— Он же сидел за рулем, так что его я не рассмотрел как следует. Но он показался мне моложе, лет двадцати с небольшим. И худой такой, бледный. Белая тенниска, руки тощие-тощие. Волосы черные, довольно длинные и грязные, я бы сказал. Сальные космы. И тоже в темных очках. Еще я припоминаю на левой руке у него широкий черный ремешок — часы, значит.

Шёгрен откинулся назад, держа в руке стакан.

— Как будто все рассказал, все, что помню, — закончил он. — А может, забыл что-нибудь?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Рённ. — Если еще что-нибудь вспомните, свяжитесь с нами. Вы никуда не уезжаете?

— К сожалению. Вообще-то у меня сейчас отпуск, да денег — ни гроша, куда тут поедешь. Буду дома болтаться.

Рённ допил пиво и встал.

— Вот и хорошо. Возможно, нам опять понадобится ваша помощь.

Шёгрен тоже встал, и они спустились на первый этаж.

— Это что же, снова рассказывать? — спросил он. — Записали бы лучше на магнитофон, и делу конец.

Он отворил наружную дверь, и Рённ вышел на крыльцо.

— Да нет, скорее вы можете нам понадобиться, чтобы опознать этих молодчиков, когда мы их схватим. Или же мы пригласим вас посмотреть кое-какие фотографии.

Они обменялись рукопожатием, и Рённ добавил:

— В общем, там будет видно. Может, и не придется вас больше беспокоить. Спасибо за пиво.

— Ну что вы. Если надо еще помочь — я пожалуйста.

Пока Рённ шел к машине, Стен Шёгрен стоял на крыльце и приветливо махал ему рукой.

IX

Если не считать четвероногих ищеек, то профессиональные борцы с преступностью, за редким исключением, такие же люди, как все. И даже при выполнении серьезных и ответственных заданий они подчас способны на обычные человеческие чувства. Скажем, волнуются и переживают, когда предстоит ознакомиться с доказательствами первостепенной важности.

Члены спецгруппы по борьбе с банковскими грабителями и высокопоставленные самозваные гости сидели затаив дыхание. Свет в зале был притушен, и все смотрели на экран. Вот-вот на нем оживет картина ограбления на Хурнсгатан. Собравшиеся собственными глазами увидят вооруженный налет на банк, убийство и персону, которую недремлющая вечерняя пресса с присущей ей находчивостью уже успела окрестить «смертоносной секс-бомбой» и «белокурой красавицей в темных очках, с пистолетом в руках». По этим и другим, столь же свежим эпитетам было видно, что репортеры, за неимением собственной фантазии, черпали вдохновение у других авторов — попросту говоря, сдирали.

Предыдущая «секс-бомба», арестованная за ограбление банка, была угреватая плоскостопая особа сорока пяти лет, с роскошным тройным подбородком; вес, по достоверным сведениям, восемьдесят семь килограммов. Но даже после того, как она на суде

уронила вставную челюсть, пресса продолжала расписывать ее внешность в самых лирических тонах, и легковерный читатель навсегда остался в убеждении, что на скамье подсудимых сидела писаная красавица с лучистыми очами — то ли стюардесса американской авиалинии, то ли претендентка на титул «Мисс Вселенная».

Так уж повелось: на страницах вечерней прессы женщины, замешанные в крупных преступлениях, неизменно выглядели как кинозвезды.

Просмотр заветных кадров мог бы состояться и раньше, но техника, как всегда, подвела: в кассете что-то заело, и сотрудникам лаборатории пришлось основательно повозиться, чтобы не повредить пленку. В конце концов удалось извлечь ее и проявить, не повредив перфорацию.

Судя по плотности позитива, на этот раз обошлось без недодержки, и вообще пленка, по мнению техников, удалась на славу.

— Ну-ну, что нам сегодня покажут, — предвкушал Гюнвальд Ларссон. — Вот бы Диснея, что-нибудь про Утенка.

— Тигренок лучше, — отозвался Колльберг.

— Конечно, кое-кто предпочел бы «Партайтаг в Нюрнберге»[5], — заметил Гюнвальд Ларссон.

Они сидели впереди и разговаривали достаточно громко, но в задних рядах царила тишина. Присутствующие тузы во главе с начальником полицейского управления и членом коллегии Мальмом молчали.

«Интересно, о чем они задумались?» — спросил себя Колльберг. Должно быть, прикидывают, как укоротить хвост строптивым подчиненным. Мысленно переносятся в прошлое, когда кругом царил полный порядок и делегаты шведской полиции, не моргнув глазом, голосовали за избрание Гейдриха президентом Интерпола.[6] Вспоминают, насколько лучше обстояли дела всего год назад, когда еще никто не смел оспаривать разумность решения, по которому подготовка полицейских снова была доверена реакционерам из вооруженных сил.

Один только Бульдозер Ульссон хихикнул, слушая острословов. Прежде Колльберг и Гюнвальд Ларссон не очень-то симпатизировали друг другу. Но за последние годы им довелось многое пережить вместе, и отношения изменились. Друзьями они не стали и вне службы вовсе не общались, однако все чаще ощущали некое родство душ. А в спецгруппе и подавно чувствовали себя союзниками.

Механик закончил приготовления.

Напряжение в зале достигло предела.

— Что ж, поглядим, — произнес Бульдозер Ульссон, потирая руки. — Если кадры и впрямь так удались, как нам тут говорят, сегодня же вечером покажем их в «Новостях» по телевидению и в два счета накроем всю компанию.

— Стройные ножки тоже неплохо, — не унимался Гюнвальд Ларссон.

— А шведский стриптиз? — подхватил Колльберг. — Представляешь, я еще ни разу не смотрел порнографического фильма. Девочка Луиза, семнадцать лет, раздевается и все такое прочее.

— Эй вы, помолчите, — прорычал начальник ЦПУ.

Пошли кадры, резкость была отменная, никто из присутствующих и припомнить не мог ничего подобного. Обычно на таких просмотрах вместо людей на экране мелькали какие-то расплывчатые пятна, то ли клецки, то ли тефтели. Но на сей раз изображение было на диво четким.

Камера была хитро установлена вверху за кассой, и благодаря специальной высокочувствительной пленке можно было хорошо рассмотреть человека, находящегося перед стойкой.

Правда, сперва там было пусто. Но уже через полминуты в кадр вошел человек. Остановился, посмотрел направо, потом налево. И наконец уставился прямо в объектив, словно для того, чтобы его получше запечатлели анфас.

Отчетливо было видно одежду: замшевая куртка и стильная рубашка с отложным воротником.

Энергичное суровое лицо, зачесанные назад светлые волосы, недовольный взгляд из-под густых бровей… Вот он поднял большую волосатую руку, выдернул из ноздри волосок и стал внимательно рассматривать его.

Лицо на экране было хорошо знакомо присутствующим.

Гюнвальд Ларссон.

Вспыхнул свет. Спецгруппа безмолвствовала.

Наконец заговорил начальник ЦПУ:

— Об этом никому ни слова.

Разумеется, как же иначе.

Пронзительный голос Мальма повторил:

— Никому ни слова. Вы отвечаете за это.

Колльберг расхохотался.

— Как это могло получиться? — спросил Бульдозер Ульссон.

Похоже было, что даже он слегка озадачен.

— Кхм, — прокашлялся киноэксперт. — С точки зрения техники это нетрудно объяснить. Скажем, заело спуск, и камера начала работать с опозданием. Что поделаешь, деликатное устройство.

— Если хоть одно слово просочится в печать, — рокотал начальник ЦПУ, — то…

— …министру придется новый графин заказывать, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Это же надо, как она замаскировалась, — ликовал Колльберг.

Начальник ЦПУ рванулся к двери, Мальм затрусил следом.

Колльберг задыхался от смеха.

— Ну что тут скажешь, — сокрушался Бульдозер Ульссон.

— Лично я сказал бы, что фильм совсем неплохой, — скромно подвел итог Гюнвальд Ларссон.

X

Отдышавшись, Колльберг обратил испытующий взгляд на человека, которому он был временно подчинен.

Бульдозер Ульссон был главной движущей силой спецгруппы. Он прямо-таки обожал ограбления банков и за последний год, когда число их неимоверно возросло, расцвел пуще прежнего. Генератор идей и концентрат энергии, он мог неделями трудиться по восемнадцать часов в сутки — и хоть бы что, никаких жалоб, никакого намека на уныние и усталость. Порой его вконец измотанные сотрудники спрашивали себя, уж не он ли директор пресловутого акционерного общества «Шведские преступления».

Бульдозер Ульссон явно считал полицейскую работу самым интересным и увлекательным делом на свете.

Скорее всего потому, что сам он был не полицейский.

Ульссон работал в прокуратуре и отвечал за расследование вооруженных налетов на банки. Таких налетов совершалось несметное количество. Некоторые из этих дел раскрывали, правда, не до конца, кого-то задерживали, кого-то сажали в тюрьму, но налеты только учащались, что ни неделя — три или четыре случая, и всем было ясно, что многие из них каким-то образом связаны между собой. Но каким?

Конечно, грабили не только банки. Нападений на частных лиц было неизмеримо больше, не проходило часа, чтобы кого-нибудь не ограбили. На улице, на площади, в магазине, в метро, в собственной квартире — нигде нельзя было чувствовать себя в безопасности. Но банкам придавалось особое значение. Покушаться на банки было все равно что посягать на основы общества.

Система государственного устройства на каждом шагу демонстрировала свою несостоятельность, лишь с величайшей натяжкой можно было назвать ее сколько-нибудь дееспособной. Что же до полиции, то она и на такую оценку не тянула. В одном Стокгольме за последние два года 220 тысяч правонарушений остались нерасследованными из-за бессилия блюстителей порядка. Из более серьезных преступлений удавалось раскрыть только каждое четвертое, а сколько их вообще не доходило до полиции?

Высшие чины лишь озабоченно качали головой, изображая недоумение. Издавна повелось кивать друг на друга, но теперь больше не на кого было кивать. И никто не мог придумать ничего дельного. Правда, кто-то предложил запретить людям пить пиво, но если учесть, что Швеция занимает далеко не первое место по его потреблению, нетрудно было уразуметь, сколь далеки от действительности умозаключения иных деятелей руководящих государственных органов, если тут вообще можно говорить об умозаключениях.

Одно было совершенно ясно: полиция во многом сама виновата. После реорганизации 1965 года, когда управление всеми полицейскими силами было централизовано и передано в одни руки, сразу же стало очевидно, что руки, мягко выражаясь, не те.

Многие исследователи и социологи давно уже задавались вопросом, какими соображениями руководствуется в своих действиях Центральное полицейское управление. Вопрос этот, понятное дело, оставался без ответа. Ревностно оберегая свою кухню от чужого взгляда, начальник ЦПУ принципиально не давал никаких разъяснений. Зато он обожал произносить речи, которые чаще всего не представляли даже риторического интереса.

Не так давно кто-то из полицейских чинов придумал нехитрый, но вполне надежный способ подавать статистику преступности так, что она, формально оставаясь верной, сбивала людей с толку. Все началось с того, что в верхах решили сделать полицию более монолитной и боеспособной, щедрее оснастить ее техникой вообще и оружием в частности. Чтобы получить на это средства, требовалось преувеличить опасности, которым подвергались сотрудники. Словеса помочь не могли, и началась подтасовка статистики.

Очень кстати пришлись тут политические манифестации второй половины шестидесятых годов. Демонстранты выступали за мир — их разгоняли силой. Они были вооружены лозунгами и верой в свою правоту — против них применяли слезоточивый газ, водометы и резиновые дубинки. Чуть не каждая антивоенная манифестация заканчивалась потасовкой. Тех, кто пробовал обороняться, избивали и арестовывали. Потом их привлекали к ответственности за «нападение на представителей власти» или «буйное сопротивление», и независимо от того, кончалось дело судом или нет, все такие случаи включали в статистику. Этот прием срабатывал безошибочно. Каждый раз, когда на демонстрантов натравливали сотню-другую полицейских, число «нападений на блюстителей порядка» резко возрастало.

Полицейских призывали «не снимать ежовых рукавиц», и многие, надо не надо, с охотой внимали этому призыву. Ударь, например, пьянчужку дубинкой — он, скорее всего, даст сдачи. Простая истина, любой усвоит.

Хитроумные тактики добились своего. Полицию вооружили до зубов. На дела, с которыми раньше справлялся один человек, вооруженный простым карандашом и толикой здравого смысла, теперь посылали полный автобус полицейских с автоматами и в пуленепробиваемых жилетах.

Правда, в конечном счете вышло не так, как было задумано. Насилие рождает не только антипатию и ненависть, оно сеет тревогу и страх.

Дошло до того, что люди и впрямь стали бояться друг друга. Стокгольм превратился в город, где десятки тысяч граждан познали страх, а испуганный человек опасен.

Из шестисот полицейских, которые ни с того ни с сего оставили службу, многие на самом деле уволились со страху. Хотя, как уже говорилось, их вооружили до зубов и они чаще всего сидели в патрульных машинах.

Конечно, были и другие причины: кто-то вообще скверно чувствовал себя в Стокгольме, кому-то противно было нести службу так, как его заставляли.

Словом, налицо был явный провал нового курса. Истоки же его терялись во мраке. И кое-кто улавливал в этом мраке коричневые оттенки.

Можно было найти и другие примеры манипуляции со статистикой, отдающие подчас подлинным цинизмом. Год назад было решено положить конец махинациям с чеками. Кое-кто выписывал чеки, забывая о том, сколько на самом деле числится на его счету, другие присваивали чужие бланки, и количество нераскрытых мелких мошенничеств бросало тень на органы власти. Они не желали с этим мириться, и Центральное полицейское управление потребовало, чтобы магазины не принимали чеки в уплату за товар. Всем было ясно, к чему это приведет: как только людям придется носить при себе крупные суммы, участятся грабежи на улицах. Так и вышло. Конечно, мошенничества с чеками прекратились и полицейские власти могли похвастать успехом в кавычках. А то, что в городе ежедневно подвергались нападению десятки граждан, было не так уж важно.

И даже кстати: еще один повод требовать пополнения полиции хорошо вооруженными кадрами.

Правда, возникал вопрос: откуда их взять?

Официальная статистика за первое полугодие прозвучала как ликующие фанфары. Преступность сократилась на два процента! Хотя всем было известно, что она намного выросла, все объяснялось просто. Меньше полицейских — меньше выявленных преступлений. К тому же каждый случаи махинаций с чековой книжкой учитывался отдельно, а теперь их не стало.

Когда политической полиции запретили подслушивать частные телефонные разговоры, опять же поспешили на помощь теоретики ЦПУ. Они наговорили столько ужасов, что убедили риксдаг принять закон, разрешающий тайное подслушивание телефонных разговоров — для борьбы против торговли наркотиками. После чего упомянутая торговля расцвела пуще прежнего, зато антикоммунисты спокойно могли продолжать подслушивание.

«Да, не очень-то приятно быть полицейским», — говорил себе Леннарт Коллльберг.

Что делать, когда у тебя на глазах твоя организация заживо разлагается? Когда слышишь, как за стеной копошатся крысы фашизма? А ведь все твои сознательные годы отданы этой организации…

Как поступить?

Сказать все, что думаешь, — уволят.

Ничего хорошего.

Должны быть какие-то более конструктивные средства.

И ведь не один он так рассуждает, многие сослуживцы разделяют его взгляды. Кто именно и сколько их?

Совесть Бульдозера Ульссона не была обременена такими проблемами.

Ему превосходно жилось на свете и все было ясно, как апельсин.

— Одного только не пойму, — сказал он.

— В самом деле? — удивился Гюнвальд Ларссон. — Чего же?

— Куда машина подевалась? Ведь сигнальные установки были в порядке?

— Вроде бы да.

— Значит, мосты были сразу взяты под контроль.

Сёдермальм — остров, к нему подходят шесть мостов, и спецгруппа давно разработала подробные инструкции, как возможно быстрее блокировать центральные районы Стокгольма.

— Точно, — подтвердил Гюнвальд Ларссон. — Я запрашивал службу охраны порядка. Похоже, на этот раз механизм не подвел.

— А что за телега? — спросил Коллльберг.

Он еще не успел ознакомиться с деталями.

— «Рено-шестнадцать», светло-серый или бежевый. С буквой «А» и двумя тройками в номере.

— Номер, конечно, фальшивый, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Конечно, но я еще ни разу не слышал, чтобы можно было перекраситься по пути от Мариинской площади до Слюссена. А если они поменяли машину…

— Ну?

— Куда же делась первая?

Бульдозер Ульссон быстро ходил по комнате и хлопал себя ладонями по лбу. Ему было лет сорок, рост ниже среднего, ладный, румяный, все время в движении, ни ногам, ни мозгам не дает покоя.

Сейчас он рассуждал:

— Они загоняют машину в какой-нибудь гараж поблизости от метро или автобусной остановки. Один сразу же увозит монету, другой меняет номер на машине и тоже сматывается. В субботу приходит механик и перекрашивает кузов. И уже вчера утром можно было перегонять телегу в другое место. Но…

— Что — но? — спросил Коллльберг.

— Мои люди до часа ночи вчера проверяли каждый «рено», который шел из Сёдермальма.

— Стало быть, либо машина проскользнула в первый же день, либо она еще на острове, — заключил Коллльберг.

Гюнвальд Ларссон молчал. Он брезгливо созерцал одеяние Бульдозера Ульссона. Мятый голубой костюм, розовая рубашка, широкий цветастый галстук. Черные носки, остроносые коричневые полуботинки с узором, давно не чищенные.

— А про какого механика ты толкуешь?

— Они сами не возятся с машинами, нанимают человека, часто из совсем другого города, из Мальмё или там из Гётеборга. Он пригоняет машину в условленное место, и он же забирает ее. С транспортом у них все точно рассчитано.

— У них? Ты о ком говоришь? — недоумевал Коллльберг.

— О Мальмстрёме и Мурене, о ком же еще.

— Кто это — Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер Ульссон озадаченно поглядел на него, но тут же взгляд его прояснился:

— А, ну да. Ты ведь у нас в группе новенький. Мальмстрём и Мурен — налетчики, специалисты по банкам. Уже четыре месяца они на свободе, и за это время это их четвертая операция. Они удрали из Кумлы в конце февраля.

— Но ведь оттуда, говорят, невозможно убежать.

— А они и не бежали. Их отпустили домой на субботу и воскресенье. Понятно, они не вернулись. По нашим данным, до конца апреля они ничего не затевали. Скорее всего, отдыхали где-нибудь — скажем, на Канарских островах или в Гамбии. Взяли двухнедельные туристские путевки — и укатили.

— А потом?

— Потом начали добывать снаряжение. Оружие и все такое прочее. Обычно они разживаются в Италии или Испании.

— Но этот налет, в пятницу, совершила женщина, — возразил Колльберг.

— Маскировка, — наставительно произнес Бульдозер Ульссон. — Светлый парик, накладной бюст. Готов побиться об заклад, это работа Мальмстрёма и Мурена. Только они способны на такое нахальство. Ставка на неожиданность, тонкий ход! Чувствуешь, какое интересное дело нам поручено? Шик-блеск! Тут не заскучаешь! Все равно что…

— …играть с гроссмейстером в шахматы по переписке, — вяло договорил за него Гюнвальд Ларссон. — Кстати, о наших гроссмейстерах: не забудь, что и у Мальмстрёма, и у Мурена сложение бычье. Вес девяносто пять килограммов, обувь сорок шестой размер, ладони — лопаты. У Мурена объем груди сто восемнадцать — на пятнадцать сантиметров больше, чем было у Аниты Экберг в ее лучшие дни. Я не очень-то представляю себе его в платье и с накладным бюстом.

— Между прочим, эта женщина, если не ошибаюсь, была в брюках? — вставил Колльберг. — И небольшого роста?

— Мало ли кого они могли взять с собой, — спокойно отпарировал Бульдозер Ульссон. — Обычный прием.

Он подбежал к письменному столу и схватил какую-то бумагу.

— Сколько же у них всего денег сейчас? — громко размышлял он. — Пятьдесят тысяч загребли в Буросе, сорок тысяч в Гюббэнгене, двадцать шесть в Мерсте и теперь вот еще девяносто… Итого, двести с лишним. Значит, скоро пойдут…

— Куда? — поинтересовался Колльберг.

— На большое дело. Дело с большой буквы. Все остальное — подготовка, чтобы главную операцию финансировать. Да, теперь жди, вот-вот грянет.

Он снова забегал по комнате, обуреваемый радостным предвкушением.

— Но где? Где, дамы и господа? Сейчас… давайте подумаем. Какой ход сделал бы я на месте Вернера Руса? На каком фланге повел бы атаку на короля? А вы?.. И когда?

— Кто этот Вернер Рус, черт возьми? — спросил Колльберг.

— Эконом — ну, вроде главного буфетчика на самолете. В авиакомпании работает, — объяснил Гюнвальд Ларссон.

— Прежде всего он преступник! — воскликнул Бульдозер Ульссон. — Вернер Рус гений в своем роде. Это он им планы разрабатывает, без него Мальмстрём и Мурен были бы простые пешки. Он умственную работу делает, все до мелочей предусматривает. Сколько ворюг ходили бы без работы, если бы не Рус. Король преступного мира! Или, если хотите, профессор…

— Не надрывайся, — вмешался Гюнвальд Ларссон. — Ты не на судебном заседании.

— А мы вот что сделаем: схватим его! — Бульдозер Ульссон явно был восхищен своей гениальной идеей. — Прямо сейчас и возьмем.

— А завтра отпустим, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ничего. Важно сделать неожиданный ход. Может, собьем его с толку.

— Ты уверен? В этом году его уже четыре раза задерживали.

— Ну и что?

Бульдозер Ульссон ринулся к двери. Его настоящее имя было Стен. Но об этом никто не помнил, разве что жена. Зато она, должно быть, забыла, как он выглядит.

— Похоже, я чего-то не понимаю, — сказал Колльберг.

— Насчет Руса Бульдозер, пожалуй что, прав, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Редкостный пройдоха, и всегда у него алиби. Фантастические алиби. Как до дела доходит — он либо в Сингапуре, либо в Сан-Франциско, либо в Токио, либо еще где-нибудь.

— Но откуда Бульдозеру известно, что Мальмстрём и Мурен причастны к этому налету?

— Шестое чувство, интуиция… — Гюнвальд Ларссон пожал плечами и продолжал:

— Ты мне другое объясни. Мальмстрём и Мурен — отпетые гангстеры. Их сто раз задерживали, они каждый раз выкручивались, но все же под конец угодили в Кумлу. И вдруг этих молодчиков отпускают домой на побывку.

— Нельзя же вечно держать людей взаперти наедине с телевизором.

— Конечно, конечно, — согласился Гюнвальд Ларссон.

Они помолчали.

Оба думали об одном. Государство не один миллион ухлопало на тюрьму Кумла, все было сделано, чтобы физически изолировать правонарушителей от общества. Иностранные знатоки учреждений такого рода говорили, что камеры Кумлы, пожалуй, угнетают и обезличивают человека как ни один другой застенок в мире.

Отсутствие клопов в матрацах и червей в пище не может возместить полное отсутствие человеческих контактов.

— Кстати, насчет этого убийства на Хурнсгатан, — заговорил Колльберг

— Какое там убийство. Скорее, несчастный случай. Она выстрелила нечаянно. Наверно, даже не знала, что пистолет заряжен.

— Ты все-таки уверен, что это была девушка?

— Конечно.

— А как же насчет Мальмстрёма и Мурена?

— Как — взяли да и послали на дело деву.

— А отпечатки пальцев есть? Ведь она, кажется, была без перчаток.

— Отпечатки были. На дверной ручке. Но кто-то из служащих банка хватался за эту ручку до того, как мы подоспели. Так что все смазано.

— Баллистическая экспертиза?

— Будь спокоен. Эксперты получили и пулю, и гильзу. Сорок пятый калибр, скорее всего, «лама».

— Изрядный калибр… Особенно для девушки.

— Да уж. Бульдозер говорит, оружие тоже указывает на эту компанию — Мальмстрём, Мурен и Рус. Они всегда пользуются крупным калибром, страх нагоняют. Но…

— Что — но?

— Мальмстрём и Мурен не стреляют в людей. Во всяком случае, до сих пор не стреляли. Если кто-нибудь артачится, пустят пулю в потолок, и сразу полный порядок.

— Какой же смысл брать этого Руса?

— Не знаю, может быть, Бульдозер рассуждает так: если у Руса неопровержимое алиби — скажем, в пятницу он был в Иокогаме, — можно биться об заклад, что план операции разработан им. Если же он находился в Стокгольме, тогда дело сомнительное.

— А как ведет себя в таких случаях Рус? Не поднимает бучу?

— Никогда. Он подтверждает, дескать, Мальмстрём и Мурен — его старые друзья, это верно, и ах, как жаль, что они пошли по кривой дорожке. В прошлый раз даже спросил, не может ли он чем-нибудь помочь своим корешам. Член коллегии Мальм был при этом. Как услышал эти слова, чуть не околел от злости.

— А Ульссон?

— Бульдозер только заржал. Хитрый ход, говорит.

— На что же он рассчитывает?

— Сам слышал — ждет следующего хода. Считает, что Рус замыслил большое дело для Мальмстрёма и Мурена. Видно, приятели надумали загрести такой куш, чтобы потом можно было смотаться за границу и жить до самой смерти на ренту.

— Обязательно банк пощупают?

— Бульдозер только банками занимается, на все остальное ему плевать, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Должно быть, так ему велено.

— А свидетель что же?

— К которому Эйнар ездил?

— Ну да.

— Был тут сегодня утром, смотрел фотографии. Никого не опознал.

— А насчет машины он уверен?

— Железно.

Гюмвальд Ларссон долго молчал, дергая пальцы до хруста в суставах, и наконец произнес:

— С этой машиной что-то не так.

XI

День обещал быть жарким, и Мартин Бек достал из шкафа самый легкий костюм, голубой. Он купил его месяц назад и надевал всего один раз. Натягивая брюки, увидел на правой штанине шоколадное пятно и вспомнил, что в компании с двумя детьми Колльберга тогда было съедено энное количество сладостей.

Мартин Бек снял брюки, пошел на кухню, намочил горячей водой уголок полотенца и потер пятно, отчего оно еще больше расплылось. Но он не сдался и, продолжая упорно сражаться с брюками, подумал, чего же стоил их брак с Ингой, если ему только в таких вот случаях недостает ее… Уже половина брючины мокрая, зато пятно — ага, почти исчезло. Он пригладил складку большим и указательным пальцами и повесил брюки на спинку стула у открытого окна, чтобы солнце подсушило.

Еще только восемь, но он проснулся давно, несколько часов назад. Накануне неожиданно для себя заснул рано и спал на диво спокойно, без снов. Первый после долгого перерыва рабочий день был не таким уж напряженным, а все-таки утомил его.

Мартин Бек открыл холодильник, поглядел на пакет с молоком, на масло, на одинокую бутылку пива: вечером по пути домой надо будет зайти в магазин. Взять пива и йогурта. Или бросить пить йогурт по утрам, уж больно невкусно… Но тогда нужно придумать на завтрак что-нибудь другое, врач сказал, что необходимо восстановить хотя бы те килограммы, которые он потерял после выписки из больницы, а лучше всего прихватить еще немного.

Зазвонил телефон в спальне.

Мартин Бек захлопнул холодильник, подошел к аппарату и снял трубку.

Звонила медсестра Биргит из дома для престарелых.

— Фру Бек стало хуже, — сообщила она. — Сегодня с утра высокая температура, тридцать девять с лишним. Я решила вам об этом сообщить.

— Ну конечно, спасибо. Она сейчас не спит?

— Пять минут назад не спала. Но она очень слаба.

— Еду, — сказал Мартин Бек.

— Нам пришлось перевести ее в другую палату, там удобнее наблюдать за ней, — объяснила медсестра. — Так что вы сперва зайдите в канцелярию.

Матери Мартина Бека исполнилось восемьдесят два года, и она уже третий год находилась в клиническом отделении дома престарелых. Болезнь развивалась медленно, сначала легкие приступы головокружения, потом припадки участились и стали тяжелее. Кончилось это частичным параличом, ноги отнялись, пришлось ей обзавестись инвалидным креслом, а с конца апреля она и вовсе не вставала с постели.

Пользуясь вынужденным отдыхом, Мартин Бек часто навещал мать, хоть и мучительно было смотреть, как она медленно угасает, как годы и болезнь омрачают ее рассудок. Последние несколько раз она принимала его за своего мужа, отца Мартина, скончавшегося двадцать два года назад.

Тяжко было смотреть и на то, как она одинока в своей палате, отрезана от всего света. До начала приступов она часто приезжала в город, ходила по магазинам, была на людях, навещала немногих оставшихся в живых друзей. Ездила к Инге и Рольфу в Багармуссен, к внучке Ингрид в Стоксунд. Конечно, в приюте ей и до болезни бывало порой тоскливо и одиноко, но тогда она еще не была обречена видеть вокруг себя одних только немощных стариков. Читала газеты, смотрела телевизор, слушала радио, иногда посещала концерты или кино. Ее продолжало интересовать все, что происходило в мире.

Вынужденная изоляция очень скоро отразилась на психике.

На глазах Мартина у нее развился маразм, мать утратила интерес к происходящему вне стен палаты, а там и вовсе отключилась от реальности.

Как будто сработал защитный механизм, и ее сознание, не находя ничего отрадного в настоящем, целиком замкнулось на прошлом.

Когда мать еще сидела в инвалидном кресле и радовалась посещениям сына, его охватывал ужас при мысли о том, как протекают ее дни.

В семь утра ее умывали, одевали, сажали в кресло и приносили завтрак. Потом она сидела в своей комнате одна, радио не слушала — слух уже не тот, читать не было сил, и ослабевшие пальцы не справлялись ни с каким рукоделием. В двенадцать — обед, а в три, когда кончался рабочий день санитарок, они раздевали ее и укладывали в постель. Потом легкий ужин, который мать из-за плохого аппетита далеко не всегда съедала. Рассказывая о том, что ее журят за это, она не жаловалась: пусть бранят, только бы совсем не забывали!

Мартин Бек знал, что в доме для престарелых не хватает обслуживающего персонала, особенно трудно найти сестер и санитарок в клиническое отделение. Знал он также, что люди там славные, заботливые, пекутся о стариках, несмотря на мизерное жалованье и неудобные часы работы. Он долго ломал себе голову, как скрасить матери существование, — может быть, перевезти в частную клинику, где ей смогут уделять больше времени и внимания? Но потом понял, что вряд ли в частной клинике будет намного лучше, главное — почаще навещать ее. Изыскивая возможности улучшить ее положение, он убедился, что многим старикам приходится куда хуже.

Что такое одинокая нищая старость? После полноценной трудовой жизни ты обречен на жалкое прозябание и полную утрату человеческого достоинства. И если ты к тому же не в

силах сам вести хозяйство, остается лишь дожидаться кончины в приюте вместе с другими, такими же отверженными, несчастными стариками.

Правда, слово «приют» вышло из обихода, как и название «дом для престарелых», — теперь говорили «дом пенсионеров», даже «отель для пенсионеров», маскируя тот факт, что на самом деле большинство стариков попадало туда отнюдь не по своей воле, а по приговору так называемого «процветающего общества», которое списало их в расход.

Да, суровый приговор ожидает тех, кто достиг чересчур преклонного возраста. Изношенному колесику место на свалке…

Мартин Бек понимал, что его матери еще посчастливилось. Она долго откладывала деньги впрок, чтобы на старости лет никому не быть в тягость. Правда, инфляция сильно обесценила деньги, но все же сбережения позволяли ей рассчитывать на уход и приличный стол, у нее была большая, светлая палата, где ее окружали привычные, дорогие сердцу вещицы…

Брюки быстро высохли на солнце, и пятна почти не видно. Мартин Бек оделся и вызвал по телефону такси.

Дом для престарелых был окружен большим зеленым парком — высокие деревья, прохладные тенистые дорожки, клумбы, газоны, террасы. До болезни мать Мартина любила гулять здесь под руку с сыном.

Он прошел в канцелярию, но никого не застал. В коридоре ему встретилась женщина, которая несла поднос с термосами. На вопрос, где найти сестру Биргит, она с певучим финляндским акцентом ответила, что сестра занята с пациентом. Тогда он спросил, в какую палату перевели фру Бек. Женщина кивком указала в конец коридора и пошла дальше.

Мартин Бек тихо отворил дверь. Палата была меньше прежней и больше отдавала больницей. Все бело, только на столике у окна красные тюльпаны, которые он привез два дня назад.

Мать лежала в постели, глядя в потолок. Казалось, от посещения к посещению глаза ее становятся больше. Исхудалые пальцы теребили покрывало. Он подошел к кровати и взял ее за руку. Она медленно перевела взгляд на него.

— Приехал, в такую даль… — чуть слышно прошептала она.

— Вам не следует говорить, мама, это вас утомляет, — сказал Мартин Бек и сел на стул, не выпуская ее руки.

Это маленькое измученное лицо… И блестящие от жара глаза…

— Как вы себя чувствуете, мама?

Она долго молча смотрела на него, раз-другой моргнула — медленно, с усилием, словно веки стали очень тяжелыми.

— Мне холодно, — услышал он наконец.

Мартин Бек осмотрелся кругом. На табуретке у изножья лежало одеяло; он накрыл ее им.

— Спасибо, милый, — прошептала она.

Он снова сел возле нее. Не зная, что говорить, просто держал в своей руке ее тонкие холодные пальцы.

В горле у нее что-то сипело. Постепенно дыхание успокоилось, она закрыла глаза.

Мартин Бек продолжал сидеть неподвижно. Тихо… Только дрозд поет за окном.

Он осторожно выпустил ее руку и встал.

Погладил сухую горячую щеку.

Шагнул было к двери, в эту минуту мать открыла глаза и посмотрела на него.

— Надень синюю шапочку, на улице холодно, — прошептала она и опять закрыла глаза.

Он постоял, нагнулся, поцеловал ее в лоб и вышел.

XII

Кеннет Квастму, один из двух полицейских, которые обнаружили тело Свярда, опять ушел в суд давать показания. Мартин Бек разыскал его в коридоре городского суда и до того, как Квастму пригласили в зал, успел задать два самых важных для себя вопроса.

Выйдя из здания суда, Мартин Бек направился к дому, где жил Свярд; идти было недалеко, всего два квартала. По пути он миновал две строительные площадки. У южного торца полицейского управления прокладывалась новая линия метро, а повыше на той же улице строители бурили и взрывали скалу для подземных этажей нового полицейского штаба, куда предстояло перебираться и Мартину Беку. Экскаваторы, грузовики, пневматические буры… Какое счастье, что его кабинет сейчас помещается на аллее Вестберга! Гул моторов на Сёдертельезеген — ничто перед здешним грохотом.

Дверь квартиры на втором этаже была отремонтирована и опечатана. Мартин Бек снял печать, прошел в комнату и сразу же ощутил слабый трупный запах, приставший к стенам и убогой обстановке.

Он подошел к закрытому окну и внимательно осмотрел его. Оно было старой конструкции, открывалось наружу, а запиралось задвижкой с кольцом, которое надевалось на крючок в раме. Собственно, задвижек было две, но нижний крючок отсутствовал. Краска вся облезла, рама внизу потрескалась. Должно быть, в щель над подоконником и ветер дул, и дождь просачивался.

Мартин Бек опустил основательно выцветшую синюю штору. Потом отошел к двери и посмотрел оттуда на комнату. Если верить донесению Квастму, когда полицейские проникли в квартиру, все так и было. Он снова подошел к окну, дернул за шнур, и штора медленно, со скрипом свернулась. Мартин Бек распахнул окно и выглянул наружу.

Справа простиралась строительная площадка, где царил такой грохот, дальше высилось полицейское управление, он даже различил окна уголовной полиции в той части здания, которая выходила на Кунгсхольмсгатан. Слева видно пожарное депо и конец Бергсгатан. Коротенький переулок соединял ее с Хантверкаргатан. Постой, что же это за переулок? Надо будет пройти там, когда он закончит осмотр квартиры.

Прямо напротив окна раскинулся Крунубергский парк, разбитый, как и многие парки Стокгольма, на естественной возвышенности. Когда Мартин Бек работал в Кристинебергском районе, он обычно проходил через этот парк, от каменной лестницы в углу около Пульхемсгатан до старого еврейского кладбища в другом конце. На самом гребне иногда присаживался на скамейке под липами выкурить сигарету.

Потянуло курить, и он полез в карман, хотя знал, что сигарет там нет. Мартин Бек вздохнул. Перейти на жевательную резинку или мятные лепешки? Или жевать зубочистки по примеру коллеги Монссона в Мальмё?

Он прошел на кухоньку. Здесь оконная рама рассохлась еще сильнее, но щели были заклеены бумагой.

В этой квартире и обои, и потолки, и скудная обстановка — все было запущено. С тяжелым сердцем продолжал он осмотр, проверил ящики, шкафы. Негусто, только самое необходимое…

Выйдя в тесный коридорчик, заглянул в уборную. Ни ванны, ни душа в квартире не было.

Потом он проверил наружную дверь и убедился, что все те замки и запоры, которые были перечислены в донесениях, налицо. И они явно все были заперты, когда дверь взломали.

Чудеса, да и только. Дверь и оба окна были закрыты. Квастму утверждает, что они с Кристианссоном не видели никакого оружия. И что квартира все время находилась под наблюдением; никто не мог проникнуть в нее и что-либо вынести.

Мартин Бек еще раз внимательно оглядел комнату. Напротив двери стояла кровать, рядом с кроватью — полка. Сверху на полке — лампа с желтым плиссированным абажуром, старая пепельница зеленого стекла, большой спичечный коробок; внутри — несколько зачитанных журналов и три книги. У стены направо — стул с грязным сиденьем в зеленую и белую полоску, налево — крашенные коричневой краской стол и венский стул. От электрокамина к розетке тянулся черный привод; вилка была выдернута. Еще в комнате был коврик, но его отправили в лабораторию. Среди множества всяких пятен на нем оказалось три кровавых, причем группа крови была та же, что и у Свярда.

В стенном шкафу валялись три старых носка, грязная фланелевая рубашка неопределенного цвета и пустая, сильно потертая холщовая сумка. На плечиках висел сравнительно новый поплиновый плащ, на крючках в стене — вязаный зеленый джемпер, серая нижняя рубашка с длинными рукавами и серые фланелевые брюки. Карманы брюк были пусты.

И все.

Патологоанатом начисто исключала возможность того, что Свярд был ранен где-то еще, вошел в квартиру, запер дверь на все замки, потом лег и помер. И хотя Мартин Бек не был специалистом в медицине, опыт подсказывал ему, что она права.

Но как же это произошло?

Каким образом был застрелен Свярд, если, кроме него, в квартире никого не было, а ему самому нечем было стрелять?

Когда Мартин Бек еще только начал знакомиться с делом и увидел, как небрежно оно велось, он решил, что и эта головоломка — плод чьей-то небрежности. Однако теперь он стал склоняться к мысли, что в комнате и впрямь не было никакого оружия и что Свярд самолично запер двери и окна. Но как же тогда объяснить эту смерть?

Снова осмотрел он всю квартиру, тщательнее прежнего, но не нашел ничего, что могло бы пролить свет на загадку. В конце концов он решил пойти и спросить других жильцов.

Истратив еще сорок пять минут, Мартин Бек почувствовал, что топчется на месте. Бывший складской рабочий Карл Эдвин Свярд явно не отличался общительностью. Большинство жильцов даже и не знали о его существовании, хотя он поселился в доме больше трех месяцев назад. К нему никто не приходил, он ни с кем из соседей словом не перемолвился. Его ни разу не видели пьяным, и никто не жаловался на шум в его квартире, оттуда вообще не доносилось ни звука.

Мартин Бек вышел из подъезда и остановился. Через улицу высилась горка с тенистым парком. Пойти, посидеть под липами? Но тут он вспомнил, что хотел познакомиться с переулком, и повернул налево.

Улуф-Ёдингсгатан… Много лет назад он где-то читал, что в восемнадцатом веке был в Кунгсхольменской школе преподаватель Улуф Ёдинг. И сейчас на Хантверкаргатан есть школа — уж не та ли самая?

Не доходя до Пульхемсгатан, Мартин Бек заметил табачную лавку. Вошел и купил себе пачку сигарет с фильтром.

Свернул в сторону Кунгсхольмсгатан, достал сигарету, закурил. Отвратительный вкус… Он думал о Карле Эдвине Свярде, и ему было не по себе.

XIII

Во вторник, когда на аэродроме Арланда приземлился самолет из Амстердама, Вернера Руса в пассажирском зале ждали два агента в штатском. Им было приказано действовать

тактично, не привлекать внимания, и, когда эконом наконец показался на летном поле в обществе стюардессы, они отступили от дверей в глубь зала.

Вернер Рус сразу заметил их. И то ли узнал в лицо, то ли нюхом угадал полицейских — так или иначе он смекнул, что они явились по его душу, остановился и сказал что-то стюардессе. Она кивнула, попрощалась и пошла к выходу.

А Вернер Рус решительно направился к полицейским.

Он был высокого роста, плечистый, загорелый. Одет в синюю форму, в одной руке — фуражка, в другой — черная кожаная сумка с широким ремнем. Светлый чуб, длинные баки, нахмуренные густые брови, из-под которых холодно смотрели голубые глаза.

— По какому случаю столь торжественная встреча? — осведомился он, вызывающе вскинув голову.

— Прокурор Ульссон хочет побеседовать с вами, — сказал один из агентов. — Так что будьте любезны проследовать с нами на Кунгсхольмсгатан.

— Он что, спятил? Я же был там две недели назад, и ничего нового за это время не прибавилось.

— Ладно, ладно, — сказал агент постарше. — Вы уж сами с ним объяснитесь, наше дело выполнить приказ.

Рус досадливо пожал плечами и зашагал к выходу. Когда они подошли к машине, он сказал:

— Только сперва вы отвезете меня домой в Мерсту, чтобы я мог переодеться, ясно? Адрес знаете.

Он плюхнулся на заднее сиденье и мрачно скрестил руки на груди. Младший из агентов, который вел машину, вспылил, дескать, он не таксист, но коллега унял его и объяснил, куда ехать.

Они поднялись вместе с Русом в его квартиру и подождали в прихожей, пока он сменил форму на светло-серые брюки, водолазку и замшевую куртку.

После этого они отвезли его в полицейское управление на Кунгсхольмсгатан и проводили в кабинет, где ждал Бульдозер Ульссон.

Как только отворилась дверь, Бульдозер вскочил с кресла, жестом отпустил обоих агентов и предложил Вернеру Русу сесть. Потом вернулся на свое место за письменным столом и радостно произнес:

— Кто бы мог подумать, господин Рус, что мы так скоро свидимся опять.

— Вот именно, кто! — подхватил Рус. — Во всяком случае, не я. Нельзя ли узнать, для чего вам понадобилось задерживать меня на этот раз?

— Бросьте, зачем же так официально. Просто мне захотелось расспросить вас кое о чем. А там будет видно.

— И вообще, совсем необязательно было вашим подручным увозить меня с работы. А если мне сейчас опять идти в рейс? Что тогда — терять место только потому, что вам приспичило почесать язык?

— Ну что вы, что вы! Я отлично знаю, что у вас впереди двое суток свободных — верно? Так что времени у нас хватит, ничего страшного.

— Вы не имеете права держать меня здесь больше шести часов, — сказал Вернер Рус и поглядел на свои часы.

— Двенадцать, господин Рус. А понадобится — так и больше.

— В таком случае не соизволит ли господин прокурор изложить, в чем меня подозревают, — вызывающе произнес Вернер Рус.

Бульдозер протянул ему пачку дешевых сигарет, но Рус презрительно мотнул головой и достал из кармана «Бенсон энд Хеджез». Прикурив от золоченой зажигалки «Данхилл», он молча смотрел, как Бульдозер Ульссон чиркает спичкой и закуривает свою сигарету.

— А разве я сказал, что подозреваю вас в чем-либо? — Бульдозер пододвинул эконому пепельницу. — Просто нам с вами надо бы потолковать об ограблении в пятницу.

— О каком еще ограблении?

— Я говорю про банк на Хурнсгатан, — сухо ответил Бульдозер Ульссон. — Удачная операция, девяносто тысяч на полу не валяются, вот только не повезло клиенту, который при этом был убит.

Вернер Рус удивленно поглядел на него и покачал головой.

— Что-то вас не туда занесло… В пятницу, говорите?

— Вот именно, — сказал Бульдозер. — Разумеется, господин Рус в тот день находился в рейсе. И куда же вас занесло в пятницу?

Бульдозер Ульссон откинутся назад с самодовольным видом.

— Не знаю, где был господин Ульссон, а я в пятницу был в Лиссабоне. Можете проверить в авиакомпании. По расписанию посадка в Лиссабоне в четырнадцать сорок пять, мы опоздали на десять минут. В субботу утром вылетели в девять десять, сели в Арланде в пятнадцать тридцать. В пятницу я обедал в отеле «Тиволи» и там же ночевал, это также можно проверить.

Вернер Рус тоже откинулся назад и торжествующе посмотрел на собеседника. Бульдозер сиял от удовольствия.

— Прекрасно, отличное алиби.

Он наклонился, смял сигарету в пепельнице и язвительно продолжал:

— Но ведь господ Мальмстрёма и Мурена в Лиссабоне не было?

— А с какой стати им-то быть в Лиссабоне? И вообще, следить за Мальмстрёмом и Муреном не моя обязанность.

— В самом деле?

— В самом деле, и я вам об этом сто раз говорил. А что касается ограбления в пятницу, так я в последние дни не брал в руки шведских газет и ни о каких ограблениях не знаю.

— Тогда разрешите проинформировать вас, что некто, переодетый женщиной, вошел в банк перед самым закрытием, присвоил девяносто тысяч крон ассигнациями, потом застрелил клиента того же банка, после чего бежал на машине марки «рено». Полагаю, вы сами понимаете, что убийство — это уже совсем другая статья.

— Я другого не понимаю — при чем тут я, — отпарировал Рус.

— Когда вы виделись со своими приятелями Мальмстрёмом и Муреном?

— Я уже ответил вам на этот вопрос в прошлый раз. Больше мы не встречались.

— И вам неизвестно, где их можно найти?

— Мне известно только то, что я слышал от вас. Я не видел их с тех пор, как они угодили в Кумлу.

Бульдозер пристально посмотрел на Вернера Руса, потом записал что-то в блокноте, захлопнул его и встал.

— Что ж, — небрежно произнес он. — Это нетрудно проверить.

Он подошел к окну и опустят жалюзи для защиты от солнца.

Вернер Рус подождал, когда он сядет, потом сказал:

— Одно мне совершенно ясно — Мальмстрём и Мурен тут ни при чем. Убийство — нет, они не такие дураки.

— Я допускаю, что ни Мальмстрём, ни Мурен не станут стрелять в человека, но это еще не исключает их соучастия. Предположим, они сидели и ждали в машине. Что вы на это скажете?

Рус пожал плечами и хмуро уставился в пол.

— Представим себе, что у них был сообщник или сообщница, — увлеченно продолжал Бульдозер. — С такой возможностью тоже ведь надо считаться. Если не ошибаюсь, в том деле, на котором они погорели в последний раз, участвовала подружка Мальмстрёма?

Он прищелкнул пальцами, вспоминая.

— Точно: Гюнилла Бергстрём… И заработала на этом полтора года, так что ее найти нетрудно.

Рус глянул на него исподлобья.

— Да-да, ведь она еще не сбежала, — пояснил Бульдозер. — Но, кроме нее, есть на свете и другие девушки, а упомянутые господа, похоже, не против женской помощи. Или я ошибаюсь?

Вернер Рус снова пожал плечами и выпрямился.

— Откуда мне знать, — безучастно произнес он. — Меня это не касается.

— Ну конечно, — кивнул Бульдозер.

Он задумчиво поглядел на Руса, потом наклонился и положил ладони на стол.

— Итак, вы утверждаете, что последние полгода не встречались с Мальмстрёмом и Муреном и они не давали о себе знать?

— Да, утверждаю, — сказал Вернер Рус. — И еще раз повторяю, что я не могу отвечать за их поступки. Да, мы знакомы со школьной скамьи, я этого никогда не отрицал. И то, что мы потом встречались, тоже признаю. Но это не значит, что мы неразлучные друзья и они посвящают меня во все свои дела и затеи. Меня безумно огорчает, что они пошли по кривой дорожке, но я не имею ровным счетом никакого отношения к преступной деятельности, в которой их обвиняют. Я уже говорил, что с удовольствием помог бы направить их на верный путь. Но мы давным-давно не встречались.

— Надеюсь, вы понимаете, что эти слова могут сильно повредить вам, если выяснится, что вы все-таки общались с названными лицами, — на вас тоже может пасть подозрение.

— Нет, не понимаю.

Бульдозер дружелюбно улыбнулся.

— Так уж и не понимаете… — Он хлопнул ладонями по столу и встал. — Вы извините меня, но мне надо кое-что выяснить. Придется на несколько минут прервать нашу беседу, потом продолжим.

Бульдозер быстро направился к двери. На пороге внезапно обернулся и внимательно посмотрел на Вернера Руса.

У эконома было весьма озабоченное лицо. Бульдозер торжествующе потер руки и затрусил по коридору.

Как только дверь захлопнулась, Вернер Рус встал, неторопливо проследовал к окну и остановился, разглядывая улицу через щели жалюзи. Постоял так, тихо насвистывая, потом кинул взгляд на свои электронные часы, нахмурил брови, быстро подошел к столу и сел в кресло Бульдозера. Пододвинул к себе телефон, поднял трубку, соединился с городом и набрал номер. В ожидании ответа он один за другим выдвигал ящики и штудировал их содержимое. Наконец заговорил:

— Привет, Крошка, это я. Слушай, может, встретимся немного попозже? Мне тут надо потолковать с одним мужиком, это часа на два.

Он взял из ящика ручку с клеймом «Казенное имущество» и поковырял в свободном ухе.

— Ну конечно, потом куда-нибудь сходим и перекусим. Я голодный как черт.

Он покрутил ручку перед глазами, швырнул ее обратно в ящик и закрыл его.

— Нет, не из кабака, здесь что-то вроде гостиницы, но жратва паршивая, так что я потерплю до нашей встречи. Семь устраивает? Ладно, значит, в семь я за тобой заеду. Ну все.

Он положил трубку, встал, сунул руки в карманы и заходил по кабинету, продолжая насвистывать.

Бульдозер отыскал Гюнвальда Ларссона.

— Рус сейчас у меня, — сообщил он.

— Ну и где же он обретался в пятницу? В Куала-Лумпуре или Сингапуре?

— В Лиссабоне, — торжествующе ответил Бульдозер. — Это ж надо, какую работенку себе отхватил — идеальная ширма для гангстера. Такие роскошные алиби — любой позавидует.

— А еще что он говорит?

— Да ничего. Изображает полное неведение. О банковских налетах понятия не имеет, Мальмстрёма и Мурена сто лет не видел. Скользкий, как угорь, хитрый, как лиса, брешет, как собака.

— Словом, ходячий зверинец, а не человек, — подвел итог Гюнвальд Ларссон. — И что же ты думаешь с ним делать?

Бульдозер Ульссон сел в кресло напротив Ларссона.

— Думаю отпустить его. И наладить слежку. У тебя есть человек, которого Рус не знает?

— А докуда за ним следить? Если до Гонолулу, я сам возьмусь.

— Нет, серьезно.

Гюнвальд Ларссон вздохнул.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Когда начинать?

— Сейчас, — сказал Бульдозер. — Сейчас я вернусь к себе и отпущу его. У него отгул до четверга, за это время он наведет нас на Мальмстрёма и Мурена, надо только следить в оба.

— До четверга… Тогда одним человеком не обойтись, нужен второй на смену.

— И чтобы люди были первый сорт, — подчеркнул Бульдозер. — Если он почует слежку, все пропало.

— Дай мне четверть часа, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Как позвоню, значит, готово.

Когда Вернер Рус двадцать минут спустя остановил такси на Кунгсхольмсгатан, через ветровое стекло серого «вольво» за ним наблюдал инспектор Рюне Эк.

Рюне Эк, тучный седой мужчина в очках, пятидесяти пяти лет, страдал язвой желудка, по причине каковой врач недавно прописал ему строжайшую диету. Вот почему он без особой радости провел четыре часа в кафе «Оперное», пока Вернер Рус и его рыжеволосая партнерша ели и пили за милую душу, сидя за столиком на веранде.

Всю долгую, светлую летнюю ночь со вторника на среду Эк хоронился в роще на берегу Меларена, любуясь исподтишка обнаженной натурой, меж тем как Вернер Рус рассекал кролем воды озера, словно какой-нибудь Тарзан.

Когда утреннее солнце подрумянило макушки деревьев, Рюне Эк продолжил свою сугубо секретную деятельность, прячась в кустах перед одноэтажным коттеджем в дачном поселке Хессельбю. Убедившись, что парочка одна в доме, и к тому же крепко спит после купания, он вернулся к своей машине и ближайшие полчаса очищал волосы и одежду от клещей.

Еще через час его сменили, а Вернер Рус по-прежнему пребывал в коттедже. Похоже было, что он вовсе не спешит вырваться из объятий рыжеволосой красотки и нанести визит своим друзьям Мальмстрёму и Мурену.

XIV

Получи кто-нибудь возможность сравнить силы полицейской спецгруппы и шайки, которая грабила банки, он убедился бы, что во многом они почти равны. Спецгруппа располагала огромными техническими ресурсами, зато у противника был большой оборотный капитал, и ему принадлежала инициатива.

Из Мальмстрёма и Мурена, наверно, вышли бы хорошие полицейские — физические данные блестящие, да и с интеллектом, в общем, обстояло не так уж плохо. Да только поди убеди их посвятить себя столь сомнительной профессии.

Оба они в жизни ничем, кроме преступлений, не занимались, и теперь, когда одному исполнилось тридцать три, а другому — тридцать пять, они вполне заслуживали звания квалифицированных специалистов. Но поскольку их основное занятие далеко не всеми признается почтенным, Мальмстрём и Мурен обзавелись и другими профессиями. В паспортах, водительских удостоверениях и прочих документах они именовались: один — инженером, другой — управляющим. Совсем не глупо, если учесть, что страна буквально кишела инженерами и управляющими. Естественно, все документы были поддельные и выписаны на другие фамилии, тем не менее и на первый, и на второй взгляд они производили солидное впечатление. Паспорта, например, выдержали уже не одно испытание на пограничных пунктах Швеции и ряда других стран.

Да и сами господа Мальмстрём и Мурен выглядели очень даже положительно. Лица приятные, пышущие здоровьем, взгляд открытый. Четыре месяца свободы отразились на их облике: оба отлично загорели, Мальмстрём отрастил бороду, Мурен — усы и баки.

Причем загорали не где-то там на Мальорке или Канарских островах, — нет, они провели три недели в Восточной Африке, совершили так называемое фотосафари. Хорошенько отдохнули. А затем последовали деловые поездки, одна — в Италию, чтобы пополнить свое снаряжение, другая — во Франкфурт, чтобы нанять толковых ассистентов.

На родине они слегка пощупали несколько банков и ограбили двух частных дисконтёров, которые предпочли не обращаться в полицию, чтобы не привлекать к себе внимания налоговых инспекторов.

Эта деятельность принесла им неплохой валовой доход, но издержки тоже были немалые, да и в ближайшем будущем предстояли довольно большие расходы.

Известно, однако, что дивиденды прямо пропорциональны капиталовложениям; живя в обществе «смешанной экономики», они хорошо усвоили эту истину. А цель, которую они себе поставили, была достаточно значительной.

Мальмстрём и Мурен работали во имя идеи, которую новой отнюдь не назовешь, но от этого она нисколько не проигрывала.

Они собирались еще разок как следует потрудиться, а затем уйти на покой.

Осуществить наконец действительно большую операцию.

Приготовления были в основном завершены, проблема финансирования решена, план почти полностью разработан.

Они не знали еще, где и когда, зато знали самое главное: как.

До заветной цели оставалось совсем немного.

Хотя Мальмстрём и Мурен, как уже говорилось, были профессионалы с изрядным опытом, до настоящих воротил они не доросли.

Настоящие воротилы не попадаются.

Настоящие воротилы банков не грабят. Они сидят в конторах и управлениях и нажимают кнопки. Они ничем не рискуют. Они не посягают на священных коров общества, а занимаются легализованным присвоением, стригут шерсть с рядовых граждан.

Они наживаются на всем. Отравляют природу и людей — потом «исцеляют» недуги негодными лекарствами. Намеренно запускают целые городские районы, обрекая их на снос, — потом строят другие дома, которые заведомо хуже старых.

Но главное — они не попадаются.

А Мальмстрём и Мурен попадались, их словно преследовал злой рок. Но теперь, кажется, они разобрались, в чем их ошибка: разменивались по мелочам.

— Знаешь, о чем я думал там, под душем? — спросил Мальмстрём. Он только что вышел из ванной и теперь тщательно расстилал на полу купальную простыню; второй простыней он обернул бедра, третья лежала на плечах.

Мальмстрём был болезненно чистоплотен. В этот день он с утра уже четыре раза принял душ.

— Знаю, — ответил Мурен. — О бабах.

— Как ты угадал?

Мурен, в шортах и белой сорочке, сидел у окна и обозревал Стокгольм, приставив к глазам морской бинокль.

Квартира, в которой они пребывали, помещалась в многоэтажном доме на Данвиксклиппан, на высоком берегу залива, и из окна открывался недурственный вид.

— Нельзя смешивать баб и работу, — сказал Мурен. — Сам убедился, к чему это приводит.

— А я ничего и не смешиваю, — обиженно возразил Мальмстрём. — Уж и подумать нельзя, да?

— Почему же, — великодушно уступил Мурен. — Думай на здоровье.

Он следил за белым пароходом, который шел к заливу Стрёммен.

— Гляди-ка, «Нерршер», — сказал он. — Подумать только, жив еще.

— Кто жив?

— Тебе не интересно. А ты о ком именно думал?

— О девах в Найроби. Сильны, правда? Я всегда говорил: негры — это что-то особенное.

— Не негры, а африканцы, — наставительно возразил Мурен. — А в данном случае — африканки. Женский род, а не мужской.

Мальмстрём побрызгал дезодорантом под мышками и в других местах.

— Все-то ты знаешь, — сказал он.

— К тому же ничего особенного в них нет. Просто тебе так показалось после долгого поста.

Минуту-другую они обсуждали подробности, потом Мальмстрём достал новое белье и носки, разорвал полиэтиленовую упаковку и начал одеваться.

— Этак ты все свое состояние на трусы растратишь, — заметил Мурен. — Непонятная страсть, ей-богу.

— Да, цены растут — кошмар.

— Инфляция, — сказал Мурен. — И виноваты мы сами.

— Мы? Ты что, столько лет в кутузке…

— Мы кучу денег выбрасываем на ветер. Все ворюги — жуткие моты.

— Уж только не ты.

— Так ведь я редкое исключение. Кстати, у меня немало уходит на еду.

— Ты жмот, в Африке даже на девочек не хотел раскошелиться. По твоей милости мы три дня так ходили, пока даровых не нашли.

— Мной руководили не только финансовые соображения, — сказал Мурен. — И уж во всяком случае не опасение вызвать инфляцию в Кении. А вообще-то деньги теряют цену там, где жулье заправляет. Уж если кому сидеть в Кумле, так это нашему правительству.

— Гм-м.

— И заправилам из компаний. Кстати, недавно мне попался интересный пример, от чего бывает инфляция.

— Ну?

— Когда англичане в октябре девятьсот восемнадцатого захватили Дамаск, они ворвались в государственный банк и прикарманили всю наличность. Но солдаты ни черта не смыслили в тамошних деньгах. Один австралийский кавалерист дал полмиллиона мальчишке, который держал его коня, пока он мочился.

— А разве, когда конь мочится, его надо держать?

— Цены выросли стократ, уже через несколько часов рулон туалетной бумаги стоил тыщу тамошних крон.

— Разве в Австралии тогда уже была туалетная бумага?

Мурен тяжело вздохнул. С таким собеседником, как Мальмстрём, недолго и самому поглупеть…

— Дамаск — это в Аравии, — мрачно объяснил он. — Еще точнее — в Сирии.

— Надо же.

Мальмстрём наконец оделся и теперь изучал себя в зеркале. Ворча что-то себе под нос, распушил бороду, щелчком стряхнул с модного пиджака незримую пушинку. Потом расстелил на полу еще две купальные простыни рядом с первой, подошел к гардеробу и достал оттуда оружие. Аккуратно разложил его на простынях, принес ветошь и банку «чистоля». Мурен рассеянно поглядел на весь этот арсенал.

— Тебе еще не надоело? — сказал он. — Они же новенькие, чуть не с завода.

— Порядок есть порядок, — ответил Мальмстрём. — Оружие требует ухода.

Можно было подумать, что они готовятся к небольшой войне или по меньшей мере к государственному перевороту: на простынях лежали два пистолета, револьвер, два автомата и три дробовика с укороченными стволами.

Автоматы — обычного шведского армейского образца; на пистолетах и обрезах стояли иностранные клейма.

Тут был девятимиллиметровый испанский парабеллум «файрберд» и пистолет «лама IX А» сорок пятого калибра. Револьвер «астра кадикс» сорок пятого калибра и дробовик марки «марица» — тоже испанские. Еще два ружья — из других уголков европейского континента: бельгийское «континенталь супра де люкс» и австрийское «ферлах» с романтической надписью “Forever Yours”[7].

Управившись с пистолетами, Мальмстрём взялся за бельгийское ружье.

— Тому, кто обрезал этот ствол, самому всадить бы заряд дроби в корму, — проворчал он.

— Может быть, ему это ружье досталось не таким путем, как нам.

— Чего? Не усек.

— Я хочу сказать, что он добыл его не честным путем, — серьезно объяснил Мурен. — Скорее всего, украл.

Он опять приставил к глазам бинокль и немного спустя сказал:

— А все-таки Стокгольм смотрится, честное слово.

— Это как понимать?

— Только им надо любоваться издали. Собственно, даже хорошо, что мы редко бываем на улице.

— Боишься, как бы тебя не обчистили в метро?

— Бывает и хуже. Например, стилет в спину. Или топором по черепу. А попасть под копыта истеричной полицейской лошади — думаешь, лучше? Ей-богу, жаль мне людей.

— Каких еще людей?

Мурен взмахнул рукой.

— Да тех, которые там внизу ходят. Представь себе, что ты все жилы из себя выматываешь, чтобы внести очередной взнос за машину или дачу, а твои дети в это время наркотиками накачиваются. Если жена после шести вечера выйдет на улицу — того и гляди изнасилуют. На вечернее богослужение соберешься — сто раз подумаешь и дома останешься.

— На богослужение?!

— Это я так, к примеру. Положи в карман больше десятки — непременно ограбят. А если меньше десятки — шпана со зла пырнет тебя ножом. На днях я прочел в газете, что фараоны боятся по одному ходить. Мол, на улицах почти не видно полицейских, и поддерживать порядок в городе становится все труднее. Какой-то чин из министерства юстиции высказался. Да, хорошо будет уехать отсюда и больше никогда не возвращаться.

— И никогда больше родного бэя не увидим, — уныло пробурчал Мальмстрём.

— Что за вульгарное пристрастие к иностранным словам, — укоризненно произнес Мурен. — Сказал бы попросту: родного залива.

И деловито добавил:

— Кстати, из Кумлы его тоже не видно.

— Ну как же, а по телевизору?

— Не напоминай мне об этом изверге, — мрачно произнес Мурен.

Он встал, открыл окно, взмахнул руками и откинул голову назад, словно обращаясь к массам.

— Эй, вы там, внизу! — крикнул он. И пояснил: — Как сказал Линдон Джонсон, когда держал предвыборную речь с вертолета.

— Кто-кто? — спросил Мальмстрём.

Раздался звонок в дверь. Друзья внимательно слушали комбинацию условных сигналов.

— Похоже, Мауритсон, — Мурен глянул на часы. — Смотри-ка, даже не опоздал.

— Не доверяю я этому фрукту, — заметил Мальмстрём. — Лучше не рисковать.

Он зарядил один из автоматов.

— Держи. — Протянул автомат Мурену, сам взял «астру» и пошел двери.

Держа револьвер в левой руке — он был левша, — Мальмстрём правой снял несколько цепочек. Мурен стоял метрах в двух позади него.

Мальмстрём рывком распахнул дверь. Гость был готов к такому приему.

— Привет, — поздоровался он, опасливо глядя на револьвер.

— Здорово, — сказал Мальмстрём.

— Входи, входи, — пропел Мурен. — Привет тебе, милое создание.

Гость был весь обвешан сумками и пакетами. Складывая их на стол, он покосился на разложенное на полу оружие.

— Переворот замышляете?

— Всю жизнь только этим и занимаемся, — подтвердил Мурен. — Но в данный момент ситуация не революционная. Раков достал?

— Откуда вам раки четвертого июля?

— А за что мы тебе платим? — грозно произнес Мальмстрём.

— Справедливый вопрос, — подхватил Мурен. — Мне тоже непонятно, почему ты не можешь снабдить нас тем, что мы тебе заказываем.

— Имейте совесть, — сказал Мауритсон. — Я вам все обеспечил, черт дери: квартиры, машины, пушки, билеты, паспорта. Но раки! В июле даже сам король раков не видит.

— Так то король, — возразил Мурен. А ты бы поглядел на столик, за которым сидят наш премьер, и главный профсоюзный босс, и прочие демократы! Небось ломится от раков! Нет уж, придумай оправдание получше.

— И одеколона вашего тоже нигде нет, — поспешно продолжал Мауритсон. — Я весь город обегал, словно ошпаренная крыса, уже который год продавать перестали.

Мальмстрём насупился.

— Зато все остальное принес. А вот почта. — Мауритсон протянул гладкий коричневый конверт Мурену; тот с безразличным видом сунул его в задний карман.

Мауритсон внешне совсем не походил на своих работодателей. Деликатного сложения, рост ниже среднего, возраст около сорока. Гладко выбритое лицо, короткие светлые волосы. Большинство, особенно женщины, находили его симпатичным. Одевался он неярко, вел себя скромно, в глаза не бросался. Словом, весьма распространенный тип людей с незапоминающейся внешностью. Это было ему только на руку, его уже много лет не сажали в тюрьму, не держали под наблюдением и не разыскивали.

Мауритсон подвизался на трех рентабельных поприщах: наркотики, порнография и добывание дефицита. Во всех этих сферах он действовал умело, энергично и четко.

До странности снисходительное законодательство позволяло вполне легально производить и продавать в Швеции порнографию всех мыслимых видов и в неограниченных количествах. И практически неограниченное количество такой продукции требовалось Мауритсону для экспорта, бóльшая часть которого направлялась в Италию и Испанию, принося недурную прибыль. Импортировал он преимущественно амфетамин и морфий, но принимал заказы и на другой товар, например на оружие.

Среди посвященных Мауритсон слыл человеком, который может достать все на свете. Говаривали даже, будто ему удалось ввезти контрабандой двух слонов, полученных от одного арабского шейха в уплату за двух юных финских девственниц и ящик изысканной санитарии. Причем девственницы были поддельные, а слоны — белые. Правда, история эта была выдумкой.

— Новые кобуры? — спросил Мальмстрём.

— Есть, лежат в сумке под продуктами. Скажите, а чем вас не устраивают прежние?

— Дрянь, — сказал Мальстрём.

— Никуда не годятся, — подтвердил Мурен. — Откуда ты их взял?

— С главного склада полиции. Зато новые — итальянские.

— Это уже лучше, — сказал Мальмстрём.

— Будут еще заказы?

— Да, вот тебе список.

Мауритсон взял бумажку и затараторил:

— Дюжина трусов, пятнадцать пар нейлоновых носков, шесть нательных сеток, полкило икры, четыре резиновые маски «Фантомас», две коробки патронов девятого калибра, шесть

пар резиновых перчаток, любительский сыр, банка маринованного лука, пиво, ветошь, астролябия… — это еще что за диковина?

— Инструмент для измерения высоты звезд, — объяснил Мурен. — Поищи в антикварных лавках.

— Ладно. Я постараюсь.

— Да уж, постарайся, — сказал Мальмстрём.

— Больше ничего не нужно?

Мурен покачал головой, но Мальмстрём, поразмыслив, добавил:

— Дезодорант для ног.

— Какой именно?

— Самый дорогой.

— Хорошо. Как насчет девочек?

Друзья промолчали, и Мауритсон понял, что они колеблются.

— Есть на любой вкус. А то ведь сидите тут все вечера и киснете. Две резвушки живо помогут вам наладить обмен веществ.

— У меня с обменом все в порядке, — сказал Мурен. — К тому же твои дамы — народ ненадежный.

— Да ну, чего там, я могу подобрать дурочек…

— Знаешь что, попрошу не оскорблять меня, — повысил голос Мурен. — Сказано — нет.

Мальмстрём все еще колебался.

— Хотя…

— Что?

— Эта твоя, ассистентка так называемая…

Мауритсон замахал руками.

— Монита? Не годится. Не на что смотреть. Заурядная девчонка. У меня вкусы самые простые. Пресная она.

— Ну, если так… — разочарованно протянул Мальметрём.

— К тому же она уехала. К сестре в гости.

— Кончили об этом, — сказал Мурен. — Всему свое время, настанет пора…

— Что за пора? — спросил Мальмстрём.

— Когда мы опять сможем сами выбирать партнерш и удовлетворять свои страсти достойным образом. Заседание объявляется закрытым. Следующая встреча завтра в то же время.

— O'кэй, — сказал Мауритсон. — Выпускайте меня.

— Еще один вопрос.

— Какой?

— Как тебя теперь называть?

— Как обычно: Леннарт Хольм.

— Если что-нибудь случится и надо будет срочно тебя найти?

— Адрес известен.

— Жду раков.

Мауритсон безнадежно пожал плечами и вышел.

— Подонок, — сказал Мальмстрём.

— Неужели? Тебе не по вкусу наш добрый друг?

— От него воняет потом, — сурово произнес Мальмстрём.

— Мауритсон — негодяй, — сказал Мурен. — Я осуждаю его деятельность. Конечно, в том, что он помогает нам, ничего дурного нет. Но сбывать наркотики школьникам и порнографические открытки неграмотным католикам… Это… это недостойно.

— Я ему не доверяю, — проворчал Мальмстрём.

Мурен вынул из кармана коричневый конверт и внимательно осмотрел его.

— И правильно делаешь, друг мой, — произнес он. — Он полезный человек, но честным его не назовешь. Смотри, опять вскрывал письмо. Интересно, каким способом. Должно быть, какой-нибудь фокус с паром. Если бы Рус не подкладывал волосинку, мы бы и не заметили. Нехорошо, нехорошо при таком гонораре, какой он у нас получает. И почему он так любопытен?

— Пройдоха он, в этом все дело.

— Возможно.

— Сколько он получил с тех пор, как на нас работает?

— Тысчонок сто пятьдесят. Так ведь и расходы у него немалые. Оружие, автомашины, разъезды и прочее. И без риска не обходится.

— Ни черта он не рискует, — возразил Мальмстрём. — Никто, кроме Руса, не знает, что мы с ним знакомы.

— А эта женщина с благозвучным именем?

— Подумать только, как он пытался навязать мне свою кикимору, — негодующе произнес Мальмстрём. — Да она небось моется через день.

— Объективно ты не совсем справедлив, — возразил Мурен. — Фактум эст, он честно описал ее качества.

— Эст?

— А что касается гигиены, ты сначала мог бы ее продезинфицировать.

— Еще чего!

Мурен достал из конверта три листка бумаги и разложил их перед собой на столе.

— Эврика! — воскликнул он.

— Чего?

— То самое, чего мы ждали, старина. Посмотри.

— Только схожу под душ сперва.

Когда он через десять минут вернулся, Мурен все еще потирал руки от удовольствия.

— Ну? — сказал Мальмстрём.

— Похоже, все в порядке. Видишь — вот чертеж. Отменный. А вот тут время расписано. Буквально до минуты.

— А что слышно насчет Хаузера и Хоффа?

— Завтра приезжают. Вот, читай.

Мальмстрём взял письмо.

Мурен вдруг громко рассмеялся.

— Над чем ты ржешь?

— Над кодом. Например: «У Жана длинные усы». Знаешь, откуда он это взял?

— Понятия не имею.

— Ладно, неважно.

— Постой, два с половиной — это миллионы?

— Несомненно.

— Чистый доход?

— Ну конечно. Издержки мы уже покрыли.

— Но двадцать процентов Русу?

— Совершенно верно. Нам с тобой по миллиону.

— Этот хорек Мауритсон что-нибудь мог тут разобрать?

— Кое-что. Например, срок исполнения.

— А когда срок?

— Пятница, четырнадцать сорок пять. Но какая пятница, не сказано.

— Зато улицы названы, — продолжал Мальмстрём.

— Да плевать нам на Мауритсона, — спокойно ответил Мурен. — Видишь, что тут внизу написано?

— Ага.

— А что это означает — помнишь?

— Как же! А-а — ну конечно. Это меняет дело.

— То-то и оно, — подтвердил Мурен. — Черт, до чего же раков хочется!

XV

Хофф и Хаузер — так звали немецких гангстеров, которых Мальмстрём и Мурен наняли во время своей деловой поездки во Франкфурт-на-Майне. У обоих были отличные рекомендации, так что при желании вполне можно было обо всем договориться по почте. Но если Рус отличался осторожностью, то Мальмстрём и Мурен славились разборчивостью, и одним из мотивов их путешествия было желание посмотреть на своих будущих помощников.

Встреча состоялась в первых числах июня. Было условлено, что сначала в баре «Магнолия» устанавливается контакт с Хаузером, а уже он сведет шведов с Хоффом.

Бар «Магнолия» — маленький, сумрачный — помещался в центре города. Скрытые светильники источали оранжевое сияние, стены и ковер были фиолетовые, низкие кресла у круглых столиков из плексигласа — розовые. Латунная стойка изогнулась блестящим полукругом, музыка звучала негромко, декольте у грудастых блондинок за стойкой было очень низкое, цены на напитки — очень высокие.

Мальмстрём и Мурен сели за единственный свободный столик; хотя в зале было человек двадцать, не больше, казалось, что бар битком набит. Все посетители были мужчины, слабый пол представляли только девушки за стойкой.

Одна из блондинок подошла к их столу и наклонилась, так что они увидели некоторые пикантные подробности и ощутили не такой уж приятный аромат тела и духов. Получив свои коктейли, Мальмстрём и Мурен попытались определить, кто же тут Хаузер. Они понятия не имели, как он выглядит, знали только, что он натуральный бандюга.

Мальмстрём первым его заметил.

Он стоял у другого конца стойки, одетый в замшевых костюм песочного цвета. В уголке рта — тонкая сигара, в руке — стаканчик виски. Высокий, стройный, плечистый, густые баки, темные волосы, вьющиеся на затылке, редеющие на макушке. Вылитый Шон Коннери… Опираясь на стойку, он небрежно бросил что-то девушке, которая заговорила с ним, пользуясь свободной минуткой. Она восторженно глядела на него и игриво хихикала. Поднесла руку к его сигаре и легонько стукнула по ней пальцем, так что длинный столбик пепла упал ей на ладонь. Он и виду не подал, что заметил ее жест. Постоял, опрокинул стаканчик и взял другой. Каменное лицо, холодный взгляд серых глаз устремлен в пространство над локонами химической блондинки… Ее он просто не замечал. Не человек — кремень. Даже Мурен смотрел на него с легким почтением.

Они ждали, когда он обратит на них внимание.

В это время к ним подсел коренастый коротыш в мешковатом сером костюме и белой нейлоновой рубашке с бордовым галстуком. У него было круглое, гладко выбритое румяное лицо, короткие волнистые волосы с косым пробором, за толстыми очками без оправы поблескивали голубые, словно фарфоровые, глаза.

Мальмстрём и Мурен равнодушно глянули на него и снова уставились на Джеймса Бонда у стойки.

Коротыш тихо сказал что-то мягким голосом, однако они не сразу осознали, что он обращается к ним, и прошло еще какое-то время, пока друзья уразумели, что именно этот херувим, а не хват у стойки — Густав Хаузер.

Через несколько минут они покинули бар «Магнолия» и направились к Хоффу.

Хаузер, в мятой шляпе и длинном, до земли, темно-зеленом кожаном пальто, решительно вышагивал впереди; Мальмстрём и Мурен смущенно следовали за ним.

Хофф, весельчак лет тридцати, принял гостей в кругу семьи, состоявшей из жены, двух детей и таксы. Позднее четверо мужчин пошли в ресторан, чтобы за изысканным ужином потолковать о своих делах. Оказалось, что Хофф и Хаузер стреляные воробьи и обладают полезными специальными познаниями. К тому же оба после длительного тюремного заключения истосковались по работе.

Проведя три дня с новыми компаньонами, Мальмстрём и Мурен уехали домой, чтобы продолжить подготовку к операции. Немцы обещали не подкачать и явиться своевременно. В четверг, шестого июля, будут в условленном месте.

В среду они прибыли в Швецию. Утренний паром из Копенгагена доставил Хаузера с его машиной в Мальмё. В двенадцать часов он должен был встретить на Корабельной пристани Хоффа, который плыл на пароходе Эресуннской компании «Абсалон».

Хофф никогда не бывал в Швеции. Он не видел шведских полицейских; может быть, поэтому его прибытие носило несколько сумбурный характер.

Сойдя по трапу на пристань, он увидел шагающего ему навстречу человека в форме. «Полицейский!» — пронеслось у него в голове. Операция провалилась, сейчас его схватят… Что делать?

В эту минуту он увидел сидящего за рулем машины Хаузера, молниеносно выхватил пистолет и направил его на озадаченного таможенника, который шел на «Абсалон» проведать свою подружку, пароходную буфетчицу. Прежде чем кто-либо осознал, что происходит, Хофф перемахнул через изгородь, отделяющую пристань от тротуара, юркнул между двумя такси, одолел прыжком еще одну изгородь, вильнул за тяжелый грузовик и нырнул в машину Хаузера, все еще держа наготове пистолет.

Хаузер уже распахнул дверцу и включил скорость. Как только Хофф плюхнулся на сиденье, он выжал до отказа газ, и машина скрылась за углом так стремительно, что никто даже не успел приметить ее номер. Хаузер остановился лишь после того, как убедился, что их не преследуют.

XVI

Известно: одному повезет, другого подчас ждет осечка, так что в итоге удача и неудача уравновешиваются.

Мауритсон зигзагов не любил и предпочитал ничего не оставлять на волю случая. Во всех своих предприятиях он тщательно страховался, и благодаря разработанной им системе нужно было прямо-таки невероятное стечение неблагоприятных обстоятельств, чтобы сорвать его планы.

Конечно, совсем без неудач не обходилось, но при этом страдал только его карман. Так, несколько недель назад один на редкость неподкупный лейтенант итальянской пограничной

службы наложил арест на целый грузовик с порнографической продукцией, однако никакие следователи не смогли бы превратить этот грузовик в улику против Мауритсона.

Правда, месяца два назад с ним произошел один непостижимый случай. Но и тут все обошлось благополучно, и Мауритсон не сомневался, что на много лет застрахован от повторения таких неприятностей. Он по праву считал, что шансов угодить в кутузку у него не больше, чем надежды угадать тринадцать номеров в спортивном тотализаторе.

Мауритсон не жаловал праздности, и на среду у него была намечена достаточно насыщенная программа. Сначала надо было получить на Центральном вокзале посылку с наркотиками и доставить ее в один из боксов камеры хранения на станции метро «Эстермальмстерг». Потом передать ключ от бокса некоему лицу в обмен на конверт с ассигнациями. После этого наведаться по адресу, куда поступали таинственные письма для Мальмстрёма и Мурена; его несколько раздражало, что он никак не может распознать отправителя. Затем — поход в магазины за трусами и прочими заказами. Последним пунктом программы значился очередной визит в дом на Данвиксклиппан.

Наркотики — амфетамин и гашиш — были искусно запрятаны внутри сдобной булки и куска сыра, которые лежали в обычной сумке вместе с другими, абсолютно невинными продуктами.

Мауритсон уже забрал товар на вокзале и стоял у перехода — ординарный человечек с располагающей внешностью и с бумажной сумкой в руке. Рядом с ним в толпе стояли с одной стороны пожилая женщина, а с другой — девушка в зеленой форме, инспектор автостоянок. Метрах в пяти от перехода на тротуаре томились два полицейских — руки за спину, на лице тупая важность.

Машины шли, как всегда, сплошным потоком, насыщая воздух выхлопными газами, так что нечем было дышать.

Наконец загорелся зеленый свет, и все ринулись вперёд как угорелые, беззастенчиво орудуя локтями, чтобы хоть на сотую долю секунды опередить других.

Кто-то толкнул пожилую даму; испуганно озираясь по сторонам, она спросила:

— Я плохо вижу без очков, что — уже зеленый свет?

— Да-да, — приветливо подтвердил Мауритсон. — Позвольте, я помогу вам перейти.

Он знал по опыту, что учтивость нередко вознаграждается.

— Большое спасибо, — сказала дама. — А то ведь до нас, стариков, сейчас никому нет дела.

Что верно, то верно…

— Мне спешить некуда, — сказал Мауритсон и, бережно взяв даму под руку, повел ее через улицу.

Не успели они дойти до противоположного тротуара, как дама качнулась от нового толчка и едва не упала, но Мауритсон вовремя поддержал ее. В эту минуту раздался крик:

— Эй, вы!

Обернувшись, он увидел, что девушка в зеленом указует на него обличительным жестом.

— Полиция! Полиция! — вопила она.

Пожилая дама растерянно оглянулась.

— Держите вора! — надсаживалась инспекторша.

Мауритсон нахмурился, но достоинство ему не изменило.

— В чем дело? — допытывалась пожилая дама. — Что случилось? — Потом вдруг тоже запищала: — Вор! Вор!

Притопали полицейские.

— В чем дело? — властно вопросил один.

— В чем дело? — не столь властно подхватил другой.

Врожденная гнусавость не позволяла ему производить грозные, грубые звуки, положенные по службе.

— Вор! — надрывалась инспекторша, показывая на Мауритсона. — Он хотел вырвать сумочку у этой женщины!

Мауритсон посмотрел на нее и сказал про себя: «Да заткнись ты, стерва проклятая».

Вслух он произнес:

— Извините, это какая-то ошибка.

Однако инспекторша, двадцатипятилетняя блондинка, успешно уродующая свою и без того непрезентабельную внешность гримом и губной помадой, не унималась:

— Я сама видела!

— Что? — волновалась пожилая дама. — Где вор?

— В чем дело? — наперебой бубнили полицейские.

Мауритсон сохранял полное спокойствие.

— Это явное недоразумение, — повторил он.

— Этот господин помог мне перейти улицу, — объяснила дама.

— Как же, как же! — кипятилась блондинка. — Они помогут. Да он так дернул сумочку, что эта ба… что эта дама чуть не грохнулась…

— Вы все перепутали, — терпеливо объяснил Мауритсон. — На самом деле даму нечаянно толкнул другой человек. А я только поддержал ее, чтобы она не упала и не ушиблась.

— Брось, не заливай, — отпарировала блондинка.

Блюстители порядка вопросительно посмотрели друг на друга. Суровый явно был более опытным и энергичным. Подумав, он вспомнил магическую реплику:

— Попрошу вас следовать за мной.

Помолчал и добавил:

— Все трое. Подозреваемый, свидетельница и истица.

Пожилая дама опешила; инспекторша сразу остыла.

Мауритсон был сама кротость.

— Это явное недоразумение, — твердил он. — А вообще-то ничего удивительного, как подумаешь, сколько подозрительных личностей шныряет по улицам. Я охотно последую за вами.

— Как это? — растерялась дама. — Куда идти?

— В участок, — ответил суровый полицейский.

— В участок?

— Да, в полицейский участок.

Процессия двинулась вперед, вызывая живой интерес у прохожих.

— Может, я ошиблась, — заколебалась блондинка.

Она привыкла записывать номера автомашин и фамилии людей, а тут как бы самой не попасть в протокол…

— Ничего страшного, — утешил ее Мауритсон. — В таких оживленных местах особенно нужен глаз да глаз.

Участок помещался в здании вокзала и служил разным целям; в частности, полицейские заходили сюда выпить кофе и приводили задержанных.

Началась замысловатая процедура.

Сначала записали имя, фамилию, адрес свидетельницы и мнимой жертвы.

— Нет правда, я ошиблась, — нервничала свидетельница. — Я пойду. У меня дежурство.

— Мы обязаны выяснить все до конца, — неумолимо ответил суровый. — Проверь его карманы, Кеннет.

Гнусавый извлек из карманов Мауритсона ряд вполне безобидных предметов. Одновременно продолжался допрос:

— Ваше имя, фамилия?

— Арне Леннарт Хольм, — сказал Мауритсон. — Или просто Леннарт Хольм.

— Адрес?

— Викергатан, шесть.

— Имя и фамилию он правильно сказал, — подтвердил гнусавый. — Вот его водительское удостоверение, тут так и написано — Арне Леннарт Хольм. Все, как он говорит.

Первый полицейский обратился к пожилой даме:

— У вас что-нибудь пропало?

— Нет.

— Зато у меня скоро пропадет терпение, — злилась блондинка. — Как ваша фамилия?

— Это не имеет отношения к делу, — отпарировал полицейский.

— Да не волнуйтесь вы так, — мягко сказал Мауритсон.

— У вас что-нибудь пропало? — снова спросил полицейский.

— Нет, вы же только что спрашивали, — ответила дама.

— Какие ценности у вас были при себе?

— Шесть крон и тридцать пять эре в кошельке. Кроме того, проездной билет и пенсионное удостоверение.

— Все на месте?

— Да.

Полицейский захлопнул записную книжку, важно посмотрел на задержанных и сказал:

— Так, вопрос ясен. Вы двое можете идти. Хольм останется.

Мауритсон рассовал по карманам свое имущество.

Продуктовая сумка стояла на полу около двери, из нее торчал длинный огурец и шесть стеблей ревеня.

— Что у вас там в сумке? — спросил полицейский.

— Продукты.

— Продукты? А ну-ка, Кеннет, проверь.

Гнусавый принялся выкладывать продукты на скамейку, куда его коллеги обычно бросали свои фуражки и портупеи, когда заходили в участок передохнуть.

Мауритсон невозмутимо наблюдал за его действиями.

— Так, — говорил Кеннет, — все точно, в сумке продукты, как показал Хольм, вот хлеб… масло… сыр… ревень… кофе — да, все так, как показал Хольм.

— Ясно, — подытожил суровый. — Вопрос исчерпан. Клади продукты обратно, Кеннет.

Он подумал, потом обратился к Мауритсону:

— Так вот, господин Хольм. Вышло недоразуменье. Но вы сами понимаете, такая у нас служба. Мы сожалеем, что на вас пало подозрение в преступлении. Надеемся, вы на нас не в претензии.

— Что вы, что вы, — сказал Мауритсон. — Вы только исполняли свой долг.

— Всего доброго, господин Хольм.

— Всего доброго, всего доброго.

Дверь отворилась, вошел еще один полицейский, одетый в серо-голубой комбинезон. Он вел на поводке овчарку, а в свободной руке держал бутылку лимонада.

— Фу, жарища! — вздохнул он, бросая фуражку на скамейку. — Сидеть, Джек.

Сорвал с бутылки колпачок и поднес ее ко рту. Повернулся к собаке и сердито повторил:

— Сидеть, Джек!

Пес послушался, но тотчас встал опять и принялся обнюхивать сумку Мауритсона.

Мауритсон пошел к двери.

— Всего вам доброго, господин Хольм, — сказал Кеннет.

— Всего доброго, всего доброго, — отозвался Мауритсон.

Пес уже всю голову засунул в сумку.

Мауритсон отворил дверь левой рукой, а правую протянул за сумкой. Пес зарычал.

— Минутку, — сказал полицейский в комбинезоне.

Коллеги вопросительно посмотрели на него. Мауритсон оттолкнул голову собаки и поднял сумку с пола.

— Ни с места! — Полицейский поставил бутылку на скамью.

— Простите?.. — озадаченно произнес Мауритсон.

— Эта собака натаскана на наркотики, — сказал полицейский, поднося руку к кобуре.

XVII

Начальник отдела наркотиков, Хенрик Якобссон, занимал эту должность почти десять лет, и десять лет он не ведал, что такое покой. Другой на его месте давно заработал бы себе язву желудка или расстройство моторных центров или жевал бы занавески. Но организм Хенрика Якобссона все выдержал, а теперь его и вовсе трудно было чем-нибудь удивить.

Сейчас он невозмутимо созерцал разрезанный сыр, выпотрошенную булку, конвертики с гашишем, капсулы с амфетамином и сотрудника, который полосовал ревень.

Перед ним сидел Мауритсон, внешне спокойный, а на деле сам не свой. Двойная страховка подвела, и как подвела — самым невероятным, дурацким образом. Это что-то непостижимое. Ну ладно, один раз — еще куда ни шло, так ведь один просчет уже был у него совсем недавно. Два прокола подряд!.. Того и жди, окажется, что он угадал тринадцать номеров в очередном розыгрыше спортивного тотализатора.

Он уже сказал все, что положено говорить в таких случаях. Что злополучная сумка — не его, ему вручил ее неизвестный человек на Центральном вокзале и попросил передать другому неизвестному на Мариинской площади, и, конечно, он сразу заподозрил неладное, но не смог устоять против соблазна, когда неизвестный предложил ему сто крон.

Якобссон выслушал его молча, не перебивая и не комментируя. И скорее всего, не поверил ни единому слову. Наконец он сказал:

— Что ж, Хольм, могу только повторить тебе то, что я уже говорил: мы тебя задержим. Ордер будет подписан завтра утром. Можешь воспользоваться телефоном при условии, что это не помешает следствию.

— Неужели дело такое серьезное? — смиренно осведомился Мауритсон.

— Смотря что считать серьезным. Посмотрим еще, что мы найдем при домашнем обыске.

Мауритсон отлично знал, что они найдут в однокомнатной квартире на Викергатан: плохонькую мебель и старую одежду. Тут ему бояться нечего. Неизбежный вопрос — к каким замкам подходят прочие ключи — Мауритсона тоже не тревожил, ибо он не собирался

отвечать. Так что, скорее всего, его вторая квартира, на Армфельтсгатан, не будет осквернена ни двуногими, ни четвероногими ищейками.

— Неужели штраф платить придется? — спросил он еще более смиренно.

— Никак нет, старина, — ответил Якобссон. — Штрафом ты не отделаешься, тут тюрьмой пахнет. Да, Хольм, здорово ты влип. Кстати, кофе не желаешь?

— Спасибо, лучше чаю, если не трудно.

Мауритсон лихорадочно соображал.

Что верно, то верно — влип, и похлеще, чем думает Якобссон. Ведь у него взяли отпечатки пальцев, а это значит, что электронная машина в два счета выдаст карточку, на которой написано не Арне Леннарт Хольм, а нечто совсем другое. И пойдут неприятные вопросы…

Они выпили чаю и кофе и съели полбатона; тем временем сотрудник сосредоточенно, словно именитый хирург, оперирующий больного, вскрывал скальпелем огурец.

— Здесь ничего нет, — подвел он итог.

Якобссон флегматично кивнул, дожевывая бутерброд:

— Ясно.

Посмотрел на Мауритсона и добавил:

— С тебя и найденного хватит.

В душе Мауритсона зрело решение. Он в нокдауне, но до нокаута еще далеко. Надо встать на ноги — встать прежде, чем прозвучит роковое «аут», а оно прозвучит, как только на стол Якобссона ляжет справка из картотеки. И уж тогда, с какого козыря ни ходи, ему никто не поверит.

Он поставил на стол бумажный стакан, выпрямился и заговорил совсем другим голосом:

— Ладно, я открываюсь. Не буду больше темнить.

— Премного благодарен, — невозмутимо произнес Якобссон.

— Моя фамилия не Хольм.

— В самом деле?

— Ну да, в документах написано Хольм, но это не настоящая фамилия.

— А как же тебя величать?

— Филип Трезор Мауритсон.

— Ты что же, стыдишься своей настоящей фамилии?

— Откровенно говоря, несколько лет назад угодил я в кутузку. Ну а там, сам понимаешь, раз посидел, за тобой уже слава идет.

— Понимаю.

— Кто-нибудь непременно пронюхает, глядишь, уже легавые идут проверять… прости, я хотел сказать, полиция идет.

— Ничего, я не обидчивый, — произнес Якобссон.

Он ничего не добавил, и Мауритсон беспокойно поглядел на стенные часы.

— Да и посадили-то меня за ерунду, — продолжал он. — Сбыт краденого, незаконное хранение оружия — в общем, мелочи. Была еще кража со взломом, но с тех пор уже десять лет прошло.

— А все эти годы, значит, вел себя паинькой? Исправленному верить? Или стал тоньше работать?

Мауритсон криво усмехнулся, но ответной улыбки не дождался.

— Ну и куда же ты гнешь? — осведомился Якобссон.

— В тюрьму не хочется.

— Поздно, раньше надо было думать. Да и чего тут особенного. Не ты первый, не ты последний. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь не сел. Отдохнешь два-три месяца — чем плохо?

Однако Мауритсон подозревал, что краткосрочным отпуском дело не ограничится. Глядя на свои испорченные продукты, он прикидывал, что, если его арестуют, легавые начнут копать всерьез, и могут выявиться малоприятные для него вещи. А ведь у него хранится в иностранных банках приличная сумма. Так что главное сейчас — выйти отсюда. И сразу уехать из города. Лучше всего за границу махнуть, а там все наладится. Тем более что он давно задумал бросить старое ремесло. Хватит возиться с наркотиками и порнографией, и роль мальчика на побегушках у таких, как Мальмстрём и Мурен, как бы хорошо ни платили, ему тоже не к лицу. Лучше уж переключиться на молочные продукты: можно отлично заработать на контрабанде датского масла в Италию. Занятие почти легальное, и никакого риска — разве что мафия с тобой расправится. Н-да…

Так или иначе, мешкать нельзя, надо принимать экстренные меры.

И Мауритсон спросил:

— Кто занимается ограблениями банков?

— Бульдо… — вырвалось у Якобссона.

— Бульдозер Ульссон, — живо договорил Мауритсон.

— Прокурор Ульссон, — поправил его Якобссон. — Стучать собираешься?

— Я мог бы кое о чем осведомить его.

— А ты осведоми меня.

— Речь идет о секретных сведениях, — ответил Мауритсон. — Неужели трудно позвонить ему?

Якобссон задумался. Он прекрасно помнил, как начальник ЦПУ и его подручные говорили, что ограбления банков важнее всего. Только одно преступление считалось еще страшнее — забрасывать яйцами посла Соединенных Штатов.

Он пододвинул к себе телефон и набрал номер штаба спецгруппы. Бульдозер тотчас взял трубку.

— Ульссон слушает.

— Это Хенрик Якобссон говорит. Мы тут задержали одного за наркотики, уверяет, будто ему что-то известно.

— Насчет банков?

— По-видимому.

— Сейчас буду, — ответил Бульдозер.

Он вломился в кабинет, горя от нетерпения.

Диалог был недолгим.

— Так о чем вы хотели нам поведать?

— Господина прокурора интересуют двое по фамилии Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер даже облизнулся.

— Очень, очень интересуют! И что же именно вам известно, господин Мауритсон?

— Мне известно, где находятся Мальмстрём и Мурен.

— Сейчас находятся?

— Да.

Бульдозер возбужденно потер руки. Потом как бы спохватился:

— Надо думать, господин Мауритсон собирается предложить какие-то условия?

— Мне хотелось бы обсудить этот вопрос в более уютном месте.

— Гм-м. Мой кабинет на Кунгсхольмсгатан вас устроит?

— Вполне, — ответил Мауритсон. — Насколько я понимаю, господину прокурору теперь нужно переговорить с этим господином?

Лицо Якобссона ничего не выражало.

— Совершенно верно, — горячо подтвердил Бульдозер. — Посовещаемся, Якобссон? Без посторонних.

Якобссон кивнул, покоряясь судьбе.

XVIII

Якобссон был человек практичный. Зачем понапрасну трепать себе нервы?

Он не был близко знаком с Бульдозером Ульссоном, но достаточно наслышан о нем и понимал, что сражаться нет смысла, все равно исход боя предрешен.

Помещение было очень скромное — голые стены, письменный стол, два стула, шкаф для папок. И все, даже ковра не было.

Якобссон спокойно сидел за столом.

Бульдозер метался по комнате, заложив руки за спину и наклонив голову.

— Только один сугубо технический вопрос, — сказал он. — Мауритсон арестован?

— Нет. Еще нет.

— Отлично. Превосходно. Тогда, собственно, и совещаться не о чем.

— Возможно.

— Хочешь, позвоним начальнику цепу. Члену коллегии, начальнику управления.

Якобссон покачал головой. Он хорошо знал названных боссов.

— Тогда заметано?

Якобссон промолчал.

— И ты в накладе не останешься. Теперь ты знаешь этого субчика и будешь держать его на примете. Пригодится.

— Ладно, я поговорю с ним.

— Вот и прекрасно.

Якобссон вернулся к Мауритсону, смерил его взглядом и сказал:

— Так вот, Мауритсон, я тут поразмыслил… Ты получил сумку от неизвестного лица для передачи другому неизвестному лицу. Всякое бывает. Доказать, что ты говоришь не правду, будет нелегко. Короче, мы воздерживаемся от ареста.

— Ясно.

— Товар мы, конечно, конфискуем. Но ведь ты мог и не знать, что передаешь.

— Меня отпустят?

— Отпустят, отпустят. При условии, что ты переходишь в распоряжение Бульд… в распоряжение прокурора Ульссона.

Бульдозер, должно быть, слушал за дверью — она распахнулась, и он ворвался в кабинет.

— Давай, поехали!

— Прямо сейчас?

— Потолкуем у меня.

— Конечно, конечно, — сказал Мауритсон. — С удовольствием.

— Да уж не иначе, — обещал Бульдозер. — Привет, Якобссон.

Якобссон молча проводил их безучастным взглядом.

Он ко всему привык.

Десять минут спустя Мауритсон был доставлен в штаб спецгруппы. Его приняли как почетного гостя и усадили в самое удобное кресло, а кругом расположились блистательные детективы. В том числе Колльберг, который держал в руках памятку Мауритсона:

— Дюжина трусов и пятнадцать пар носков. Это для кого?

— Две пары Мурену, остальное, наверно, второй себе возьмет.

— Он что — бельем питается, этот Мальмстрём?

— Да нет, просто никогда не отдает белье в стирку, каждый раз новое надевает. И непременно французское, а его только у «Морриса» купить можно.

— С такими привычками поневоле пойдешь банки грабить.

— А что такое астролябия? — удивился Рённ.

— Это вроде секстанта, только старый образец, — объяснил Гюнвальд Ларссон и в свою очередь спросил:

— А зачем им на двоих четыре маски «Фантомас»?

— Ей-богу, не знаю. И ведь у них уже есть две, я на прошлой неделе купил.

— Шесть коробок «девятки» — это как понимать? — продолжал допытываться Рённ.

— Мужской товар, особый сорт, — вяло ответил Мауритсон и добавил кое-какие веселые подробности.

— Ладно, бросьте эту бумажку, — добродушно вмешался Бульдозер Ульссон. — Кстати, господину Мауритсону не обязательно изощряться тут в остроумии. Острить мы и сами умеем.

— Умеем ли? — мрачно осведомился Колльберг.

— Все, давайте-ка делом займемся. — Бульдозер хлопнул в ладоши и энергично потер руки.

Он призывно поглядел на свое войско, в состав которого кроме Колльберга, Рённа и Гюнвальда Ларссона вошли два инспектора, эксперт по слезоточивым газам («газовщик»), техник-вычислитель и никудышный полицейский по имени Бу Цакриссон, которого, невзирая на острую нехватку кадров, все с величайшей охотой уступали друг другу для всякого рода специальных заданий.

Начальник ЦПУ и прочие тузы, слава Богу, после злополучного киносеанса не показывались, даже не звонили.

— Итак, репетируем, — объявил Бульдозер. — Ровно в шесть Мауритсон должен позвонить в дверь. Ну-ка, изобразите еще раз…

Колльберг отстучал сигнал костяшкой по столу.

Мауритсон кивнул.

— Точно, — сказал он, потом добавил:

— Во всяком случае, очень похоже.

Точка-тире… пауза… четыре точки… пауза… тире-точка.

— Я в жизни не запомнил бы, — уныло произнес Цакриссон.

— Мы тебе поручим что-нибудь еще, — сказал Бульдозер.

— Что именно? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

Изо всей группы только ему случалось раньше сотрудничать с Цакриссоном, и он не любил вспоминать об этом.

— А мне что делать? — осведомился техник-вычислитель.

— Вот именно, — отозвался Бульдозер. — Я с самого понедельника над этим голову ломаю. Кто тебя к нам направил?

— Не знаю. Звонил кто-то из управления.

— А может, ты нам вычислишь что-нибудь? — предложил Гюнвальд Ларссон. — Скажем, какие номера выиграют в следующем тираже.

— Исключено, — мрачно произнес вычислитель. — Сколько лет пытаюсь, ни одной недели не пропустил, и все мимо.

— Проиграем мысленно всю ситуацию, — продолжал Бульдозер. — Кто звонит в дверь?

— Колльберг, — предложил Гюнвальд Ларссон.

— Прекрасно. Итак, Колльберг звонит. Мальмстрём открывает. Он ожидает увидеть Мауритсона с трусами, астролябией и прочими вещами. А вместо этого видит…

— Нас, — пробурчал Рённ.

— Вот именно! Мальмстрём и Мурен огорошены. Их провели! Представляете себе их физиономии?!

Он семенил по комнате, самодовольно усмехаясь.

— А Руса-то как прищучим! Одним ходом шах ему и мат!

У Бульдозера даже дух захватило от столь грандиозной перспективы. Однако он тут же вернулся на землю:

— Но мы не должны забывать, что Мальмстрём и Мурен вооружены.

Гюнвальд Ларссон пожал плечами: подумаешь…

— Ничего, как-нибудь, — сказал Колльберг.

Они с Гюнвальдом Ларссоном сумеют постоять за себя. Да и вряд ли Мальмстрём и Мурен будут сопротивляться, когда поймут, что попали в безвыходное положение.

Бульдозер словно прочел его мысли.

— И все-таки нельзя исключать возможности того, что они с отчаяния пойдут на прорыв. Тут уж придется тебе вмешаться.

Он указал на эксперта по слезоточивым газам. «Газовщик» кивнул.

— Кроме того, с нами пойдет проводник с собакой, — продолжал Бульдозер. — Собака бросается…

— Это как же, — перебил его Гюнвальд Ларссон. — На ней что, противогаз будет?

— Неплохая идея, — сказал Мауритсон.

Все вопросительно посмотрели на него.

— Значит, так, — вещал Бульдозер. — Случай первый: Мальмстрём и Мурен пытаются оказать сопротивление, но встречают сокрушительный отпор, атакуются собакой и обезвреживаются слезоточивым газом.

— Всё одновременно? — усомнился Колльберг.

Но Бульдозер вошел в раж, и отрезвить его было невозможно.

— Случай второй: Мальмстрём и Мурен не оказывают сопротивления. Полиция с пистолетами наготове вламывается в квартиру и окружает их.

— Только не я, — возразил Колльберг.

Он принципиально отказывался носить оружие.

Бульдозер заливался соловьем:

— Преступников обезоруживают и заковывают в наручники. Затем я вхожу в квартиру и объявляю их арестованными. Их уводят.

Несколько секунд он смаковал упоительную перспективу, потом бодро продолжал:

— И наконец, вариант номер три — интересный вариант: Мальмстрём и Мурен не открывают. Они чрезвычайно осторожны и могут не открыть, если сигнал покажется им не таким, как обычно. С Мауритсоном у них условлено, что он в таком случае уходит, ждет где-нибудь поблизости, а ровно через двенадцать минут возвращается и звонит снова. Мы так и поступим. Выждем двенадцать минут и позвоним опять. После этого автоматически возникает одна из двух ситуаций, которые мы уже разобрали.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон выразительно посмотрели друг на друга.

— Четвертая альтернатива… — начал Бульдозер.

Но Колльберг перебил его:

— Альтернатива — это одно из двух.

— Не морочь голову. Итак, четвертая альтернатива: Мальмстрём и Мурен все равно не открывают. Тогда вы высаживаете дверь…

— …вламываемся с пистолетами наготове в квартиру и окружаем преступников, — вздохнул Гюнвальд Ларссон.

— Вот именно, — сказал Бульдозер. — Точно так. После чего я вхожу и объявляю их арестованными. Превосходно. Вы запомнили все слово в слово. Ну что — как будто все варианты исчерпаны?

Собравшиеся молчали. Наконец Цакриссон пробормотал:

— А пятая альтернатива такая, что гангстеры открывают дверь, косят из автоматов нас всех вместе с собакой и сматываются.

— Балда, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Во-первых, Мальмстрёма и Мурена задерживали не раз, и при этом еще никто не пострадал. Во-вторых, их всего двое, а у дверей будет шестеро полицейских и одна собака, да еще на лестнице десять человек, да на улице два десятка, да один прокурор на чердаке — или где он там намерен пребывать.

Цакриссон стушевался, однако добавил мрачно:

— В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным.

— Мне ехать с вами? — спросил вычислитель.

— Не надо, — ответил Бульдозер. — Для тебя там дела не найдется.

— Какой от тебя прок без твоей машины, — сказал Колльберг.

— А что, вызовем подъемный кран да подтянем ему машину на пятый этаж, — предложил Гюнвальд Ларссон.

— Расположение квартиры, входы и выходы вам известны, — подвел итог Бульдозер. — Три часа назад дом взят под наблюдение. Как и следовало ожидать, все спокойно. Мальмстрём и Мурен даже и не подозревают, что их ждет. Господа, мы готовы.

Он вытащил из грудного кармашка старинные серебряные часы, щелкнул крышкой и сказал:

— Через тридцать две минуты мы нанесем удар.

— А вдруг они попытаются уйти через окно? — предположил Цакриссон.

— Пусть попробуют, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Квартира, как тебе известно, находится на пятом этаже, и пожарной лестницы нет.

— А то была бы шестая альтернатива, — пробурчал Цакриссон.

Бульдозер обратился к Мауритсону, который равнодушно следил за дискуссией.

— Полагаю, господин Мауритсон вряд ли пожелает присоединиться к нам? Или вам хотелось бы повидаться с приятелями?

Мауритсон не то поежился, не то пожал плечами.

— В таком случае предлагаю вам спокойно переждать где-нибудь в этом здании, пока мы проведем операцию. Вы делец, и я тоже в некотором роде делец, так что вы меня поймете. Вдруг выяснится, что вы нас подвели, — тогда придется пересмотреть наше соглашение.

Мауритсон кивнул.

— Идет, — сказал он. — Но я точно знаю, что они там.

— По-моему, господин Мауритсон — подонок, — произнес Гюнвальд Ларссон в пространство.

Колльберг и Рённ напоследок еще раз проштудировали план квартиры, начерченный со слов Мауритсона. Затем Колльберг сложил листок и сунул его в карман.

— Что ж, поехали, — сказал он.

Раздался голос Мауритсона:

— Только ради Бога учтите, что Мальмстрём и Мурен опаснее, чем вы думаете. Как бы они не попробовали прорваться. Вы уж зря не рискуйте.

— Хорошо, хорошо, — отозвался Колльберг. — Не будем.

Гюнвальд Ларссон неприязненно посмотрел на Мауритсона:

— Понятно, господин Мауритсон предпочел бы, чтобы мы ухлопали его приятелей, тогда ему не надо будет всю жизнь дрожать за свою жалкую шкуру.

— Я только хотел предостеречь вас, — возразил Мауритсон. — Зря ты обижаешься.

— Заткнись, мразь, — проворчал Гюнвальд Ларссон.

Он не терпел панибратства от людей, которых презирал. Будь то стукачи или начальство из ЦПУ.

— Ну, все готово, — нетерпеливо вмешался Бульдозер. — Операция начинается. Поехали.

В доме на Данвиксклиппан все оказалось в точности как говорил Мауритсон. Даже такая деталь, как табличка с надписью «С. Андерссон» на дверях квартиры.

Справа и слева от двери прижались к стене Рённ и Гюнвальд Ларссон. Оба держали в руках пистолеты, Гюнвальд Ларссон — свой личный «смит-вессон 38 мастер», Рённ — обыкновенный «Вальтер», калибр 7,65. Прямо перед дверью стоял Колльберг. Лестничная клетка за его спиной была битком набита людьми; тут были и Цакриссон, и эксперт по газам, и проводник с собакой, и оба инспектора, и рядовые полицейские с автоматами, в пуленепробиваемых жилетах.

Бульдозер Ульссон, по всем данным, находился в лифте.

«Ох уж это оружие», — подумал Колльберг, следя глазами за секундной стрелкой на часах Гюнвальда Ларссона; сам он был безоружен.

Осталось тридцать четыре секунды…

У Гюнвальда Ларссона были часы высшего класса, они показывали время с исключительной точностью.

В душе Колльберга не было ни капли страха. Он слишком много лет прослужил в полиции, чтобы бояться таких субъектов, как Мальмстрём и Мурен.

Интересно, о чем они говорят и думают, закрывшись там со своими запасами оружия и трусов, горами паштета и икры?..

Шестнадцать секунд…

Один из них — очевидно, Мурен, — судя по словам Мауритсона, бо-ольшой гурман. Вполне простительная слабость, Колльберг и сам страстно любил вкусную еду.

Восемь секунд…

Что будет со всем этим добром, когда Мальмстрёма и Мурена закуют в наручники и увезут?

Может, Мурен уступит ему свои припасы по недорогой цене? Или это будет скупка краденого?..

Две секунды.

Русская икра, особенно красная…

Секунда.

Всё.

Он нажал кнопку звонка.

Точка-тире… пауза… четыре точки… пауза… тире-точка.

Все замерли в ожидании.

Кто-то шумно перевел дух.

Потом скрипнул чей-то башмак.

Цакриссон звякнул пистолетом. Звякнуть пистолетом — это ведь надо суметь!

Звяк-бряк… Смешное слово.

У Колльберга забурчало в животе. Должно быть, от мыслей об икре. Рефлекс, как у павловских собак.

А за дверью — ни звука. Две минуты прошло, и хоть бы что.

По плану полагалось выждать еще десять минут и повторить сигнал.

Колльберг поднял руку, давая понять, чтобы освободили лестничную площадку. Подчиняясь его приказу, Цакриссон и проводник с собакой поднялись на несколько ступенек вверх, а эксперт по газам спустился вниз.

Рённ и Гюнвальд Ларссон остались на своих местах.

Колльберг хорошо помнил план, но не менее хорошо он знал, что Гюнвальд Ларссон отнюдь не намерен следовать намеченной схеме. Поэтому он и сам отошел в сторонку. Гюнвальд Ларссон стал перед дверью и смерил ее взглядом. Ничего, можно справиться…

«Гюнвальд Ларссон одержим страстью вышибать двери», подумал Колльберг. Правда, он почти всегда проделывал это весьма успешно. Но Колльберг был принципиальным противником таких методов, поэтому он отрицательно покачал головой и всем лицом изобразил неодобрение.

Как и следовало ожидать, его мимика не возымела никакого действия. Гюнвальд Ларссон отступил на несколько шагов и уперся правым плечом в стену. Рённ приготовился поддержать его маневр. Гюнвальд Ларссон чуть присел и напрягся, выставив вперед левое плечо, — живой таран весом сто восемь килограммов, ростом сто девяносто два сантиметра. Разумеется, Колльберг тоже изготовился, раз уж дело приняло такой оборот. Однако того, что случилось в следующую минуту, никто не мог предвидеть.

Гюнвальд Ларссон бросился на дверь, и она распахнулась с такой легкостью, будто ее и не было вовсе.

Не встретив никакого сопротивления, Гюнвальд Ларссон влетел в квартиру, с разгона промчался в наклонном положении через комнату, словно сорванный ураганом подъемный кран, и въехал головой в подоконник. Подчиняясь закону инерции, его могучее тело описало в воздухе дугу, да такую широкую, что Гюнвальд Ларссон пробил задом стекло и вывалился наружу вместе с тучей мелких и крупных осколков. В самую что ни на есть последнюю

секунду он выпустил пистолет и ухватился за раму. И повис высоко над землей, зацепившись правой рукой и правой ногой. Из глубоких порезов в руке хлестала кровь, штанина тоже окрасилась в алый цвет.

Рённ двигался не столь проворно, однако успел перемахнуть через порог как раз в тот момент, когда дверь со скрипом качнулась обратно. Она ударила его наотмашь в лоб, он выронил пистолет и упал навзничь на лестничную площадку.

Как только дверь после столкновения с Рённом распахнулась вторично, в квартиру ворвался Колльберг. Окинув комнату взглядом, он убедился, что в ней никого нет, если не считать руки и ноги Гюнвальда Ларссона, бросился к окну и ухватился за ногу обеими руками.

Опасность того, что Гюнвальд Ларссон упадет и разобьется насмерть, была весьма реальной. Навалившись всем телом на его правую ногу, Колльберг изловчился и поймал левую руку коллеги, которой тот силился дотянуться до окна. Несколько секунд чаша весов колебалась, и у обоих было такое чувство, что они вот-вот полетят вниз. Но Гюнвальд Ларссон крепко держался исполосованной правой рукой, и, напрягая все силы, Колльберг ухитрился втянуть своего незадачливого товарища на подоконник, где он, хотя и сильно пострадавший, был в относительной безопасности.

В эту минуту Рённ, слегка ошалевший от удара по голове, пересек порог на четвереньках и принялся искать оброненный пистолет.

Следующим в дверях появился Цакриссон, за ним по пятам шла собака. Он увидел ползающего на четвереньках Рённа с раскквашенным лбом и лежащий на полу пистолет. Увидел также у разбитого окна окровавленных Колльберга и Гюнвальда Ларссона.

Цакриссон закричал:

— Ни с места! Полиция!

После чего выстрелил вверх и попал в стеклянный шар под потолком. Лампа разлетелась вдребезги с оглушительным шумом.

Цакриссон повернулся кругом и следующим выстрелом поразил собаку. Бедняжка осела на задние лапы и жутко завыла.

Третья пуля влетела в открытую дверь ванной и пробила трубу. Длинная струя горячей воды с шипением ударила прямо в комнату.

Цакриссон еще раз дернул курок, но тут заело механизм.

Вбежал проводник собаки.

— Эти гады застрелили Боя, — вскричал он и схватился за оружие. Размахивая пистолетом, он искал безумным взглядом виновника, чтобы воздать ему по заслугам.

Пес выл страшнее прежнего.

Полицейский в сине-зеленом пуленепробиваемом жилете, с автоматом в руках ворвался в квартиру, зацепил ногой Рённа и растянулся во весь рост. Его автомат прокатился по паркету в дальний угол. Собака — видно, ее рана была не смертельная — впилась ему зубами в икру. Полицейский истошным голосом стал звать на помощь.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон уже сидели рядом на полу, основательно изрезанные и совершенно обессиленные. Но голова у них работала, и оба в одно время пришли к двум идентичным выводам. Во-первых: в квартире никого не было, ни Мальмстрёма, ни Мурена, ни кого-либо еще. Во-вторых, дверь была не заперта и, скорее всего, даже не закрыта как следует.

Кипящая струя из ванной хлестнула Цакриссона по лицу.

Полицейский в жилете полз к своему автомату. Собака волочилась следом, вонзив клыки в мясистую ногу.

Гюнвальд Ларссон поднял окровавленную руку и заорал:

— Кончайте, черт побери…

В ту же секунду «газовщик» одну за другой бросил в квартиру две гранаты со слезоточивым газом. Они упали на пол между Рённом и проводником собаки и тотчас взорвались.

Раздался еще один выстрел; кто именно выстрелил — установить не удалось, но скорее всего, это был проводник. Пуля ударилась о батарею отопления в сантиметре от колена Колльберга, рикошетом отскочила на лестничную площадку и ранила «газовщика» в плечо.

Колльберг попытался крикнуть: «Сдаемся! Сдаемся!» — но из его горла вырвалось лишь хриплое карканье.

Газ мгновенно распространился по квартире, смешиваясь с паром и пороховым дымом.

Пять человек и одна собака стонали, рыдали и кашляли в ядовитой мгле.

Шестой человек сидел на лестничной клетке и подвывал, прижимая к плечу ладонь.

Откуда-то сверху примчался взбудораженный Бульдозер Ульссон.

— Что такое? В чем дело? Что тут происходит? — допытывался он.

Сквозь туман из квартиры доносились жуткие звуки. Кто-то скулил, кто-то сдавленным голосом звал на помощь, кто-то невнятно чертыхался.

— Отставить! — визгливо скомандовал Бульдозер, поперхнулся газом и закашлялся.

Он попятился по ступенькам вверх, но облако газа следовало за ним. Тогда Бульдозер приосанился и обратил грозный взгляд на едва различимый дверной проем.

— Мальмстрём и Мурен, — властно произнес он, обливаясь слезами. — Бросайте оружие и выходите! Руки вверх! Вы арестованы!

XIX

В четверг 6 июля 1972 года специальная группа по борьбе с ограблениями банков собралась утром в своем штабе. Члены группы сидели бледные, но подтянутые, царила строгая тишина.

Мысль о вчерашних событиях никого не располагала к веселью. А Гюнвальда Ларссона меньше всех.

В кино, может быть, и уморительно, когда человек вываливается из окна и болтается над землей на высоте пятого этажа. В жизни это отнюдь не смешно. Изрезанные руки и порванный костюм тоже не потеха.

Пожалуй, больше всего Гюнвальд Ларссон расстраивался из-за костюма. Он был очень разборчив, и на одежду уходила немалая часть его жалованья. И вот опять, в который раз, один из лучших костюмов, можно сказать, погиб при исполнении служебных обязанностей.

Эйнар Рённ тоже пригорюнился, и даже Колльберг не мог и не желал оценить очевидный комизм ситуации. Слишком хорошо он помнил, как у него сосало под ложечкой, когда ему казалось, что всего пять секунд отделяют его и Гюнвальда Ларссона от верной смерти. К тому же он не верил в Бога и не представлял себе на небесах полицейского управления с крылатыми сыщиками.

Битва на Данвиксклиппан подверглась придирчивому разбору Тем не менее объяснительная записка была весьма туманна и пестрила уклончивыми оборотами. Составлял ее Колльберг

Но потери нельзя было скрыть.

Троих пришлось отвезти в больницу. Правда, ни смерть, ни инвалидность им не грозила. У «газовщика» — ранение мягких тканей плеча. У Цакриссона — ожоги на лице. (Кроме того, врачи утверждали, что у него шок, что он производит «странное» впечатление и не в состоянии толково ответить на простейшие вопросы. Но это, скорее всего, объяснялось тем,

что они не знали Цакриссона и переоценивали его умственные способности. Возможность недооценки в этом случае начисто исключалась.) Не одну неделю предстояло провести на бюллетене полицейскому, которого искусала собака: разорванные мышцы и жилы не скоро заживают.

Хуже всего пришлось самой собаке. Из хирургического отделения Ветеринарного института сообщили, что, хотя пулю удалось извлечь, вопрос об усыплении не снимается с повестки дня, ибо не исключена возможность инфекции. Правда, в заключении отмечалось, что Бой — молодая и крепкая собака, и ее общее состояние — удовлетворительное.

Для посвященных все это звучало малоутешительно.

Члены спецгруппы тоже не могли похвастаться своим самочувствием. Рённ сидел с пластырем на лбу; его красный от природы нос подчеркивал живописность двух отменных синяков.

Гюнвальду Ларссону, по чести говоря, было место не на службе, а дома — вряд ли можно считать трудоспособным человека, у которого правая рука и правое колено туго перевязаны бинтами. К тому же изрядная шишка украшала его голову.

Колльберг выглядел лучше, но у него голова раскалывалась от боли, которую он приписывал загрязненной атмосфере на поле боя. Специальное лечение — коньяк, аспирин и супружеская ласка (любящая жена постаралась) — помогло только отчасти.

Поскольку противник в битве не участвовал, его потери были минимальными. Правда, в квартире обнаружили и конфисковали кое-какое имущество, но даже Бульдозер Ульссон не решился бы всерьез утверждать, что утрата рулона туалетной бумаги, картона с ветошью, двух банок брусничного варенья и горы использованного белья может сколько-нибудь огорчить Мальмстрёма и Мурена или затруднить их дальнейшие действия.

Без двух минут девять в кабинет ворвался и сам Бульдозер Ульссон. Он уже успел с утра пораньше посетить два важных совещания — в ЦПУ и в отделе по борьбе с мошенничеством и был, что называется, полон боевого задора.

— Доброе утро, привет, — благодушно поздоровался он. — Ну, как самочувствие, ребята?

Ребята сегодня, как никогда, ощущали свои уже немолодые годы, и он не дождался ответа.

— Что ж, вчера Рус сделал ловкий контрход, но не будем из-за этого вешать нос. Скажем так, мы проиграли пешку-другую и потеряли темп.

— По-моему, это скорее похоже на детский мат, — возразил любитель шахмат Колльберг.

— Но теперь наш ход, — продолжал Бульдозер. — Тащите сюда Мауритсона, мы его прощупаем! Он кое-что держит про запас. И он трусит, уважаемые господа, еще как трусит! Знает, что теперь Мальмстрём и Мурен не дадут ему спуску. Освободить его сейчас — значит оказать ему медвежью услугу. И он это понимает.

Рённ, Колльберг и Гюнвальд Ларссон смотрели воспаленными глазами на своего вождя. Перспектива снова что-то затевать по указке Мауритсона им нисколько не улыбалась.

Бульдозер критически оглядел их; его глаза тоже были воспалены, веки опухли.

— Знаете, ребята, о чем я подумал сегодня ночью? Не лучше ли впредь для таких операций, вроде вчерашней, использовать более свежие и молодые силы? Как по-вашему? — Помолчав, он добавил: — А то ведь как-то нехорошо получается, когда пожилые, солидные люди, ответственные работники бегают, палят из пистолетов, куролесят…

Гюнвальд Ларссон глубоко вздохнул и поник, словно ему вонзили нож в спину.

«А что, — подумал Колльберг, — все правильно». — Но тут же возмутился: — «Как он сказал? Пожилые?.. Солидные?..»

Рённ что-то пробормотал.

— Что ты говоришь, Эйнар? — ласково спросил Бульдозер.

— Да нет, я только хотел сказать, что не мы стреляли.

— Возможно, — согласился Бульдозер. — Возможно. Ну все, хватит киснуть. Маурицсона сюда!

Маурицсон провел ночь в камере, правда, с бóльшим комфортом, чем рядовые арестанты. Ему выделили персональную парашу, он даже одеяло получил, и надзиратель предложил ему стакан воды.

Все это его вполне устраивало, и спал он, по словам того же надзирателя, спокойно. Хотя, когда ему накануне сообщили, что Мальмстрём и Мурен не присутствовали при их задержании, он был заметно удивлен и озабочен.

Криминалистическое исследование квартиры показало, что птички улетели совсем недавно. Это подтверждали, в частности, обнаруженные в большом количестве отпечатки пальцев; причем на одной из банок остались следы большого и указательного пальцев правой руки Маурицсона.

— Вам не нужно объяснять, что из этого следует, — выразительно произнес Бульдозер.

— Что Маурицсон уличен банкой с брусничным вареньем, — отозвался Гюнвальд Ларссон.

— Вот-вот, совершенно верно, — радостно подхватил Бульдозер. — Он уличен! Никакой суд не подкопается. Но я, собственно, не об этом думал.

— О чем же ты думал?

— О том, что Маурицсон явно говорил правду. И вероятно, он нам еще кое-что выложит.

— Ну да, о Мальмстрёме и Мурене.

— То есть как раз то, что нас сейчас больше всего интересует. Разве не так?

И вот Маурицсон снова сидит в окружении детективов. Сидит тихий, скромный человечек с располагающей внешностью.

— Вот так, дорогой господин Маурицсон, — ласково произнес Бульдозер. — Не сбылось то, что мы с вами задумали.

Маурицсон покачал головой.

— Странно, — сказал он. — Я ничего не понимаю. Может быть, у них чутье, шестое чувство?

— Шестое чувство… — задумчиво произнес Бульдозер. — Иной раз и впрямь начинаешь верить в шестое чувство. Если только Рус…

— Какой еще Рус?

— Нет-нет, господин Маурицсон, ничего. Это я так, про себя. Меня беспокоит другое. Ведь у нас с вами дебет-кредит не сходится! Как-никак, я оказал господину Маурицсону немалую услугу. А он, выходит, все еще в долгу передо мной.

Маурицсон задумался.

— Другими словами, господин прокурор, я еще не свободен? — спросил он наконец.

— Как вам сказать. И да, и нет. Что ни говори, махинация с наркотиками — серьезное преступление. Дойди дело до суда, можно получить… — Он посчитал по пальцам. — Да, пожалуй, восемь месяцев. И уж никак не меньше шести.

Маурицсон смотрел на него совершенно спокойно.

— Но, — голос Бульдозера потеплел, — с другой стороны, я посулил на сей раз господину Маурицсону отпущение грехов. Если получу что-то взамен.

Он выпрямился, хлопком соединил ладони перед лицом и жестко сказал:

— Другими словами: если ты сию минуту не выложишь все, что тебе известно о Мальмстрёме и Мурене, мы арестуем тебя как соучастника. В квартире найдены твои отпечатки пальцев. А потом передадим тебя опять Якобссону. Да еще позаботимся о том, чтобы тебя хорошенько вздули.

Гюнвальд Ларссон одобрительно посмотрел на начальника спецгруппы и произнес:

— Лично я с удовольствием…

Мауритсон и бровью не повел.

— Ладно, — сказал он. — Есть у меня кое-что… вы накроете и Мальмстрёма, и Мурена, и не только их.

Бульдозер Ульссон расплылся в улыбке.

— Это уже интересно, господин Мауритсон. И что же вы хотите нам предложить?

Мауритсон покосился на Гюнвальда Ларссона и продолжал:

— Элементарное дело, котенок справится.

— Котенок?

— Да, и вы уж не валите из меня, если опять дадите маху.

— Ну что вы, дорогой Мауритсон, зачем же там грубо. Вы не меньше нашего заинтересованы в том, чтобы их накрыли. Так что у вас там припасено?

— План их следующей операции, — бесстрастно произнес Мауритсон. — Время, место и все такое прочее.

Глаза прокурора Ульссона чуть не выскочили из орбит. Он трижды обежал вокруг кресла Мауритсона, крича, словно одержимый:

— Говорите, господин Мауритсон! Все говорите! Считайте, что вы уже свободны! Если хотите, обеспечим вам охрану. Только рассказывайте, дорогой Мауритсон, все рассказывайте!

Его порыв заразил и остальных, члены спецгруппы нетерпеливо окружили доносчика.

— Ладно, — решительно начал Мауритсон, — слушайте. Я взялся немного помочь Мальмстрёму и Мурену — ходил для них в магазин и все такое прочее. Сами они предпочитали не выходить на улицу. Ну вот, и в том числе я каждый день должен был справляться в табачной лавке в Биркастан насчет почты для Мурена.

— Чья лавка? — живо спросил Колльберг.

— Пожалуйста, я скажу, да только вам это ничего не даст, я уже сам проверял. Лавка принадлежит одной старухе, а письма приносили пенсионеры, каждый раз другие.

— Дальше! — поторопил его Бульдозер. — Письма? Какие письма? Сколько их было?

— За все время было только три письма, — ответил Мауритсон.

— И вы передали их?

— Да, но сперва я их вскрывал.

— Мурен ничего не заметил?

— Нет. Я умею вскрывать письма, такой способ знаю, что никто не заметит. Химия.

— Ну и что же было в этих письмах?

Бульдозеру не стоялось на месте, он перебирал ногами и приплясывал, будто раскормленный петух на противне.

— В первых двух ничего интересного не было, речь шла о каких-то X и Y, которые должны были приехать в пункт Z, и так далее. Совсем коротких записки, и все кодом. Просмотрю, заклею опять и несу Мурену.

— А в третьем что?

— Третье пришло позавчера. Очень интересное письмо. План очередного ограбления, во всех подробностях.

— И эту бумагу вы передали Мурену?

— Не бумагу, а бумаги. Там было три листка. Да, я отнес их Мурену. Но сперва сделал фотокопии и спрятал в надежном месте.

— Дорогой господин Мауритсон. — У Бульдозера даже дыхание перехватило. — Что это за место? Сколько времени нужно вам, чтобы забрать копии?

— Сами забирайте, меня что-то не тянет.

— Когда?

— Как только я скажу, где они.

— Так где же они?

— Спокойно, не жмите на педали, — сказал Мауритсон. — Товар натуральный, никакого подвоха. Но сперва я должен кое-что получить от вас.

— Что именно?

— Во-первых, бумагу за подписью Якобссона, она лежит у вас в кармане. Та самая, в которой сказано, что подозрение в махинациях с наркотиками с меня снято, предварительное следствие прекращено за отсутствием доказательств и так далее.

— Вот она. — Бульдозер полез во внутренний карман.

— И еще одну бумагу, с вашей подписью, это уже насчет моего соучастия в делах Мальмстрёма и Мурена. Дескать, дело выяснено, я ни в чем преступном не замешан и так далее.

Бульдозер Ульссон ринулся к пишущей машинке.

Меньше чем за две минуты бумага была готова. Мауритсон получил оба документа, внимательно прочитал их и сказал:

— Порядок. Конверт с фотокопиями находится в «Шератоне».

— В отеле?

— Ага. Я переправил его туда, получите у портье, до востребования.

— На чье имя?

— На имя графа Филипа фон Бранденбурга, — скромно ответил Мауритсон.

Члены спецгруппы удивленно посмотрели на него.

Наконец Бульдозер опомнился:

— Замечательно, дорогой господин Мауритсон, замечательно. Может быть, вы пока посидите в другой комнате, совсем недолго, выпьете чашечку кофе со сдобой?

— Лучше чаю, — сказал Мауритсон.

— Чаю… — рассеянно произнес Бульдозер. — Эйнар, позаботься о том, чтобы господину Мауритсону принесли чаю со сдобой… и чтобы кто-нибудь составил ему компанию.

Рённ проводил Мауритсона и тут же вернулся.

— Что дальше делаем? — спросил Колльберг.

— Забираем письма, — ответил Бульдозер. — Сейчас же. Проще всего будет, если кто-нибудь из вас отправится туда, назовется графом фон Бранденбургом и востребует свою почту. Хотя бы ты, Гюнвальд.

Гюнвальд Ларссон холодно уставился на него своими ярко-голубыми глазами.

— Я? Ни за что на свете. Лучше сразу подам заявление об уходе.

— Тогда придется тебе это сделать, Эйнар. Если сказать все как есть, еще заартачатся, дескать, то, сё, не имеем права выдавать почту графа. И мы потеряем драгоценное время.

— Так, — сказал Рённ. — Филип фон Бранденбург, граф, вот у меня тут визитная карточка, Мауритсон дал. Они у него в бумажнике лежат, в потайном отделении. Благородство-то какое!

Он показал им: мелкие буквы пепельного цвета, серебряная монограмма в уголке…

— Ладно, двигай! — нетерпеливо распорядится Бульдозер. — Живей!

Рённ вышел.

— Подумать только, — сказал Колльберг. — Если я зайду в лавку, где уже десять лет покупаю продукты, и попрошу пол-литра молока в долг, мне шиш покажут. А этакий Мауритсон удостоит визитом самый роскошный ювелирный магазин в городе, назовется герцогом Малабарским, и ему тут же выдадут два ящика брильянтовых колец и десять жемчужных ожерелий для ознакомления.

— Что поделаешь, — отозвался Гюнвальд Ларссон. — Классовое общество…

Бульдозер Ульссон кивнул с отсутствующим видом. Вопросы общественного устройства его не интересовали.

Портье посмотрел на письмо, потом на визитную карточку и наконец на Рённа.

— А вы точно граф фон Бранденбург? — подозрительно осведомился он.

— Угу, — промямлил Рённ, — собственно, я его посыльный.

— А-а, — протянул портье. — Понятно. Пожалуйста, возьмите. И передайте господину графу, что мы всегда к его услугам.

Человек, не знающий Бульдозера Ульссона, мог бы подумать, что он серьезно заболел. Или по меньшей мере обезумел.

Вот уже целый час Бульдозер пребывал в состоянии высшего блаженства, и выражалась эта эйфория не столько в словах, сколько в действии, точнее даже, в пластике. Он и трех секунд не стоял на месте, он буквально парил над полом, как будто мятый голубой костюм служил оболочкой не для прокурора, а для небольшого дирижабля, наполненного гелием.

Долго смотреть на это ликование было тягостно, зато три листка из графского конверта оказались такими захватывающими, что Колльберг, Рённ и Гюнвальд Ларссон и час спустя не могли от них оторваться.

Никакого сомнения, на столе спецгруппы и впрямь лежали копии всесторонне разработанного плана очередного налета, задуманного Мальмстрёмом и Муреном.

И надо признать, замысел был грандиозный.

Речь шла о той самой большой операции, которую ждали уже несколько недель, но о которой до сего дня, по существу, ничего не знали. И вот теперь вдруг стало известно почти все!

Операция была назначена на пятницу, время — 14.45. По всей вероятности, подразумевалось либо седьмое число (а это уже завтра), либо четырнадцатое (через неделю).

Многое говорило в пользу второго варианта. В таком случае у спецгруппы с избытком хватит времени для основательной подготовки. Но даже если Мальмстрём и Мурен нанесут удар безотлагательно, в этих трех листках было достаточно данных, чтобы без труда схватить злоумышленников на месте преступления и поломать столь тщательно разработанный план.

На одном листке — подробный чертеж банковского зала, с детальными указаниями, как будет происходить налет, как размещаются участники и автомашины, какими маршрутами уходить, покидая город.

Бульдозер Ульссон знал все о стокгольмских банках, ему достаточно было одного взгляда на схему, чтобы опознать зал. Это был один из крупнейших новых банков в деловой части города.

План был настолько прост и гениален, что имя автора не вызывало сомнения: Вернер Рус. Во всяком случае, Бульдозер был твердо в этом убежден.

Вся операция распадалась на три независимых звена.

Звено первое — отвлекающий маневр.

Звено второе — превентивная акция, направленная против главного противника, то есть против полиции.

Звено третье — само ограбление.

Чтобы осуществить такой план, Мальмстрёму и Мурену требовалось по меньшей мере четыре активных помощника.

Двое из них даже были названы: Хаузер и Хофф. Судя по всему, им отводилась роль наружной охраны во время налета.

Двое других (не исключено, что их больше) отвечали за отвлекающий маневр и превентивную акцию. В плане они именовались «подрядчиками».

Время отвлекающего маневра — 14.40, место — Русенлюндсгатан, стало быть, в районе Сёдермальм. Необходимые атрибуты — минимум две автомашины и мощный заряд взрывчатки.

Судя по всему, смысл этой шумной диверсии заключался в том, чтобы привлечь возможно больше патрульных машин, циркулирующих в центре города и южных предместьях. Как именно она будет проведена, из плана не вытекало, но, скорее всего, предполагался сильный взрыв в каком-нибудь здании или возле бензоколонки.

За отвлекающий маневр отвечал «подрядчик А».

Минутой позже — верный тактический ход! — начинается превентивная акция. Эта часть плана, столь же дерзкая, сколь и остроумная, предусматривала блокировку выезда машин, постоянно находящихся в оперативном резерве при полицейском управлении. Конечно, это непросто сделать, но если бы злоумышленникам удалось застигнуть противника врасплох, полиция попала бы в незавидное положение.

Этой частью операции руководил «подрядчик Б».

В случае успеха обеих предварительных акций в 14.45 бóльшая часть мобильных полицейских патрулей оказалась бы связанной происшествием на Русенлюндсгатан, а оперативные резервы — запертыми в полицейском управлении на Кунгсхольмене.

Что позволило бы Мальмстрёму и Мурену при участии таинственных незнакомцев Хоффа и Хаузера в эту самую минуту нанести удар по банку, не опасаясь помех со стороны полиции.

Так выглядел план знаменитой большой операции, которую давно предвидел прокурор Ульссон.

Для отступления налетчики располагали двумя машинами, да еще четыре были на подставе, по одной на каждого. Отход намечалось осуществить в северном направлении — естественный вариант, поскольку предполагалось, что почти все полицейские патрули в это время будут заняты в южной части города, а оперативные резервы застрянут на Кунгсхольмене.

Автор плана не забыл даже указать предполагаемые размеры добычи: что-то около двух с половиной миллионов шведских крон.

Именно эта цифра заставила спецгруппу склониться к выводу, что операция намечена не на седьмое, а на четырнадцатое июля. Ибо из телефонного разговора с банком выяснилось, что как раз в этот день там вполне можно будет набрать такую сумму в разной валюте. Если же банда нанесет удар завтра, добыча будет гораздо меньше.

Большинство пунктов плана было изложено открытым текстом, а закодированные легко расшифровывались.

— «У Жана длинные усы», — прочел Колльберг. — Известная фраза. Во время второй мировой войны такой сигнал союзники передали французским партизанам перед высадкой.

Заметив вопросительный взгляд Рённа, он пояснил:

— Расшифровывается очень просто: начинаем, ребята.

— И в конце тоже все понятно, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Abandon ship.[8] Правда, по-английски написано, вот Мауритсон и не постиг. Приказ немедленно уносить ноги. Оттого и была квартира пуста. Видно, Рус не доверял Мауритсону и велел им сменить укрытие.

— И еще одно слово под конец: «Милан», — заметил Колльберг. — Это как понимать?

— Сбор для дележа в Милане, — уверенно объявил Бульдозер. — Да только они дальше банка никуда не денутся. Если мы их вообще туда пустим. Считайте, что партия уже выиграна.

— Это точно, — подтвердил Колльберг. — Похоже на то.

Теперь, когда они знали план, нетрудно было принять контрмеры. Что бы ни произошло на Русенлюндсгатан — не обращать особенного внимания. А что касается полицейских машин на Кунгсхольмене, позаботиться о том, чтобы к моменту превентивной акции они не стояли во дворе управления, а были целесообразно размещены в районе банка.

— Так, — рассуждал Бульдозер, — план составлен Вернером Русом, это несомненно. Но как это доказать?

— А пишущая машинка? — высказался Рённ.

— Привязать текст к электрической машинке почти невозможно. Да он к тому же всегда начеку. На чем бы его подловить?

— Ты прокурор — твоя забота, — сказал Колльберг. — У нас ведь главное — предъявить обвинение, а там, будь человек сто раз невиновен, все равно осудят.

— Но Вернер Рус как раз виновен, — возразил Бульдозер.

— А что с Мауритсоном будем делать? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— Отпустим, что же еще, — рассеянно ответил Бульдозер. — Он свою роль сыграл, с него больше нечего спросить.

— Так уж и нечего, — усомнился Гюнвальд Ларссон.

— Следующая пятница, — мечтательно произнес Бульдозер. — Подумать только, что нас ждет.

— Вот именно, только подумать, — кисло повторил Колльберг.

Зазвонил телефон: ограбление банка в Зеллингбю.

Оказалось, ничего интересного. Игрушечный пистолет, вся добыча — пятнадцать тысяч. Злоумышленника схватили через час, когда он, еле держась на ногах, раздавал деньги прохожим в парке Хумлегорден. За этот час он успел напиться пьяным и купить сигару, да еще в довершение всего получил пулю в ногу от одного не в меру усердного постового.

С этим делом спецгруппа разобралась, не покидая штаба.

— Тебе не кажется, что и тут замешан Вернер Рус? — ехидно спросил Гюнвальд Ларссон.

— А что, — оживился Бульдозер. — В этом что-то есть. Косвенным образом он виноват. Его ловкие операции раззадоривают и менее талантливых преступников. Так что можно сказать…

— Ради Бога, — перебил его Гюнвальд Ларссон. — Остановись.

Рённ направился в свой кабинет.

За его столом сидел человек, которого он очень давно не видел. Мартин Бек.

— Привет, — поздоровался гость. — Ты что, в драке побывал?

— Угу. Косвенным образом.

— Это как же понимать?

— Сам не знаю, — туманно ответил Рённ. — Я теперь уже ничего не понимаю. А ты зачем пришел?

XX

Окно кабинета Эйнара Рённа в штабе уголовной полиции на Кунгсхольмсгатан выходило во двор, открывая хозяину вид на огромный котлован. Постепенно из этой ямины вырастет, заслоняя вид, новое роскошное здание ЦПУ. От ультрасовременного колосса в сердце Стокгольма полиция протянет свои щупальца во все стороны и крепко стиснет ими незадачливых граждан. Ведь не все же могут уехать за границу, и не каждый способен покончить с собой.

Выбор места и гипертрофированные размеры нового полицейского штаба вызвали горячую критику, но в конце концов полиция настояла на своем.

Заветной целью полиции, вернее некоторых ее руководящих деятелей, была власть. Именно стремление к власти прежде всего определяло действия полиции в последние годы. А поскольку полиция до сих пор никогда не выступала в шведской политике как самостоятельная сила, лишь немногие осознали, чем это пахнет, большинству же ее непрекращающаяся активность казалась непонятной и противоречивой.

Новое здание должно служить олицетворением новой силы и власти. Облегчить централизованное управление в тоталитарном духе, а заодно стать крепостью, закрытой для посторонних глаз твердыней. Роль посторонних отводилась в этом случае всему народу.

И еще один важный мотив: над шведской полицией в последнее время много смеялись. Слишком много. Теперь смеху будет положен конец, полагали в соответствующих кругах.

Впрочем, все это пока не выходило за пределы сокровенных чаяний, лелеемых кучкой людей. И то, что при благоприятных политических зигзагах могло трансформироваться в министерство ужаса и кошмара, пока что было всего лишь огромной яминой в каменистой почве острова Кунгсхольмен.

И по-прежнему из окна Рённа можно было свободно обозреть верхнюю часть Бергсгатан и пышную зелень Крунубергского парка.

Мартин Бек встал с кресла и подошел к окну. Ему было видно даже окно той самой квартиры, где Карл Эдвин Свярд месяца два пролежал мертвый и всеми забытый.

— Прежде чем стать специалистом по ограблениям банков, ты расследовал один смертный случай. Фамилия покойного — Свярд.

Рённ смущенно хихикнул.

— Специалистом… Не сглазь!

Рённ был человек как человек, но в характере — ничего общего с Мартином Беком, поэтому сотрудничество у них никогда не ладилось.

— Но насчет Свярда ты прав, — продолжал он. — Я как раз занимался этим делом, когда меня отрядили в распоряжение специальной группы.

— Отрядили в распоряжение?

— Ну да, направили в спецгруппу.

Мартин Бек поморщился. Сам того не замечая, Рённ сбивается на военный жаргон… Два года назад в его речи не было словечек вроде «отрядили в распоряжение».

— Так, и к какому же выводу ты пришел?

Рённ помял свой красный нос и пробурчал:

— Я не успел копнуть как следует. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что это дело, как известно, поручили мне. Своего рода трудовая терапия.

— Угу… Дурацкое дело. Прямо как начало детективного романа. Убитый старик в комнате, которая заперта изнутри. А тут еще…

Он умолк, словно чего-то устыдился. Еще одна несносная привычка, его поминутно надо подстегивать. Скажем, так:

— Ну, что еще?

— Да нет, просто Гюнвальд сказал, что мне следовало бы тотчас арестовать самого себя.

— Это почему же?

— В качестве подозреваемого. Да ты погляди — видишь? Дескать, я мог сам застрелить его отсюда, из окна моего кабинета.

Мартин Бек не ответил, и Рённ окончательно смешался.

— Да нет, это он пошутил, конечно. И ведь окно Свярда было закрыто изнутри. И штора опущена, и стекло целое. К тому же…

— Что к тому же?

— К тому же я никудышный стрелок. Один раз с восьми метров промахнулся по лосю. После этого отец не давал мне ружья. Только термос доверял, водку да бутерброды. Так что…

— Что?

— Да ведь тут двести пятьдесят метров. Если я с восьми метров из ружья по лосю промазал, так из пистолета вообще в тот дом не попаду! Ох, ты извини меня, ради Бога… Я просто не подумал…

— Что не подумал?

— Да нет, я все время говорю про пистолеты, про стрельбу, а ведь тебе это должно быть неприятно.

— Ничуть. Ну и что же ты все-таки успел сделать?

— Да почти ничего, как я сказал. Провели криминалистическое исследование, но к тому времени там уже столько натоптали… Еще я позвонил в химическую лабораторию, спросил, проверяли руки Свярда на следы пороха или нет. Оказалось, не проверяли. И в довершение всего…

— Ну, что?

— Да то, что трупа уже не было. Кремировали. Хорошенькая история. Дознание, называется.

— А биографией Свярда ты занимался?

— Да нет, не успел. Но я задумал было одно дело.

— Какое же?

— Сам понимаешь, если человек убит из пистолета, должна быть пуля. А баллистической экспертизы не провели. Ну я и позвонил патологоанатому — между прочим, оказалась женщина, — и она сказала, что положила пулю в конверт, а конверт этот куда-то засунула. Словом, халатность на каждом шагу.

— А дальше?

— А дальше она никак не могла найти его, конверт этот. Я ей велел, чтобы непременно разыскала и отправила пулю на баллистическую экспертизу. На а потом дело у меня забрали.

Глядя на дома вдали на Бергсгатан, Мартин Бек задумчиво потер переносицу большим и указательным пальцами.

— Послушай, Эйнар, — сказал он. — А что ты лично думаешь об этом случае? Твое частное мнение?

В полиции личное и частное мнение о следственных делах обсуждается только между близкими друзьями.

Мартин Бек и Рённ никогда не были ни друзьями, ни недругами.

Рённ примолк, неприятно озадаченный вопросом Мартина Бека. Наконец он заговорил:

— По-моему, в квартире был револьвер, когда туда вломились полицейские.

Почему именно револьвер? Очень просто: гильзу не нашли. Стало быть, Рённ все же кое-что соображает. В самом деле, на полу — скажем, под трупом — лежал револьвер. Потом кто-то его забрал.

— Но ведь тогда выходит, кто-то из полицейских врет?

Рённ уныло мотнул головой.

— Угу… То есть я сказал бы по-другому: просто они дали маху, а потом решили покрывать друг друга. Допустим, Свярд покончил с собой и револьвер лежал под трупом. Тогда ни полицейские, ни Гюставссон, которого они вызвали, не могли видеть его, пока тело оставалось на месте. А когда труп увезли, у них, вернее всего, опять же руки не дошли пол проверить.

— Ты знаешь Альдора Гюставссона?

— Знаю.

Рённ поежился, но Мартин Бек воздержался от неприятных вопросов. Вместо этого он сказал:

— Еще одно важное дело, Эйнар.

— Какое?

— Ты разговаривал с Кристианссоном и Квастму? Когда я вышел на работу в понедельник, только один из них был на месте, а теперь ни одного застать не могу — первый в отпуску, у второго выходной.

— Ну как же, я обоих вызывал сюда.

— И что они показали?

— То же самое, что написали в донесении, ясное дело. Что с той минуты, когда они взломали дверь, и пока не ушли, в квартире побывало только пятеро.

— То есть они сами, Гюставссон и двое, которые увезли тело?

— Точно так.

— Ты, конечно, спросил, смотрели ли они под трупом?

— Угу. Квастму сказал, что смотрел. А Кристианссона вывернуло наизнанку, и он предпочел держаться подальше.

Мартин Бек продолжал нажимать.

— И по-твоему, Квастму соврал?

Рённ почему-то замялся.

«Сказал ведь „а“, — подумал Мартин Бек, — так не тяни, говори „б“!»

Рённ потрогал пластырь на лбу.

— Недаром мне говорили, что не дай Бог попасть к тебе на допрос.

— А что?

— Да ничего, только похоже, что верно говорили.

— Извини, но, может быть, ты все-таки ответишь на мой вопрос?

— Я не специалист по свидетельской психологии, — сказал Рённ. — Но мне показалось, что Квастму говорил правду.

— У тебя концы с концами не сходятся, — холодно заметил Мартин Бек. — С одной стороны, ты допускаешь, что в комнате был револьвер, с другой стороны, считаешь, что полицейские говорили правду.

— А если другого объяснения нет, тогда что?

— Ладно, Эйнар, я ведь тоже верю Квастму.

— Но ты же с ним не разговаривал, сам сказал, — удивился Рённ.

— Ничего подобного я не говорил. Я беседовал с Квастму во вторник. Но у меня — в отличие от тебя — не было случая расспросить его по-человечески, в спокойной обстановке.

Рённ надулся.

— Нет, с тобой и вправду тяжело.

Он выдвинул ящик стола и достал блокнот. Полистал его, вырвал листок и протянул Мартину Беку.

— Вот еще данные — может, тебе пригодится, — сказал он. — Ведь Свярд совсем недавно переехал сюда, на Кунгсхольмен. Я выяснил, где он жил прежде. Но тут дело ушло от меня, на том все и кончилось. Держи адрес, прошу.

Мартин Бек поглядел на листок. Фамилия, номер дома, название улицы — Тюлегатан. Он сложил листок и сунул его в карман.

— Спасибо, Эйнар.

Рённ промолчал.

— Пока.

Рённ едва кивнул.

Их отношения никогда не отличались сердечностью, а сегодня, похоже, между ними пробежала еще одна черная кошка.

Мартин Бек покинул кабинет Рённа и вышел из здания уголовного розыска. Быстро шагая по Кунгсхольмсгатан, он дошел до Королевского моста, пересек пролив, по Кунгсгатан вышел на Свеавеген и повернул на север.

Улучшить отношения с Рённом было бы совсем нетрудно: сказать ему доброе слово, похвалить.

Тем более что основания для этого были. С самого начала расследование смерти Свярда велось кое-как, и лишь после того, как дело поручили Рённу, установился надлежащий порядок.

Рённ тотчас уразумел, что под трупом мог лежать револьвер — обстоятельство крайне существенное. Точно ли Квастму осмотрел пол после того, как увезли тело? Строго говоря, если он этого не сделал, какой с него спрос? Рядовой полицейский, а тут появляется Гюставссон, он старше чином, он криминалист, так что его категорические выводы в большой мере снимали ответственность с полицейских.

А если Квастму не осмотрел пол, это в корне меняет всю картину. После того как тело увезли, полицейские опечатали квартиру и уехали. Но что означало в данном случае «опечатать квартиру»?

Ведь для того, чтобы проникнуть внутрь, пришлось снять дверь с петель, причем еще до этого над ней крепко поработали. В итоге опечатывание свелось к тому, что полицейские протянули веревочку от косяка до косяка и повесили стандартную бумажку, возвещающую, что вход воспрещен согласно такому-то параграфу. Пустая формальность, при желании кто угодно в любой день мог без труда проникнуть внутрь. И унести что-нибудь, например, огнестрельное оружие.

Но тут возникают два вопроса. Во-первых, получается, что Квастму намеренно солгал, и притом так искусно, что убедил не только Рённа, но и самого Мартина Бека. А ведь Рённ и Мартин Бек стреляные воробьи, им не так-то просто заморочить голову.

Во-вторых, если Свярд застрелился сам, зачем кому-то понадобилось выкрадывать оружие?

Явный абсурд.

Как и то, что покойник лежал в комнате, которая была надежно заперта изнутри и в которой к тому же явно не было никакого оружия.

Судя по всему, у Свярда не было близких родственников. Известно также, что он ни с кем не водил компании.

Но если его никто не знал, кому тогда на руку его смерть?

В общем, надо выяснить целый ряд вопросов.

В частности, Мартин Бек решил проверить еще одну деталь, связанную с событиями, которые происходили в воскресенье, 18 июня.

Но прежде всего необходимо побольше узнать о Карле Эдвине Свярде.

На листке, полученном от Рённа, помимо адреса, была записана фамилия.

«Квартиросдатчик: Рея Нильсен».

Кстати, вот и нужный ему дом. Взглянув на доску с перечнем жильцов, он убедился, что хозяйка дома сама проживает тут же. Необычно… Что ж, может, хоть здесь повезет?

Мартин Бек поднялся на третий этаж и позвонил.

XXI

Серый фургон, никаких особых примет, если не считать номерных знаков… Люди, работающие на этом фургоне, были одеты в комбинезоны примерно такого же цвета, как машина, и ничто в их внешности не выдавало их занятия. То ли слесари-ремонтники, то ли работники одной из муниципальных служб. В данном случае справедливо было второе.

Скоро шесть вечера, и, если в ближайшие четверть часа не случится ничего чрезвычайного, они после конца рабочего дня отправятся по домам — часок посвятят детишкам, после чего предадутся созерцанию полной мнимой значительности, а на деле — пустой телевизионной программы.

Мартин Бек не застал хозяйку дома на Тюлегатан, зато тут ему повезло больше. Два труженика в серых комбинезонах сидели подле своего «фольксвагена» и тянули пиво, не обращая внимания на едкий запах дезинфекции и на еще один аромат, которого никакая химия на свете не может истребить.

Задние дверцы машины были, естественно, открыты, поскольку кузов старались проветривать при каждом удобном случае.

В этом прекрасном городе двое в комбинезонах исполняли специфическую и весьма важную функцию. Их повседневная работа заключалась в том, чтобы переправлять самоубийц и иных малопочтенных покойников из домашней обстановки в другую, более подходящую.

Кое-кто — например, пожарники, полицейские, некоторые репортеры и другие посвященные лица — тотчас узнавал эту серую машину на улице и понимал, что знаменует

ее появление. Но для подавляющего большинства это был обыкновенный, заурядный фургон. Что и требовалось — зачем сеять уныние и страх среди людей, которые и без того достаточно запуганы и подавлены.

Подобно многим другим, кому приходится исполнять не самые приятные обязанности, водитель фургона и его напарник относились к своей работе с философским спокойствием и нисколько не драматизировали свою роль в механизме так называемого процветающего общества. О делах службы толковали преимущественно между собой, ибо давно убедились, что большинство слушателей воспринимает эту тему весьма и весьма негативно, особенно когда соберутся веселые собутыльники или подруги жизни пригласят одна другую на чашку кофе.

С сотрудниками полиции они общались каждый день, однако все больше с рядовыми.

Так что внимание комиссара полиции, который к тому же удосужился сам прийти, было для них даже отчасти лестным.

Тот, который побойчее, вытер губы рукой и сказал:

— Ну как же, помню. Бергсгатан — точно?

— Совершенно верно.

— Вот только фамилия мне ничего не говорит. Как вы сказали — Скат?

— Свярд.

— Мимо. Нам ведь фамилии ни к чему.

— Понятно.

— К тому же это было в воскресенье, а по воскресеньям нам особенно жарко приходится.

— Ну а полицейского, которого я назвал, не помните? Кеннет Квастму?

— Мимо. Фамилии для меня звук пустой. А вообще-то фараон там стоял, все наблюдал за нами.

— Это когда вы тело забирали?

— Во-во, когда забирали, — кивнул собеседник Мартина Бека. — Мы еще решили, что этот, видно, матерый.

— В каком смысле?

— Так ведь фараоны бывают двух родов. Одних тошнит, другим хоть бы хны. Этот даже нос не зажал.

— Значит, он стоял там все время?

— Ну да, я же говорю. Небось следил, насколько добросовестно мы исполняем свои обязанности…

Его товарищ усмехнулся и хлебнул пива.

— Еще один вопрос, последний.

— Валяйте.

— Когда вы поднимали тело, ничего не заметили? Под ним ничего не лежало?

— А что там могло лежать?

— Пистолет, скажем. Или револьвер.

— Пистолет или револьвер. — Водитель засмеялся. — Кстати, в чем разница?

— У револьвера вращающийся барабан.

— А, это такой шпалер, как у ковбоев в кино?

— Совершенно верно. Но дело не в этом, мне важно знать вообще, не было ли на полу под покойником какого-нибудь оружия.

— Видите ли, комиссар, этот клиент был не первой свежести.

— Не первой свежести?

— Ну да, он месяца два пролежал.

Мартин Бек кивнул.

— Мы перенесли его на полиэтилен, и, пока я запаивал края, Арне собрал с пола червей. У нас для них есть особый пакет с какой-то дрянью, от которой им сразу каюк.

— Ну?

— Ну так если бы Арне вместе с червями попался шпалер, уж наверно он бы заметил! Верно, Арне?

Арне кивнул и захихикал, но подавился пивом и закашлялся.

— Как пить дать, заметил бы, — вымолвил он наконец.

— Значит, ничего не лежало?

— Ничегошеньки. И ведь полицейский тут же стоял, глаз не сводил. Кстати, он еще оставался там, когда мы уложили клиента в цинковый ящик и отчалили. Точно, Арне?

— Как в аптеке.

— Вы абсолютно уверены?

— Сто пятьдесят процентов. Под этим клиентом ничего не лежало, кроме отборной коллекции циномия мортуорум.

— Это еще что такое?

— Трупные черви.

— Значит, уверены?

— Чтоб мне провалиться.

— Спасибо, — сказал Мартин Бек.

И ушел.

После его ухода разговор еще некоторое время продолжался.

— Здорово ты его умыл, — сказал Арне.

— Чем?

— Да этим греческим названием. А то ведь эти шишки думают, что все остальные только на то и годятся, что тухлых жмуриков возить.

Зазвонил телефон. Арне взял трубку, буркнул что-то и положил ее на место.

— Черт, — сказал он. — Опять висельник.

— Что поделаешь, — скорбно вздохнул его коллега. — Се ля ви.

— Не люблю, висельников, честное слово. Что ты там еще загнул?

— Да ничего, поехали.

Похоже было, что Мартин Бек проработал все наличные факты, касающиеся странного казуса на Бергсгатан. Во всяком случае, он достаточно четко представлял себе, что сделано полицией. Оставалось еще одно важное дело: разыскать заключение баллистической экспертизы, если таковая вообще производилась.

О самом Свярде он по-прежнему знал очень мало, хотя и принял меры, чтобы собрать сведения.

Бурные события среды совершенно не коснулись Мартина Бека. Он ничего не слышал о банковских ограблениях и о невзгодах спецгруппы — и ничуть об этом не жалел. Побывав во вторник в квартире Свярда, он сперва отправился в уголовную полицию на Кукгсхольмсгатан.

Там все были поглощены своими собственными заботами, всем было не до него, тогда он прошел в здание ЦПУ. И сразу услышал в кулуарах толки, которые в первую минуту показались ему смехотворными. Но, поразмыслив, он расстроился.

Кажется, его намерены повысить.

Повысить?

И куда же его назначат? Начальником управления? Членом коллегии? Заместителем начальника ЦПУ по вопросам быта и гигиены?

Ладно, это все неважно. Небось обычная, ни на чем не основанная коридорная болтовня.

Звание комиссара полиции ему присвоили не так давно, в 1967 году, и он вовсе не рассчитывал на дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Во всяком случае, не раньше чем через четыре-пять лет. Казалось бы, это любому ясно, ведь что-что, а вопрос о ставках и назначениях в государственных учреждениях досконально изучен всеми, и каждый ревниво взвешивает свои и чужие шансы.

Так откуда же эти толки?

Должны быть какие-то резоны. Какие?

Мартин Бек мог представить себе два мотива.

Первый: его хотят выжить с поста руководителя группы расследования убийств. Так сильно хотят, что готовы придать ему ускорение вверх по бюрократической лестнице — самый распространенный способ отделываться от нежелательных или слишком явно неквалифицированных должностных лиц. Однако в данном случае этот мотив, скорее всего, ни при чем. Конечно, у него есть враги в ЦПУ, но вряд ли он представляет для них какую-нибудь угрозу. К тому же его преемником должен стать Колльберг, а это, с точки зрения высшего начальства, ничуть не лучше.

Вот почему второй мотив казался ему более правдоподобным. К сожалению, он и намного более унизителен для затронутых сторон.

Пятнадцать месяцев назад Мартин Бек едва не приказал долго жить. Он — единственный в современной истории шведской полиции высокий чин, раненный пулей так называемого преступника. Случай этот вызвал много шума, и поведение Мартина Бека совершенно незаслуженно изображали как подвиг. Дело в том, что у полиции, по вполне естественным причинам, острый дефицит на героев, а посему заслуги Мартина Бека в относительно успешном исходе драмы раздували сверх всякой меры.

Итак, полицейское сословие обзавелось своим героем. А как отметить героя? Медаль он успел получить еще раньше. Значит, его надо хотя бы повысить!

У Мартина Бека было вдоволь времени, чтобы проанализировать события того злополучного дня в апреле 1971 года, и он уже давно пришел к выводу, что действовал неправильно, не только в моральном, но и в чисто профессиональном смысле. И он отлично понимал, что задолго до него к такому же выводу пришли многие его коллеги.

Он схватил пулю по собственной дурости.

И за это его теперь собираются назначить на более высокую и ответственную должность.

Весь вечер вторника он размышлял об этом казусе, но как только в среду пришел в кабинет на аллею Вестберга, то всецело переключился на дело Свярда. Сидя в одиночестве за своим столом, он с холодной и неумолимой систематичностью прорабатывал материалы следствия.

И в какой-то момент поймал себя на мысли, что, пожалуй, это для него сейчас и впредь самый подходящий вариант: работать над делом в одиночку, привычными методами, без помех со стороны. Он всегда был склонен к уединению, а теперь и вовсе начал превращаться

в затворника, его не тянуло в компанию, и он не ощущал стремления вырваться из окружающей его пустоты. В глубине души он чувствовал, что ему чего-то недостает. Чего именно? Может быть, подлинной увлеченности.

Этак недолго стать роботом, функционирующим под колпаком из незримого стекла…

Дело, которым он сейчас занимался, чисто профессионально не вызывало у него особых сомнений. Либо он решит задачу, либо не решит. В его группе процент успешного расследования был высок, во многом благодаря тому, что дела чаще всего попадались несложные, виновные быстро сдавались и признавали свою вину.

К тому же группа расследования убийств была неплохо оснащена техникой. В этом ее превосходила только служба безопасности, в существовании которой было мало смысла, ведь она все время занималась почти исключительно учетом коммунистов, упорно закрывая глаза на разного рода фашистские организации, а посему, чтобы не остаться совсем без дела, ей приходилось измышлять несуществующие политические преступления и мнимые угрозы безопасности страны. Результат был соответствующий, а именно — смехотворный. Однако служба безопасности представляла собой тактический резерв для борьбы против нежелательных идейных течений, и нетрудно было представить себе ситуации, когда ее деятельность станет отнюдь не смехотворной…

Конечно, случались осечки и у группы расследования убийств, бывало, что следствие заходило в тупик и в архив ложилось нераскрытое дело. Причем нередко и злоумышленник был известен, да не желал признаваться, а улик не хватало. Так уж бывает: чем примитивнее насильственное преступление, тем скуднее подчас доказательства.

Типичным примером мог служить последний провал Мартина Бека. В Лапландии один муж далеко не первой молодости пришиб топором свою столь же пожилую супругу. Мотивом убийства было то, что он давно состоял в связи с более молодой экономкой и ему надоели упреки ревнивой жены. Убийца отнес труп в дровяной сарай, а так как дело было зимой, то стоял трескучий мороз; муж выждал около двух месяцев, потом положил убиенную супругу на санки и дотащил до ближайшего селения, куда от его хутора было двадцать километров по бездорожью. Там он заявил, что жена упала и ударилась головой о плиту, и сослался на лютый мороз, который-де помешал ему привезти ее раньше. Вся округа знала, что это ложь, но хуторянин стоял на своем, и экономка была с ним заодно, а местные полицейские, не отличавшиеся высокой квалификацией, при осмотре места преступления уничтожили все следы. Потом они обратились за помощью в центр, и Мартин Бек две недели торчал в захудалой гостинице, прежде чем сдался и уехал домой. Днем он допрашивал убийцу, а по вечерам, сидя в ресторане, слушал, как местные жители хихикают за его спиной.

Но вообще-то неудачи случались редко.

Дело Свярда было более мудреным: Мартин Бек не помнил ничего похожего в своей практике. Казалось бы, это должно его подхлестнуть, но он относился к загадкам равнодушно и не испытывал ни малейшего азарта.

Исследование, которое он провел в среду, сидя в своем кабинете, почти ничего не дало. Данные о покойном, почерпнутые из обычных источников, оказались довольно скудными.

В уголовной картотеке Карл Эдвин Свярд не значился, но из этого вытекало только то, что он никогда не привлекался к суду, а мало ли преступников благополучно уходят от карающей руки правосудия? Не говоря уже о том, что закон сам по себе призван охранять сомнительные интересы определенных классов и пробелов в нем больше, чем смысла.

Судя по тому, что по ведомству административного контроля за Свярдом ничего не числилось, он не был алкоголиком. Ибо власти пристально следят за тем, сколько спиртного потребляют такие люди, как Свярд. В Швеции, когда пьет буржуазия, это называется «умеренным потреблением спиртных напитков», а простой люд сразу зачисляют в разряд

алкоголиков, нуждающихся в наблюдении или лечении. И оставляют без наблюдения и лечения.

Свярд всю жизнь был складским рабочим; в последнее время он работал в экспедиторском агентстве. Он жаловался на боли в спине — обычный для его профессии недуг — и в пятьдесят шесть лет получил инвалидность. После этого он, судя по всему, перебивался, как мог, на пенсию, пополнив собой ряды тех членов общества, для блага которых на полках магазинов отводится так много места банкам с собачьим и кошачьим кормом.

Кстати, в кухонном шкафу Свярда только и нашли съестного, что наполовину опустошенную банку с надписью «Мяу».

Вот и все, что Мартину Беку удалось выяснить в среду. Если не считать еще кое-каких малозначительных фактов.

Свярд родился в Стокгольме, его родители скончались в сороковых годах, он никогда не был женат и никому не платил алиментов. За помощью в органы социального обеспечения не обращался. В фирме, где он работал до ухода на пенсию, его никто не помнил.

Врач, который подписал заключение об инвалидности, отыскал в своих бумагах записи о том, что пациент не способен к физическому труду и слишком стар для переквалификации. К тому же сам Свярд заявил врачу, что его не тянет больше работать, он не видит в этом никакого смысла.

Может быть, и выяснять, кто его убил и зачем, тоже нет никакого смысла…

К тому же способ убийства настолько непонятен, что, похоже, стоит сперва отыскать убийцу и уже от него узнать, как было дело.

Но это все было в среду, а в четверг, примерно через час после беседы с водителем зловонного фургона, Мартин Бек снова подошел к дому на Тюлегатан.

Вообще-то его рабочий день кончился, но ему не хотелось идти домой.

Он опять поднялся на третий этаж, остановился и передел дух.

А заодно еще раз прочел надпись на овальной табличке. На белой эмали — зеленые буквы: РЕЯ НИЛЬСЕН.

Электрического звонка не было, но с притолоки свисал шнурок.

Мартин Бек дернул его и стал ждать.

Колокольчик послушно звякнул. И никакой реакции. Дом был старый, и через ребристые стекла в створках Мартин Бек видел свет в прихожей. Видимо, дома кто-то есть; когда он приходил днем, свет не горел.

Выждав немного, он снова дернул за шнурок. На этот раз после звонка послышались торопливые шаги, и за полупрозрачным стеклом возник чей-то силуэт.

У Мартина Бека давно выработалась привычка первым делом составлять себе общее представление о людях, с которыми его сталкивала служба. Или, выражаясь профессиональной прозой, регистрировать приметы.

Женщине, которая открыла дверь, на вид было не больше тридцати пяти, но что-то подсказывало ему, что на самом деле ей около сорока.

Рост невысокий, примерно метр пятьдесят восемь. Плотное телосложение, но не толстая, а скорее ладная и подтянутая.

Черты лица энергичные, не совсем правильные; строгие голубые глаза смотрели на него в упор, обличая человека решительного и смелого.

Волосы светлые, прямые, коротко остриженные; в данную минуту — мокрые и нерасчесанные. Он уловил приятный запах какого-то шампуня.

Одета она была в белую тенниску и поношенные джинсы, блеклый цвет которых свидетельствовал, что они не один десяток раз побывали в стиральной машине. Тенниска на плечах и груди влажная: видно, только что надела.

Так… Плечи сравнительно широкие, бедра узкие, шея короткая, загорелые руки покрыты светлым пушком. Босая. Ступня маленькая, пальцы прямые, как у людей, предпочитающих носить сандалии или сабо, а то и вовсе обходиться без обуви.

Мартин Бек поймал себя на том, что рассматривает ее ноги с таким же профессиональным вниманием, с каким привык штудировать следы крови и трупные пятна, и перевел взгляд на ее лицо.

Глаза пытливые, брови чуть нахмурены…

— Я мыла голову, — сказала она.

Голос был несколько хриплый, то ли от простуды, то ли от курения, то ли просто от природы.

Он кивнул.

— Я кричала: «Войдите!» Два раза кричала. Дверь не заперта. Когда я дома, обычно не запираю. Разве что отдохнуть захочется. Вы не слышали, как я кричала?

— Нет. Вы — Рея Нильсен?

— Да. А вы из полиции?

Мартин Бек не жаловался на смекалку, но сейчас он явно встретил человека, способного дать ему несколько очков вперед. В несколько секунд она верно классифицировала его и к тому же, судя по выражению глаз, уже составила себе мнение о нем. Какое именно?

Конечно, ее слова можно объяснить тем, что она ждала гостей из полиции, да только на это не похоже.

Мартин Бек полез в бумажник за удостоверением. Она остановила его:

— С меня достаточно, если вы назовете себя. Да входите же, черт возьми. Насколько я понимаю, у вас есть разговор ко мне. А разговаривать, стоя на лестнице, ни вам, ни мне не хочется.

Мартин Бек опешил, самую малость, что случалось с ним крайне редко.

Хозяйка вдруг повернулась и пошла в квартиру; ему оставалось только следовать за ней.

С одного взгляда трудно было разобраться в планировке, но он заметил, что комнаты обставлены со вкусом, хотя и старой разномастной мебелью.

Приколотые кнопками детские рисунки свидетельствовали, что хозяйка живет не одна. Кроме этих рисунков стены украшала живопись, графика, старые фотографии в овальных рамках, а также вырезки из газет и плакаты, в том числе несколько политических, с портретами видных коммунистических деятелей. Много книг — и не только на полках, внушительная коллекция пластинок, стереопроигрыватель, две старые, хорошо послужившие пишущие машинки, кипы газет и горы бумаг, главным образом, соединенных скрепками ротаторных копий, смахивающих на полицейские донесения. Скорее всего, конспекты; стало быть, хозяйка где-то учится.

Другая комната явно была детской; судя по царившему в ней порядку и аккуратно застеленным кроватям, обитатели ее находились в отлучке.

Что же, лето есть лето, большинство детей сколько-нибудь обеспеченных родителей отдыхают в деревне, вдали от отравленного воздуха и прочих язв города.

Она оглянулась на него через плечо — довольно холодно — и сказала:

— Ничего, если потолкуем на кухне? Или вас это не устраивает?

Голос неприветливый, но и не враждебный.

— Сойдет.

Они вошли на кухню.

— Тогда присаживайтесь.

Шесть стульев — все разные и все окрашенные в яркие цвета — редкой цепочкой окружали большой круглый стол. Мартин Бек сел на один из них.

— Одну минуточку, — сказала хозяйка.

В ее поведении сквозила какая-то нервозность, но Мартин Бек решил, что просто такой у нее характер. Возле плиты на полу стояли красные сабо. Она сунула в них ноги и, громко топая, вышла из кухни.

Раздался какой-то стук, загудел электромотор.

— Вы еще не назвали себя, — услышал он ее голос.

— Бек. Мартин Бек.

— Значит, в полиции служите?

— Да.

— Где именно?

— Центральная уголовная полиция.

— Жалованье по двадцать пятому классу?

— По двадцать седьмому.

— Ишь ты. Недурно.

— Не жалуюсь.

— А чин какой?

— Комиссар.

Мотор продолжал жужжать. Знакомый по семейному прошлому звук, он уже сообразил, чем она занята: пылесосом сушит волосы.

— Рея, — представилась она. — Да вы и так, конечно, знаете. И на двери написано.

Кухня, как во многих старых домах, была просторная; кроме обеденного стола в ней разместились газовая плита, двухкамерная мойка, холодильник, морозильник, посудомоечная машина, да еще осталось вдоволь свободного места. На полке над мойкой стояли горшки и кастрюли; ниже полки на гвоздях висели разные дары природы — пучки полыни и чабреца, гроздья рябины, сушеные опята и сморчки и три длинные плети чеснока. Не такой уж необходимый в хозяйстве набор, но запах от него приятный и впечатление домовитости. Впрочем, полынь и рябина хороши для настоек, а чабрец — недурная приправа к гороховому супу (хотя Мартин Бек предпочитал майоран, когда его желудок еще переносил этот шведский деликатес). Грибы — совсем неплохо, если знаешь, как их приготовить. А вот чеснок явно висел для красоты, ибо такого количества рядовому потребителю хватило бы на целую жизнь.

Хозяйка вошла на кухню, расчесывая волосы, и перехватила его взгляд:

— Это против упырей.

— Чеснок?

— Ну да. Вы не ходите в кино? На все случаи жизни ответ дает.

Влажную тенниску сменила какая-то бирюзовая безрукавка, смахивающая на нижнюю рубашку.

— Полицейский, значит. Комиссар уголовной полиции. — Слегка нахмурясь, она испытующе посмотрела на него. — Вот уж не думала, что чиновники двадцать седьмого класса самолично посещают клиентов.

— Верно, обычно они этого не делают, — согласился он.

Она села, но тотчас встала опять, нервно покусывая суставы пальцев.

«Ладно, пора приступать к делу», — подумал Мартин Бек. — Если я вас правильно понял, вы не очень одобрительно относитесь к полиции, — начал он.

Ее глаза скользнули по нему:

— Точно. Не припомню случая, чтобы мне когда-нибудь была от нее польза. И не только мне. Зато знаю многих, кому она причинила неприятности, даже страдания.

— В таком случае постараюсь не слишком обременять вас, фру Нильсен.

— Рея, — сказала она. — Все зовут меня Рея.

— Если не ошибаюсь, этот дом принадлежит вам?

— Мне. Получила в наследство несколько лет назад. Но для полиции здесь нет ничего интересного. Ни торговцев наркотиками, ни игорных притонов, даже воров и проституток нет

Перевела дух и продолжала:

— Разве что немного подрывной деятельности ведется. Крамольные мысли. Но ведь вы не из политической полиции.

— Вы в этом уверены?

Она вдруг рассмеялась — от души, заразительно.

— Я не совсем дура.

«Да уж, это верно», — сказал себе Мартин Бек.

— Вы правы, — продолжал он вслух. — Я занимаюсь по большей части насильственными преступлениями. Преднамеренные и непреднамеренные убийства.

— Чего нет, того нет. За последние три года даже ни одной драки не было. Правда, зимой кто-то взломал дверь на чердак и утащил разный хлам. Пришлось обратиться в полицию, страховые компании этого требуют. Из полиции никто не пришел — им некогда было, — но страховку я получила. Главное — формальность соблюсти.

Она почесала затылок:

— Ну, так что тебе надо?

— Потолковать об одном из жильцов.

— Из моих жильцов?

Она нахмурилась. В интонации, с которой было произнесено слово «моих», сквозило удивление и беспокойство.

— Из бывших жильцов, — пояснил он.

— В этом году только один переехал.

— Свярд.

— Правильно, жил у меня один по фамилии Свярд. Переехал весной А что с ним?

— Умер.

— Его убили?

— Застрелили.

— Кто?

— Возможно, самоубийство. Но мы в этом не уверены.

— Послушай, а нельзя нам разговаривать как-нибудь попроще?

— Пожалуйста. Что вы подразумеваете? Чтобы я тоже перешел на «ты»?

Она пожала плечами:

— Терпеть не могу официальный тон, тоска смертная. Нет, конечно, я могу быть весьма корректной, если необходимо. А могу и пококетничать — принарядиться, накрасить губы, подвести глаза.

Мартин Бек слегка растерялся.

— Чаю хочешь? — вдруг предложила она. — Отличная штука — чай.

Он был не прочь, однако ответил:

— Зачем же столько хлопот, не надо.

— Пустяки, — возразила она. — Вздор. Погоди малость, я и поесть что-нибудь придумаю. Горячий бутерброд будет очень кстати.

От ее слов у него сразу разыгрался аппетит. Она продолжала говорить, предваряя его отказ.

— От силы десять минут. Я постоянно что-нибудь стряпаю. Это так просто. И даже полезно. Почему не доставить себе удовольствие. Когда на душе совсем погано, приготовь что-нибудь вкусненькое. Вскипячу чайник, хлеба поджарю, а там можно и потолковать.

Мартин Бек понял, что отказываться бесполезно. Видно, эта маленькая женщина не лишена упрямства и силы воли, умеет на своем настоять.

— Спасибо, — покорно произнес он.

Она уже действовала. С шумом, с грохотом, но толково и быстро.

Мартин Бек никогда еще не видел такой сноровки, во всяком случае в Швеции.

Семь минут ушло у нее на то, чтобы приготовить чай и шесть ломтей поджаренного хлеба с тертым сыром и кружками помидора. Пока она молча трудилась, Мартин Бек пытался сообразить, сколько же ей все-таки лет.

Садясь напротив него, она сказала:

— Тридцать семь. Хотя большинство находят меня моложе.

Мартин Бек оторопел.

— Как ты угадала?..

— А что, ведь верно угадала? — перебила она. — Ешь.

Бутерброды были очень вкусные.

— Я вечно голодная, — объяснила Рея. — Ем десять, а то и двенадцать раз в день.

— Обычно у людей, которые едят десять, а то и двенадцать раз в день, возникают проблемы с весом…

— И ни капельки не толстею, — сказала она. — А хоть бы и потолстела. Плюс-минус несколько килограммов ничего не меняют. Во всяком случае, я не меняюсь. Правда, если не поем, огрызаться начинаю.

Она живо управилась с тремя бутербродами. Мартин Бек съел один, подумал и взял второй.

— Похоже, у тебя есть что сказать о Свярде, — сказал он.

— Пожалуй…

Они понимали друг друга с полуслова. И почему-то это их не удивляло.

— У него был какой-нибудь заскок?

— Вот именно, — подтвердила Рея, — с причудами мужчина, большой оригинал. Я никак его не могла раскусить и была только рада, когда он переехал. Что же с ним все-таки приключилось?

— Его нашли в его квартире восемнадцатого июня. Минимум полтора месяца пролежал мертвый, а то и больше. Вероятно, два.

Она поежилась.

— Кошмар. Пожалуйста, не надо подробностей. Я слишком впечатлительна, чтобы всякие ужасы слушать. Потом еще приснится…

Он хотел сказать, что она может быть спокойна на этот счет, но понял, что в этом нет надобности. Тем более, что она уже продолжала:

— Одно могу сказать тебе точно.

— Что именно?

— В моем доме ничего подобного не случилось бы.

— Это почему же?

— Потому что я бы этого не допустила.

Она подперла ладонью подбородок, так что нос оказался между средним и указательным пальцами. У нее был довольно крупный нос, руки крепкие, ногти острижены. Глаза строго смотрели на Мартина Бека.

Вдруг она поднялась и подошла к полке. Покопалась, отыскала спички, сигареты и закурила, глубоко затягиваясь.

Потом потушила сигарету, съела еще один бутерброд и, понурила голову, положив локти на колени. Наконец подняла взгляд на Мартина Бека.

— Может быть, я не упасла бы его от смерти, но, во всяком случае, он не пролежал бы так два месяца. И двух дней не пролежал бы.

«Да уж наверно», — сказал себе Мартин Бек.

— Квартиросдатчики в этой стране, — продолжала Рея, — последняя сволочь. Что поделаешь, строй поощряет эксплуатацию.

Мартин Бек прикусил нижнюю губу. Он ни с кем не делился своими политическими взглядами и вообще избегал разговоров с политической окраской.

— Что, не надо о политике? — спросила она. — Ладно, не будем ее трогать. Но так уж вышло, что я сама оказалась в числе квартиросдатчиков. Чистая случайность — наследство… Кстати, дом совсем неплохой, но, когда я сюда переехала, жуть что было, крысиная нора. Мой дорогой родитель за последние десять лет, наверно, ни одной перегоревшей лампочки не сменил, ни одного стекла не вставил. Сам-то он жил в другом конце города и только об одном заботился: собирать квартирную плату да вышибать жильцов, которые не могли заплатить вовремя. Потом превратил квартиры в общежития для иностранных рабочих и вообще тех, кому некуда деться. И драл с них втридорога, благо у них не было выбора. Таких сквалыг в городе хватает.

Кто-то отворил наружную дверь и вошел, но Рея никак не реагировала.

В дверях кухни появилась девушка в рабочем халате, с узелком в руке.

— Привет, — поздоровалась она. — Можно, я попользуюсь стиральной машиной?

— Конечно.

Девушка не обращала внимания на Мартина Бека, но Рея сказала:

— Вы ведь не знакомы? Напомни, как тебя зовут.

Мартин Бек встал и подал девушке руку.

— Мартин, — сказал он.

— Ингела, — ответила она.

— Ингела только что въехала, — объяснила Рея. — В ту самую квартиру, где Свярд жил.

Она повернулась к девушке с узелком:

— Как тебе квартира, нравится?

— Здорово. Только уборная опять барахлит.

— Чтоб ее! Завтра утром позвоню водопроводчику.

— А так все в полном порядке. Да, знаешь…

— Что?

— У меня стирального порошка нет.

— Возьми за ванной.

— И денег ни гроша.

— Ничего. Возьми на полкроны, потом отработаешь — скажем, запрешь подъезд на ночь.

— Спасибо.

Девушка вышла; Рея закурила новую сигарету.

— Да, вот тебе один ребус… Квартира хорошая, я ее ремонтировала два года назад. Свярд платил всего восемьдесят крон в месяц. И все-таки переехал.

— Почему?

— Не знаю.

— Поругались?

— Что ты. Я с жильцами не ругаюсь. А зачем ругаться? Конечно, у каждого своя блажь. Но это только занятно.

Мартин Бек промолчал. Он отдыхал душой. К тому же чувствовал, что наводящие вопросы просто не нужны.

— А самое странное с этим Свярдом — четыре замка поставил. И это в таком доме, где люди запираются только в тех случаях, когда не хотят, чтобы их беспокоили. А как собрался переезжать, отвинтил все замки, цепочки, задвижки и взял с собой. Надежно был защищен — не хуже нынешних девочек.

— Это ты в переносном смысле?

— Ясное дело. Столпы нашего общества негодуют по поводу того, что подростки, особенно девчонки, начинают половую жизнь с тринадцати лет. Дурачье. От возраста никуда не уйдешь, а со всеми нынешними пилюлями и спиралями девчонкам ничто не грозит. Стало быть, им нечего опасаться. А как я в свое время дрожала — вдруг попадусь! Постой, о чем мы говорили?

Мартин Бек рассмеялся.

И сам удивился, но факт оставался фактом: он смеялся.

— Мы говорили о дверях Свярда.

— Ну да. А ты, оказывается, умеешь смеяться. Вот уж не ожидала. Я думала, ты давно разучился.

— Может, я сегодня просто не в духе.

Неудачная реплика, он понял это по ее лицу.

Она ведь не ошиблась. И знает это, и глупо темнить.

Он поспешил загладить свой промах:

— Извини.

— Правда, я только в шестнадцать лет влюбилась по-настоящему. Но в наше время все было иначе. Тогда ведь как говорили: дескать, ни к чему нищих плодить. Или это еще раньше говорили? Теперь людей другое пугает — неуверенность в завтрашнем дне… Где-то серьезная промашка допущена.

Она смяла сигарету и деловито заметила:

— Я слишком много говорю, кошмар. Вечная история. И это только один из моих недостатков. Хотя пороком это не назовешь… А как, по-твоему, это серьезный порок, если человек любит поговорить?

Он отрицательно покачал головой.

Рея поскребла затылок и продолжала:

— А что, Свярд так и не расстался со своими замками?

— Нет.

Она тряхнула головой и сбросила сабо. Уперлась пятками в пол и свела вместе большие пальцы.

— Чего не понимаю, того не понимаю. Или это у него мания такая была? Иногда я даже беспокоиться начинала. У меня ведь ко всем дверям запасные ключи. В доме много стариков. Вдруг кто-то из них заболеет, надо помочь. Как без ключа в квартиру попадешь? Но ведь никакой ключ не поможет, когда человек вот так забаррикадируется. А Свярд был уже в летах…

В ванной что-то загудело, и Рея крикнула:

— Тебе помочь, Ингела?

— Да… если можно.

Она вышла, через минуту вернулась и сообщила:

— Теперь все в порядке. Кстати, о возрасте: ведь мы с тобой почти ровесники?

Мартин Бек улыбнулся. Он привык к тому, что никто не давал ему пятидесяти лет, от силы — сорок пять.

— Правда, стариком я Свярда не назвала бы, — продолжала Рея, — но со здоровьем у него не ладилось. Что-то серьезное было, он считал, что ему недолго жить осталось. Как раз перед тем, как переехать, ложился на обследование. Что ему там сказали, не знаю. В онкологической клинике лежал, а это, насколько я понимаю, ничего доброго не сулит.

Мартин Бек навострил уши: важная новость! Но тут опять хлопнула наружная дверь, и кто-то громко позвал:

— Рея!

— Здесь я. На кухне.

Вошел мужчина. Увидев Мартина Бека, он остановился, но она живо пододвинула ему ногой стул:

— Садись.

Мужчина был молодой, лет двадцати пяти, рост средний, телосложение обычное. Овальное лицо, русые волосы, серые глаза, ровные зубы. Одет в клетчатую рубашку, вельветовые брюки и сандалии. В руке он держал бутылку красного вина.

— Вот, захватил по дороге.

— А я-то думала сегодня одним чаем обойтись, — сказала Рея. — Ладно. Доставай бокалы. Ставь четыре — Ингела стирает в ванной.

Она нагнулась, поскребла ногтями щиколотку, потом сказала:

— Бутылка на четверых — маловато будет. Ничего, у меня кое-что припасено. Возьми одну в шкафчике, с левой стороны. Штопор лежит в верхнем ящике, слева от раковины.

Мужчина выполнил ее указания. Он явно привык подчиняться. Когда он снова сел, Рея представила:

— Надо думать, вы раньше не встречались? Мартин… Кент.

— Привет, — сказал Кент.

— Привет, — отозвался Мартин Бек.

Они обменялись рукопожатием.

Рея наполнила бокалы и крикнула:

— Ингела, как управишься, тебя тут вино ждет! — Потом озабоченно посмотрела на парня в клетчатой рубашке:

— Какой-то ты кислый сегодня. В чем дело? Опять неудача?

Кент глотнул вина и спрятал лицо в ладонях.

— Рея, куда мне податься?

— Все еще без работы?

— И никакого просвета. Для чего я диплом получал, если мест свободных нет? Нет и, похоже, не будет.

Он потянулся к ней, хотел взять ее за руку, но она недовольно отодвинулась.

— Сегодня мне пришла в голову отчаянная мысль, — продолжал он. — Хочу знать твое мнение.

— Давай, выкладывай свою мысль.

— Поступать в полицейское училище. Они всех берут, им не хватает людей. С моим образованием я вполне могу рассчитывать на продвижение, как только научусь бить по морде лиходеев.

— Тебе что, не терпится людей избивать?

— Будто ты не знаешь. Но ведь я могу сделать что-то полезное… Важно освоиться, а там можно попытаться изменить порядки.

— Между прочим, полиция меньше всего с лиходеями воюет, — заметила Рея. — А как ты думаешь кормить Стину и детей, пока будешь учиться?

— Можно взять ссуду. Я вчера узнавал, когда брал бланки для поступления. Вот, посмотри и скажи свое мнение. Ты во всем разбираешься.

Он вынул из заднего кармана несколько сложенных бланков и проспект и положил на стол.

— Или ты считаешь, что это безрассудная затея?

— Да уж… К тому же вряд ли полиции нужны думающие люди, которые собираются перестраивать ее изнутри. А как у тебя анкета? С точки зрения политики?

— Я состоял одно время в «Кларте»[9], больше ничего не было. А в училище теперь всех принимают, кроме явных коммунистов.

Она задумалась, потом глотнула вина и пожала плечами.

— Что ж, попробуй… Вроде бы несуразная идея, а на деле может оказаться интересно.

— Меня ведь что беспокоит…

Он чокнулся с Мартином Беком, который пока предпочитал соблюдать умеренность.

— Ну, что тебя беспокоит? — Голос Реи выдавал ее недовольство.

— Выдержу ли я, вот в чем вопрос. Служба-то какая…

Рея лукаво посмотрела на Мартина Бека; хмурое выражение на ее лице сменилось улыбкой.

— А ты спроси Мартина. Он у нас спец.

Парень недоверчиво поглядел на Мартина Бека.

— Ты правда смыслишь в этом деле?

— Немного. И могу подтвердить, что полиции позарез нужны хорошие люди. И в проспекте правильно сказано, что служба многогранная, можно специализироваться в разных

областях. Если человек, например, увлекается вертолетами, или механизмами, или организационными проблемами, или лошадьми…

Рея хлопнула ладонью по столу так, что бокалы подпрыгнули.

— Хватит чушь городить, — сердито сказала она. — Отвечай честно, черт дери.

К своему собственному удивлению, Мартин Бек ответил:

— Если вы согласны повседневно общаться с болванами и чтобы вами помыкали спесивцы, карьеристы или просто идиоты, можно выдержать несколько лет. Главное, не иметь собственного мнения ни по каким вопросам. А потом… потом, глядишь, и сам таким станешь.

— Да я вижу, ты не любишь полицию, — разочарованно сказал Кент. — Не верится мне, что дело обстоит так плохо. О полиции многие предвзято судят. А ты что скажешь, Рея?

Она рассмеялась — громко, от души.

— Попробуй, — сказала она наконец. — Сдается мне, будет из тебя хороший полицейский. Тем более, что кандидатов на это звание, судя по всему, немного. Так что тебе успех обеспечен.

— Ты поможешь мне бланки заполнить?

— Давай ручку.

Мартин Бек достал ручку из внутреннего кармана пиджака.

Рея подперла рукой голову и принялась писать с сосредоточенным лицом.

— Это будет черновик, — объяснила она. — Потом перепишешь на машинке. Можешь моей воспользоваться.

Девушка по имени Ингела управилась со стиркой и присоединилась к ним. Говорила она преимущественно о ценах на продукты, о том, как на упаковке вчерашнего молока ставят завтрашнее число. Мартин Бек заключил, что она работает в магазине самообслуживания.

Звякнул колокольчик, скрипнула наружная дверь, и кто-то зашаркал по коридору. На кухню вошла пожилая женщина.

— У меня что-то телевизор плохо показывает, — пожаловалась она.

— Если антенна виновата, я попрошу Эрикссона завтра проверить ее. Или же придется сдать в починку. Что поделаешь, вон уже сколько служит. А мы пока одолжим другой у моих друзей, у них есть лишний. Тоже не новый, правда. Завтра договорюсь.

— Я сегодня хлеб пекла, вот и вам булку принесла.

— Спасибо, огромное спасибо. Вы не волнуйтесь, все будет в порядке с телевизором.

Рея кончила писать (быстро управилась!), вернула Кенту бланки и снова обратила пристальный взгляд на Мартина Бека.

— Сам видишь, домовладелец обо всем должен заботиться. Именно должен, да мало кому это по душе. Большинство ловчат, только и думают, на чем выгадать. По-моему, это свинство, я стараюсь все сделать, чтобы жильцам было уютно и чтобы они ладили между собой. Квартиры привела в порядок, а вот для наружного ремонта денег нет. Повышать квартирную плату тоже не хочется. Но ведь осень на носу, так что никуда не денешься. Хочешь, чтобы дом был в порядке, не жалей труда. Ответственность надо чувствовать перед съемщиками.

У Мартина Бека было удивительно хорошо на душе. Ему не хотелось уходить из этой кухни. К тому же его немного разморило от вина. Как-никак больше года не брал в рот спиртного.

— Постой, — спохватилась она. — Разговор-то у нас о Свярде!

— У него были дома какие-нибудь ценности?

— Какие там ценности… Два стула, стол, кровать, грязный коврик да самая необходимая утварь — вот и все его имущество. Одежда — только что на нем. Нет, замки эти явно от помешательства. Всех людей сторонился. Со мной, правда, разговаривал, но только когда очень подпирало.

— Такое впечатление, что он был совсем нищий.

Рея глубоко задумалась. Наполнила бокал вином, сделала глоток и наконец ответила:

— А вот в этом я не уверена. Болезненно скупой — это да. Конечно, квартплату он вносил вовремя, но каждый раз ворчал. Из-за восьмидесяти крон в месяц! И насколько мне известно, в магазине брал только собачий корм. Нет, вру — кошачий. Не пил. Расходов у него не было никаких, так что вполне мог бы иногда взять немного колбасы, пенсия позволяла. Конечно, многие старики собачьим кормом обходятся, но у них, как правило, много уходит на квартиру, да и запросов побольше, разрешают себе иногда побаловаться бутылочкой десертного вина. Свярд себе даже приемника не завел. Я читала в курсе психологии про людей, которые ели картофельную шелуху и носили старое тряпье, а в матраце у них были зашиты сотни тысяч крон. Известный случай. Изъян в психике, не помню только, как называется.

— Но в матраце Свярда денег не было.

— И он сменил квартиру. Не в его духе поступок. Ведь на новом месте, наверно, приходилось больше платить. Да и на переезд деньги пошли. Нет, тут что-то не так.

Мартин Бек допил вино. Как ни хочется посидеть еще с этими людьми, надо уходить.

И есть над чем поразмыслить…

— Ну ладно, я пошел. Спасибо. Всего доброго.

— А я собиралась приготовить макароны с мясным соусом. Отличная штука, когда сам делаешь соус. Оставайся?

— Да нет, мне надо идти.

Рея проводила его до дверей, не надевая сабо. Проходя мимо детской, он заглянул туда.

— Ага, — сказала она, — детей нет дома, они за городом. Я разведена. Помолчала и спросила:

— Ты ведь тоже?..

— Тоже.

Прощаясь, она сказала:

— Ну пока, приходи еще. Днем я занята на летних курсах, а вечером, после шести, всегда дома.

Выждала немного и добавила с лукавинкой во взгляде:

— Потолкуем о Свярде.

Сверху по лестнице спускался толстяк в шлепанцах и неглаженых серых брюках, с красно-желто-синим значком FNL на рубашке.[10]

— Рея, лампочка на чердаке перегорела, — сообщил он.

— Возьми новую в чулане, — ответила она. — Семьдесят пять свечей достаточно.

И снова обратилась к Мартину Беку:

— Тебе ведь не хочется уходить, оставайся.

— Нет, пойду. Спасибо за чай, за бутерброды, за вино.

По ее лицу было видно, что она не прочь настоять на своем. Удержать его хотя бы при помощи макарон.

Однако она передумала.

— Ну ладно, привет.

— Привет.

Никто из них не сказал «до свиданья».

Пока он шагал к своему дому, стемнело.

Он думал о Свярде.

Он думал о Рее.

И хотя он этого по-настоящему еще не осознал, на душе у него было хорошо. Так хорошо, как давно уже не было.

XXII

За письменным столом Гюнвальда Ларссона друг против друга сидели двое — хозяин стола и Колльберг. У обоих был задумчивый вид.

На календаре по-прежнему четверг, шестое июля, они только что покинули кабинет Бульдозера Ульссона, предоставив начальнику спецгруппы в одиночестве мечтать о счастливом дне, когда он наконец посадит за решетку Вернера Руса.

— Не пойму я этого Бульдозера, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Неужели он и впрямь думает отпустить Мауритсона?

Колльберг пожал плечами:

— Похоже на то.

— Хоть бы слежку организовал, честное слово, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Прямой смысл… Или, по-твоему, у Бульдозера припасена какая-нибудь другая гениальная идея?

Колльберг в раздумье покачал головой:

— Нет, по-моему, тут вот что: Бульдозер решил пожертвовать тем, что ему может дать слежка за Мауритсоном, в расчете на что-то более важное.

— Например? — Гюнвальд Ларссон нахмурил брови. — Разве Бульдозеру не важнее всего накрыть эту шайку?

— Это верно. Но ты задумывался над тем, что никто из нас не располагает такими надежными источниками информации, как Бульдозер? Он знает кучу воров и бандитов, и они ему всецело доверяют, потому что он их никогда не подводит, всегда держит слово. Они ему верят, знают, что понапрасну он не станет ничего обещать. Осведомители — главная опора Бульдозера.

— По-твоему, ему не будет ни доверия, ни надежной информации, как только они проведают, что он устроил слежку за стукачом?

— Вот именно, — ответил Колльберг.

— Все равно, я считаю, что упускать такой шанс — глупее глупого, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Если незаметно проследить, куда направится Мауритсон, и выяснить, что у него на уме, Бульдозеру это не повредит.

Он вопросительно посмотрел на Колльберга.

— Ладно, — отозвался тот. — Я и сам не прочь разузнать, что собирается предпринять господин Трезор Мауритсон. Кстати, Трезор — это имя, или у него двойная фамилия?

— Собачья кличка, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Может, он иногда под видом собаки орудует? Но нам надо поторапливаться, его могут отпустить с минуты на минуту. Кто начинает?

Колльберг посмотрел на свои новые часы, такие же, как те, которые побывали в стиральной машине. Он уже часа два не ел и успел проголодаться. В какой-то книжке он прочел, что одно из правил диеты для тучных — есть понемногу, но часто, и усердно выполнял вторую половину этого правила.

— Начни ты, — предложил он. — А я буду у телефона, как только тебе понадобится помощь или смена — звони. Да, возьми лучше мою машину, она не такая приметная, как твоя.

Он отдал Гюнвальду Ларссону ключи.

— Идет. — Гюнвальд Ларссон встал и застегнул пиджак.

В дверях он обернулся:

— Если Бульдозер будет меня искать, придумай что-нибудь. Привет, жди звонка.

Колльберг выдержал еще две минуты, потом спустился в столовую, чтобы расправиться с очередным «диетическим» блюдом.

Гюнвальду Ларссону не пришлось долго ждать. Через несколько минут на крыльце появился Мауритсон. Подумав немного, он взял курс на Агнегатан. Свернул направо, дошел до Хантверкаргатан и повернул налево. У автобусной остановки на площади Кунгсхольмсторг остановился. Гюнвальд Ларссон притаился в подъезде неподалеку.

Он отлично понимал, что перед ним — нелегкая задача. При его росте и массе даже в толпе трудно оставаться незамеченным, а ведь Мауритсон узнает его с первого взгляда. Так что ехать с ним в одном автобусе нельзя, сразу увидит. На стоянке такси через улицу была одна свободная машина. Только бы ее увели у него из-под носа! Гюнвальд Ларссон решил обойтись без машины Колльберга.

Подошел шестьдесят второй автобус, и Мауритсон сел в него.

Гюнвальд Ларссон дал автобусу отойти подальше, чтобы Мауритсон не увидел его из окна, и поспешил к такси.

За рулем сидела молодая женщина с копной светлых волос и живыми карими глазами. Гюнвальд Ларссон показал свое удостоверение и попросил ее следовать за автобусом.

— Как интересно! — загорелась она — Наверно, за каким-нибудь опасным гангстером гонитесь?

Гюнвальд Ларссон промолчал.

— Понимаю, секрет. Не беспокойтесь, я умею держать язык за зубами.

Но этого она как раз и не умела.

— Поедем потише, чтобы не обгонять автобус на остановках? — предложила она тут же.

— Вот именно, — процедил Гюнвальд Ларссон. — Только не сокращайте интервал.

— Ясно, чтобы он вас не заметил. Да вы опустите щиток от солнца, и сверху вас никто не разглядит.

Гюнвальд Ларссон послушался. Она поглядела на него с видом заговорщика, увидела перевязанную руку и воскликнула:

— Ой, что это у вас? Наверно, с бандитами схватились?

Гюнвальд Ларссон только крякнул в ответ.

— Да, полицейская служба опасная, — не унималась она. — Но зато и жутко увлекательная! Я сама до того, как за руль сесть, собиралась в полицейские пойти. Лучше всего — в детективы, но муж был против.

Гюнвальд Ларссон молчал.

— Да и на такси тоже бывает интересно. Вот как сейчас, например.

Гюнвальд Ларссон криво усмехнулся в ответ на ее сияющую улыбку.

Она старательно выдерживала нужную дистанцию до автобуса и вообще на редкость хорошо вела машину; за это можно было простить ей болтливость.

Как ни отмалчивался Гюнвальд Ларссон, она успела наговориться всласть, прежде чем Мауритсон наконец сошел с автобуса на Эрик-Дальбергсгатан. Кроме него, никто не вышел,

и, пока Гюнвальд Ларссон искал деньги, кареглазая блондинка с любопытством рассматривала Мауритсона.

— Нисколько не похож на бандита, — разочарованно произнесла она. Получила деньги и быстро выписала квитанцию. — Все равно, желаю удачи!

Машина медленно отъехала от тротуара, тем временем Мауритсон пересек улицу и свернул на Армфельтсгатан. Как только он исчез за углом, Гюнвальд Ларссон поспешил вдогонку и увидел, как Мауритсон входит в подъезд неподалеку.

Подождав немного, Гюнвальд Ларссон вошел следом. Где-то щелкнул замок. Он остановился перед доской с перечнем жильцов.

Фамилия «Мауритсон» сразу бросилась ему в глаза, и он удивленно поднял брови. Так, значит, Филип Трезор Мауритсон живет здесь под своей настоящей фамилией. А на допросах указывал адрес на Викергатан, где он известен как Леннарт Хольм. Удобно устроился… В эту минуту заработал лифт, и Гюнвальд Ларссон поспешил выйти из подъезда.

Переходить через улицу было рискованно — еще увидит из окна, — и Гюнвальд Ларссон, прижимаясь к стене, вернулся на угол Эрик-Дальбергсгатан, чтобы оттуда продолжать наблюдение.

Вскоре начал саднить порез под коленом. Но звонить Колльбергу было рано, к тому же он не решался покинуть свой пост, чтобы не прозевать Мауритсона.

Он протомился на углу не меньше сорока пяти минут, когда из подъезда вдруг вышел Мауритсон и направился в его сторону. В последнюю секунду Гюнвальд Ларссон отпрянул за угол и добежал, прихрамывая, до ближайшего подъезда. Кажется, не заметил?..

Мауритсон прошел мимо него быстрыми шагами, глядя прямо перед собой. Он был в другом костюме и нес в руке черный чемоданчик.

Гюнвальд Ларссон подождал и, когда он пересек Валхаллавеген, осторожно двинулся следом, стараясь не отпускать его слишком далеко.

Мауритсон шел к площади Карлаплан. Дважды он нервно озирался; в первый раз Гюнвальд Ларссон успел спрятаться за стоящим у тротуара фургоном, во второй — нырнул в подворотню.

Нетрудно было сообразить, что Мауритсон направляется к метро. На перроне было мало людей, не так-то просто укрыться, но вроде бы все обошлось благополучно. Мауритсон сел на поезд, идущий к центру, и Гюнвальд Ларссон вскочил в следующий вагон.

У Хёторгет они вышли, и Мауритсон исчез в толпе.

Гюнвальд Ларссон весь перрон обрыскал — Мауритсон как сквозь землю провалился! И на лестницах не видно. Он поднялся на эскалаторе, обошел все пять выходов — пустой номер. В конце концов остановился перед витриной подземного магазина, кляня себя за невнимательность. Неужели Мауритсон все-таки заметил его? В таком случае ничто не мешало ему перебежать через перрон и сесть на поезд, идущий в противоположную сторону.

Гюнвальд Ларссон мрачно посмотрел на итальянские замшевые туфли, которые охотно приобрел бы, будь в магазине его размер; он уже справлялся здесь несколько дней назад.

Только он повернулся, чтобы выйти из метро и сесть на автобус, идущий на Кунгсхольмен, как в другом конце подземного зала показался Мауритсон. Он направился к выходу на Свеавеген; к черному чемоданчику прибавился сверток с нарядной розеткой. Гюнвальд Ларссон дал ему подняться по лестнице и двинулся следом.

Дойдя по Свеавеген до авиационного агентства, Мауритсон вошел в кассовый зал. Гюнвальд Ларссон продолжал наблюдение, укрывшись за товарным фургоном на Лестмакаргатан.

Через большие окна было видно, как Мауритсон подошел к стойке и обратился к высокой блондинке в синей форме.

Интересно, куда это он собрался? На юг, надо думать, к Средиземному морю. А то и подальше, теперь многие в Африке отдыхают. Стокгольм его, понятно, сейчас не устраивает — как только Мальмстрём и Мурен смекнут, что он их продал, ему несдобровать.

Мауритсон открыл чемоданчик, положил в него свой сверток — конфеты, что ли? — получил билет и сунул его в карман пиджака.

Выйдя на улицу, он не спеша направился в сторону площади Сергеля. Гюнвальд Ларссон проводил его взглядом и вошел в кассовый зал.

Девушка, которая обслуживала Мауритсона, искала что-то в картотеке.

— Слушаю вас, — обратилась она к Гюнвальду Ларссону, продолжая перебирать карточки.

— К вам сейчас подходил господин, мне нужно узнать, купил он билет? И если купил — куда?

— Простите, но я не обязана отвечать на такие вопросы, — сказала блондинка. — А зачем это вам?

Гюнвальд Ларссон положил на стойку свой документ. Девушка поглядела на удостоверение, потом на Гюнвальда Ларссона и сказала:

— Насколько я понимаю, вас интересует граф фон Бранденбург? Он взял билет до Йёнчёпинга на самолет, который вылетает в 15.40. На аэродром, вероятно, поедет на автобусе, он спрашивал расписание. Автобус отходит от площади Сергеля без пяти три. А что, граф…

— Спасибо, больше вопросов нет, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Всего доброго.

Идя к выходу, он соображал, с чего это Мауритсона вдруг потянуло в Иёнчёпинг. Потом вспомнил его анкетные данные: ну конечно, ведь он там родился, и там по-прежнему живет его мать.

Ясно, Мауритсон решил спрятаться у мамочки…

Гюнвальд Ларссон вышел на Свеавеген.

Он поглядел в сторону площади Сергеля — вдали, наслаждаясь солнышком, не спеша шагал Трезор Мауритсон Хольм фон Бранденбург.

Гюнвальд Ларссон взял курс в противоположную сторону. Ему нужен был телефон-автомат, чтобы созвониться с Колльбергом.

XXIII

Леннарт Колльберг явился на свидание с Гюнвальдом Ларссоном, вооруженный всевозможными отмычками, чтобы открыть дверь квартиры на Армфельтсгатан. Правда, не мешало бы, кроме того, запастись ордером на обыск за подписью прокурора Ульссона. Однако их ничуть не тревожил тот факт, что они нарушают порядок. Расчет был прост: если в квартире Мауритсона найдется что-нибудь для Бульдозера, тот на радостях не станет придираться. А не найдут ничего — ему необязательно знать о нарушении.

И вообще, о каком порядке можно говорить на такой службе…

К этому времени Мауритсон уже должен был вылететь из Стокгольма на юг — правда, не в Африку, но все же достаточно далеко, чтобы они могли работать без помех.

Все двери в этом доме были снабжены стандартными замками. Квартира Мауритсона не представляла исключения, и Колльберг в несколько минут справился с замком. Правда, дверь еще запиралась двумя цепочками и задвижкой, но только изнутри. Очевидно, хозяин опасался гостей поназойливее, чем простые побирушки и разносчики, от которых его ограждала строгая надпись на эмалированной табличке, привинченной к дверному косяку.

Квартира состояла из трех комнат, кухни, прихожей, ванной и производила шикарное впечатление Обстановка довольно дорогая, правда, с налетом безвкусицы.

Они вошли в гостиную. Прямо перед ними стояла стенка, отделанная под благородное дерево: книжные полки, шкаф, встроенный секретер. Одну полку занимали дешевые книжонки, на других стояли всякие безделушки — сувениры, фарфоровые фигурки, вазочки, блюдечки. На стенах висели олеографии и репродукции, какие можно приобрести в третьеразрядных магазинчиках.

Мебель, гардины, ковры — все это, несомненно, стоило немалых денег, однако подбор был случайный, материал, цвет, узоры плохо сочетались.

В одном углу стоял небольшой бар. На него достаточно было взглянуть, не надо даже принюхиваться к бутылкам за зеркальными дверцами, чтобы уже стало дурно. Лицевая сторона обтянута материей с каким-то странным узором: на черном фоне желтые, зеленые, розовые фигуры, не то инфузории, не то сперматозоиды, увиденные в микроскоп. Тот же узор, только масштабом поменьше, повторялся на пластике столика.

Подойдя к бару, Колльберг отворил дверцы. Початая бутылка «Парфе д'Амур», остатки шведского десертного, нетронутая поллитровка пунша и порожняя бутылка из-под джина «Бифитер». Он поежился, закрыл дверцы и прошел в следующую комнату.

Судя по тому, что ее соединяла с гостиной открытая арка на двух колоннах, она, вероятно, была задумана как маленькая столовая. Окно-фонарь выходило на улицу. У стены стояло пианино, в углу — приемник и проигрыватель.

— Прошу, музыкальный кабинет, — взмахнул он рукой.

— Что-то мне трудно представить себе, чтобы эта тварь сидела тут и играла «Лунную сонату», — сказал Гюнвальд Ларссон.

Он подошел к инструменту, поднял крышку и заглянул внутрь.

— Во всяком случае, трупов здесь нет.

Когда общий осмотр закончился, Колльберг снял пиджак, и они взялись за работу всерьез. Начали со спальни. Пока Гюнвальд Ларссон хозяйничал в стенном шкафу, Колльберг изучал ящики письменного стола. Долго они трудились молча, наконец Колльберг нарушил тишину:

— Слышь, Гюнвальд.

Из шкафа донесся какой-то невнятный звук.

— Слежка за Русом ничего не дала, — продолжал Колльберг. — Два часа назад он вылетел с Арланды. Как раз перед моим уходом Бульдозеру позвонили и доложили. Он жутко расстроился.

Гюнвальд Ларссон, кряхтя, высунул голову и сказал:

— Он бы поменьше загадывал да предвкушал победу, не приходилось бы так часто расстраиваться. Впрочем, Бульдозер подолгу не унывает, сам знаешь. Ну и как Рус провел дни своего отгула?

Он опять скрылся в гардеробе.

Колльберг задвинул нижний ящик стола и выпрямился.

— Не оправдал он надежд Бульдозера, не навел его на Мальмстрёма и Мурена, — ответил он. — В первый вечер, это, значит, позавчера, ходил с девой в кабак, потом они купались ночью нагишом.

— Это я уже слышал. А дальше что было?

— А дальше он пробыл у этой девы почти до вечера, потом поехал в город и слонялся по улицам один, по видимости без определенной цели. Попозже отправился в другой кабак, с другой девой, но в озере больше не купался, а повез ее к себе в Мерсту. Сегодня утром подбросил ее на такси до Уденплан, там они расстались. Потом опять шлялся один, зашел в

несколько магазинов, вернулся в Мерсту, переоделся и поехал на аэродром. Словом, ничего захватывающего и, уж во всяком случае, ничего криминального.

— А купание нагишом? А то, что Эк видел из кустов? Ему бы взять да составить протокол о нарушении приличий.

Гюнвальд Ларссон выбрался из гардероба и затворил дверь.

— Ничего, — сообщил он. — Если не считать кучи отвратительнейшего тряпья.

С этими словами он направился в ванную, а Колльберг тем временем занялся зеленой тумбочкой, которая служила ночным столиком.

В двух верхних ящиках лежало всевозможное барахло: бумажные носовые платки, запонки, пустые спичечные коробки, половина шоколадки, несколько булавок, градусник, мятные таблетки, ресторанные счета и магазинные чеки, мужская санитария, шариковые ручки, открытка из Щецина с текстом: «Водка, женщины, постель — что еще надо. Стиссе», сломанная зажигалка и тупая финка без чехла.

Сверху на тумбочке валялась книжонка; на обложке ковбой — ноги широко расставлены, в каждой руке по дымящемуся револьверу. «Перестрелка в Черном ущелье»…

Колльберг полистал книжку; из нее на пол выпала цветная фотография, любительский снимок — на лодочной пристани сидит молодая женщина в шортах и белой тенниске. Темные волосы, заурядное лицо. На обороте вверху было написано карандашом: «Мёйя, 1969». Пониже — синими чернилами и другим почерком — «Монита».

Он сунул фотографию обратно в книгу. Потом выдвинул нижний ящик — он был глубже двух других — и позвал Гюнвальда Ларссона.

— Нашел тоже место, где держать точило, — сказал он. — Или это вовсе не точило, а какое-нибудь новейшее приспособление для массажа?

— Интересно, зачем оно ему понадобилось, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Вот уж кто не похож на любителя деревянных поделок. А может, просто стащил где-нибудь? Или получил в уплату за наркотики?

Он вернулся в ванную.

Через час с небольшим осмотр квартиры и мебели был завершен. Ничего особенного они не нашли — ни ловко спрятанных денег, ни уличительных писем, ни оружия; самые сильнодействующие медикаменты — таблетки от головной боли да сельтерская вода.

Напоследок они осмотрели кухню, обшарили все ящики и шкафы. Холодильник был включен и полон продуктов — видимо, Мауритсон уехал ненадолго. Измученного диетой, вечно голодного Колльберга больше всего смущал копченый угорь, даже в животе забурчало. Но он совладал с собой и решительно повернулся спиной к холодильнику с его соблазнами.

За кухонной дверью на крючке висело кольцо с двумя ключами.

— От чердака, — сказал Колльберг, показывая на них.

Гюнвальд Ларссон подошел, снял кольцо с крючка, осмотрел ключи и добавил:

— Или от подвала. Давай проверим.

К чердаку ключи не подошли. Тогда они спустились на лифте до первого этажа и протопали по лестнице в подвал.

Большой ключ подошел к патентованному замку огнеупорной двери, за которой начинался короткий проход с двумя дверьми по сторонам. Открыв правую, они увидели выход шахты мусоропровода и подвешенный на каркасной тележке большой мешок из желтого пластика. Около стены — еще три тележки; два мешка — пустые, третий до краев наполнен мусором. В одном углу стоял совок и веник.

Дверь напротив была заперта; за ней, судя по надписи, помещалась домовая прачечная.

Проход упирался в длинный поперечный коридор, разделявший два ряда нумерованных дверей с висячими замками всех родов.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон довольно скоро нашли замок, к которому подходил меньший ключ.

В чулане Мауритсона хранилось только два предмета — старый пылесос без шланга и большой чемодан. Гюнвальд Ларссон заглянул внутрь пылесоса.

— Пусто, — сообщил он.

— Зато здесь не пусто, смотри, — ответил Колльберг, который в это время расковырял замочек чемодана.

Он поднял крышку, и Гюнвальд Ларссон увидел четырнадцать больших бутылок пятидесятиградусной польской водки, четыре кассетных магнитофона, электрический фен и шесть электробритв в заводской упаковке.

— Контрабанда, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Или же скупка краденого.

— А по-моему, вознаграждение за наркотики, — возразил Колльберг. — Конечно, не худо бы конфисковать водку, но лучше оставить все, как было.

Он запер чемодан, и они вышли в коридор.

— Что ж, не совсем зря трудились, — подвел итог Колльберг. — Правда, Бульдозера порадовать нечем. Осталось только повесить ключи на место, и можно сматываться. Здесь больше делать нечего.

— Осторожный жук этот Мауритсон, — отозвался Гюнвальд Ларссон. — Может быть, у него есть еще квартиры…

Не договорив, он указал кивком на дверь в конце коридора. На двери красной краской было выведено: БОМБОУБЕЖИЩЕ.

— Поглядим, если открыто, — преложил Гюнвальд Ларссон. — Заодно уж…

Дверь была открыта. Бомбоубежище явно служило велосипедным гаражом и складом для всякого хлама. Они увидели несколько велосипедов, разобранный мопед, две детские коляски, финские сани и старомодные санки с рулем. У стены — верстак, под ним на полу — пустые оконные рамы. Слева от двери — лом, две метлы, лопата для снега и два заступа.

— Мне всегда не по себе в таких помещениях, — произнес Колльберг. — В войну, когда устраивали учебные тревоги, я все представлял себе, что будет, если в самом деле разбомбят дом и бомбоубежище завалит. Кошмар…

Он обвел глазами закуток. В углу за верстаком стоял старый деревянный ларь с полустершейся надписью ПЕСОК. На крышке ларя поблескивало цинковое ведро.

— Гляди-ка, — сказал Колльберг, — ларь с песком, еще с войны стоит.

Он подошел, снял ведро и поднял крышку.

— Даже песок остался.

— Слава Богу, не понадобился, — заметил Гюнвальд Ларссон. — Во всяком случае, не для борьбы с зажигательными бомбами. А это что у тебя?

Он смотрел на предмет, который Колльберг только что извлек из недр ящика и положил на верстак.

Зеленая американская брезентовая сумка армейского образца.

Колльберг открыл сумку и выложил на верстак содержимое.

Скомканная голубая рубашка.

Светлый парик.

Синяя джинсовая шляпа с широкими полями.

Темные очки.

И пистолет — «лама автомат» сорок пятого калибра.

XXIV

В тот летний день три года назад, когда молодую женщину по имени Монита сфотографировали на пристани у Мёйя в шхерах под Стокгольмом, она еще не была знакома с Филипом Трезором Мауритсоном.

Это было последнее лето ее шестилетнего брака с Петером: осенью он познакомился с другой женщиной и сразу после рождества оставил Мониту с пятилетней дочерью Моной. Идя навстречу его желанию, она подала в суд заявление о срочном разводе по причине измены — он спешил расписаться с новой женой, которая была уже на пятом месяце, когда ему оформили развод. Моните осталась двухкомнатная квартира в Хёкарэнгене, и Петер вовсе не претендовал на ребенка. Он отказался даже от права регулярно общаться с дочерью; вскоре выяснилось, что он устранился и от обязанности платить алименты.

Развод тяжело отразился не только на материальном положении Мониты — больше всего в этой печальной истории ее огорчило то, что пришлось бросить курсы, на которые она недавно поступила.

Она уже давно почувствовала, как ее сковывает недостаточное образование, и ведь ее вины тут не было, просто не представилось возможности учиться в высшей школе или хотя бы получить специальность. После обязательных девяти классов она решила год отдохнуть от учебников. В конце этого года Монита познакомилась с Петером, вышла замуж, и мысль об учении пришлось отложить. На следующий год родилась дочь. Петер тем временем поступил на вечерние курсы, и, только когда он их окончил, за год до развода, наступила ее очередь. Но после его ухода ей и вовсе стало не до учения, ведь няню найти было невозможно, а и найдешь — где денег взять?

Первые два года после рождения ребенка Монита сидела дома, но как только удалось пристроить дочь на день к частной воспитательнице, пошла на работу. Она и раньше — то есть после школы и почти до самых родов — служила в разных местах; за неполных два года успела поработать и в канцелярии, и кассиршей в магазине самообслуживания, и продавщицей, и упаковщицей на фабрике, и официанткой. Такая уж у нее была беспокойная натура: как только становилось неинтересно, хотелось чего-то нового, она меняла работу.

Но когда Монита после невольного двухлетнего перерыва спять начала искать место, оказалось, что с работой в стране стало хуже, возможностей выбора куда меньше. Без специальности и полезных знакомств она могла рассчитывать лишь на самую нудную работу, с невысоким жалованьем. Надоест на одном месте — уже не так-то просто найти другое. Правда, как только она опять начала учиться и появилась перспектива, стало легче переносить убийственное однообразие конвейера.

Три года Монита работала на химико-технологической фабрике в южном пригороде Стокгольма, но после развода, когда она осталась одна с дочерью и пришлось перейти на укороченный рабочий день с меньшей оплатой, эта работа ее уже никак не устраивала. В приступе отчаяния она уволилась, хотя и не представляла себе, что будет дальше.

А безработица все росла, теперь даже опытные специалисты и люди с высшим образованием соперничали из-за низкооплачиваемых мест, далеко не отвечающих их квалификации.

Некоторое время Монита тянула на скудное пособие по безработице. На душе становилось все тяжелее. Только и думай о том, как свести концы с концами; квартплата, еда и одежда для дочери поглощали все, что удавалось наскрести. О том, чтобы самой одеться, она уже и не мечтала, бросила курить, но кипа неоплаченных счетов продолжала расти. В конце концов она поступилась самолюбием и обратилась к Петеру — как-никак он задолжал ей алименты. Петер заявил, что ему надо о своей семье думать, но все же дал ей пятьсот крон, которые сразу ушли на оплату самых неотложных долгов.

Если не считать трех недель временной работы на коммутаторе и двух недель сортировщицей в большой пекарне, Монита всю осень 1970 года слонялась без дела. Вообще-то ей такой образ жизни не был противен — разве плохо утром подольше поспать, а днем заниматься с Моной? Не будь денежных забот, она вовсе не рвалась бы на службу. Стремление учиться поумерилось: зачем тратить силы и время, залезать в долги, когда единственная награда — никчемное свидетельство да мысль о том, что ты приобрела какие-то там знания? К тому же Монита начала догадываться, что высокого заработка и хороших условий труда еще не достаточно, чтобы получать радость от участия в общественном производстве.

Под рождество она вместе с Моной поехала к старшей сестре в Осло. Родители погибли в автомобильной катастрофе пять лет назад, кроме сестры, у нее никого не осталось, и с тех пор у них вошло в обычай встречать рождество вместе. Чтобы купить билет, Монита отнесла в ломбард обручальные кольца родителей и еще кое-какие безделушки, полученные в наследство. Провела в Осло две недели, прибавила за это время три килограмма и вернулась после Нового года в Стокгольм в совсем другом настроении.

В феврале 1971 года Моните исполнилось двадцать пять лет.

С тех пор как Петер оставил ее, прошел год. У нее было ощущение, что за этот год она переменилась больше, чем за все годы брака. Прибавилось жизненного опыта и уверенности в себе — это хорошо. Правда, она к тому же ожесточилась и стала грубее, а это ее меньше радовало.

И она очень тяготилась одиночеством.

Мать-одиночка с шестилетним ребенком, требующим постоянного внимания, живущая в большом доме, где каждый замыкался в своей скорлупе, без работы, без денег — что она могла сделать, чтобы вырваться из вынужденной изоляции?

Прежние друзья и знакомые перестали наведываться, самой по гостям ходить недосуг — нельзя оставлять дочку одну, да и не очень-то поразвлекаешься, когда в кошельке пусто. Первое время после развода подруги еще навещали ее, но ведь Хёкарэнген — край города, ехать далеко… К тому же она нередко хандрила и, вероятно, наводила на них такую тоску, что в конце концов отбила охоту поддерживать с ней отношения.

Монита ходила гулять с дочкой, брала в библиотеке кучу книг, которые читала в часы полного уединения, когда Мона спала. Телефон звонил редко, самой звонить некому, и когда его отключили за неуплату, она этого почти и не заметила. Она чувствовала себя в своей квартире как в тюрьме, но постепенно заточение стало для нее залогом покоя, а жизнь за стенами ее унылой квартирки казалась все более чуждой и нереальной.

По ночам, когда Монита бесцельно бродила по комнатам, не в силах читать от усталости и не в силах уснуть от душевной смуты, ей иногда казалось, что она сейчас сойдет с ума. Только поддайся чуть-чуть, уступи, и безумие прорвет последние барьеры.

Она подумывала о самоубийстве; все чаще чувство безнадежности и тревоги достигало такой силы, что только мысль о ребенке удерживала ее от последнего шага.

Будущее дочери сильно тревожило Мониту, нередко она даже плакала от горечи и бессилия. Ей хотелось, чтобы Мона росла в человеческих условиях, окруженная заботой и теплом, а не в такой среде, где погоня за деньгами и социальным престижем, стремление возвыситься над другими делают людей врагами, где слова «приобретать» и «иметь» соединяют знаком равенства со словом «счастье». Хотелось, чтобы дочь могла развиваться свободно и естественно, чтобы ее не втискивали в одну из заготовленных государственных ячеек. Хотелось, чтобы ее ребенок узнал радость труда и общения, жил без тревог, уважая себя.

Казалось бы, все это — элементарные предпосылки для человеческого существования. Однако Монита отлично сознавала, что в Швеции ни о чем таком мечтать не приходится.

Но как добыть денег, чтобы покинуть страну?.. И на смену отчаянию и тоске приходила апатия и полная отрешенность.

Вернувшись домой из Осло, она решила взять себя в руки и что-то предпринять.

Прежде всего надо было пристроить Мону: самой станет посвободнее и дочь не будет все одна да одна. Монита в десятый раз обратилась в детский сад поблизости от своего дома, и ей вдруг повезло — Мону приняли.

После этого она без особого энтузиазма принялась искать работу по объявлениям.

И все время мозг ее сверлила одна мысль: как раздобыть денег? Чтобы в корне изменить свою жизнь, денег потребуется немало. Монита решила во что бы то ни стало уехать, ей было невмоготу в Швеции, в душе зрела ненависть к обществу, которое кичилось процветанием, тогда как на самом деле процветали малочисленные привилегированные слои, а на долю подавляющего большинства выпала лишь одна привилегия: крутить маховик, приводящий в движение весь механизм.

Она перебирала в уме разные способы добыть нужные средства, но не видела подходящего решения.

Накопить деньги честным трудом? Исключено. До сих пор того, что оставалось после уплаты налогов, ей хватало только на квартиру и питание.

Выиграть в тотализаторе? Маловероятно. И все-таки она каждую неделю заполняла бланки спортивного лото: хоть какая-то надежда.

Ждать крупного наследства неоткуда. Где найдешь смертельно больного миллионера, который попросит ее руки и прикажет долго жить в свадебную ночь…

Некоторые девушки — она сама знала таких — хорошо зарабатывали проституцией. Теперь не обязательно промышлять на улице, назовись «моделью» и открой «ателье», или поступи в «институт массажа», или запишись в какой-нибудь роскошный «секс-клуб». Но ей сама мысль об этом была глубоко отвратительна.

Остается украсть. Но как и где? Да и не выйдет у нее ничего, она слишком порядочна.

Ладно, для начала хоть бы на стоящую работу устроиться.

Моните и тут посчастливилось: ее взяли официанткой в популярный ресторан в деловом центре Стокгольма. Удобные рабочие часы, и можно рассчитывать на приличные чаевые.

Среди тех, кто отдавал предпочтение этому ресторану, был Филип Трезор Мауритсон.

Так вышло, что за один из столиков Мониты однажды сел аккуратно одетый человек с ординарной внешностью, который заказал свиные ножки с брюквенным пюре. Рассчитываясь, он сказал ей какой-то шутливый комплимент, но особого впечатления на нее не произвел.

Правда, и Монита не привлекла его внимания, во всяком случае в тот раз.

Она не могла похвастаться броской внешностью, в чем давно уже убедилась, поскольку люди, с которыми она виделась раз или два, редко узнавали ее при повторной встрече. Темные волосы, серо-голубые глаза, ровные зубы, правильные черты лица. Средний рост (метр шестьдесят пять), нормальное сложение (вес — шестьдесят килограммов).

Некоторые мужчины считали ее красивой, но только те, у кого был случай как следует приглядеться к ней.

Когда Мауритсон в третий раз за неделю сел за столик Мониты, она узнала его и угадала, что он попросит: шкварки с тушеным картофелем — в этот день это блюдо представляло в меню крестьянскую кухню. В прошлый раз он ел блины.

Мауритсон заказал шкварки и молоко и, когда она принесла ему заказ, сказал:

— А вы, должно быть, новенькая?

Монита кивнула. Он не впервые обращался к ней, но она привыкла чувствовать себя безликой, и одежда официантки не прибавляла ей своеобразия.

Когда она принесла счет, он не поскупился на чаевые и заметил:

— Надеюсь, вы здесь приживетесь, как я прижился. В этом ресторане вкусно кормят, так что берегите фигуру.

На прощание он дружески подмигнул ей.

В последующие недели Монита приметила, что аккуратный маленький человек, который всегда ест крестьянские блюда и пьет только молоко, намеренно выбирает один из ее столиков. Постоит у двери, посмотрит, где она обслуживает, и садится там. Ей это было не совсем понятно, но чуточку лестно.

Монита считала себя плохой официанткой, она не умела сдерживать себя, когда нетерпеливый клиент начинал брюзжать, на грубость отвечала грубостью. К тому же, поглощенная своими мыслями, часто бывала забывчива и невнимательна. Но вообще-то работала быстро и ловко и с теми, кто, на ее взгляд, того заслуживал, держалась приветливо, однако без заигрывания и кокетства, в отличие от некоторых других девушек.

Мауритсон неизменно перекидывался с ней парой слов, и она стала воспринимать его как старого знакомого. Моните нравилась его несколько старомодная учтивость, пусть даже она не вязалась с его взглядами на разные стороны жизни, которые он иногда кратко и выразительно излагал.

Нельзя сказать, чтобы Монита была в восторге от своей новой работы — но в общем-то ничего, и она успевала забрать Мону из детского сада до закрытия. Она уже не чувствовала себя такой безнадежно одинокой, как прежде, однако продолжала всей душой мечтать о возможности перебраться в более радушные края.

У Моны появилось много подруг, и по утрам она буквально рвалась в детский сад. Ее лучшая подруга жила в том же доме, Монита познакомилась с родителями — славной молодой четой — и, когда им надо было освободить себе вечер, оставляла их дочь ночевать у себя. В свою очередь и Монита дважды воспользовалась возможностью вечером сходить в кино в центре. Других развлечений она не могла придумать, но все-таки теперь уже не чувствовала себя такой связанной. А позже дружба с соседями ей еще больше пригодилась.

В один апрельский день — шел третий месяц ее работы в ресторане, — когда Монита стояла и о чем-то грезила, Мауритсон подозвал ее к своему столику. Она подошла, кивнула на тарелку с гороховым супом и спросила:

— Невкусно?

— Превосходно — как всегда. Но мне сейчас пришла в голову одна мысль. Я тут каждый день сижу, ем за милую душу, а вы все на ногах, все трудитесь. Вот я и подумал — можно мне вас пригласить куда-нибудь поесть? Вечером, конечно, когда вы свободны. Скажем, завтра?

Монита недолго колебалась. Она давно уже вынесла свое суждение о нем: человек честный, благонравный, непьющий, правда чудаковат, но вполне безобидный и симпатичный. К тому же его приглашение не было для нее неожиданностью, и она приготовила ответ.

— Ну что ж, — сказала Монита, — можно и завтра.

Посетив в пятницу ресторан вместе с Мауритсоном, она только по двум пунктам пересмотрела свое суждение о нем: во-первых, он не трезвенник, во-вторых, не похоже, чтобы он был таким уж благонравным. Впрочем, он от этого не стал ей менее симпатичен. Больше того, ей с ним было очень интересно.

В ту весну они еще несколько раз ходили в ресторан, при этом Монита мягко, но бесповоротно отклоняла попытки Мауритсона зазвать ее вечером к себе на рюмку вина или напроситься в гости к ней.

В начале лета он куда-то пропал, а в июле она сама ездила на две недели в отпуск к сестре в Норвегию.

Возвратившись из отпуска, Монита в первый же день увидела его за своим столиком, и вечером они встретились. На этот раз она поехала с ним на Армфельтсгатан, впервые осталась у него ночевать и не пожалела об этом.

Обе стороны были довольны тем, как складывались их отношения. Мауритсон не навязывался, и они встречались, только когда ей этого хотелось — один-два раза в неделю. Он относился к ней заботливо, тактично, им было хорошо вместе.

В свою очередь и она вела себя деликатно. К примеру, Мауритсон избегал говорить о том, чем он занимается и откуда берет деньги. И хотя этот вопрос интересовал Мониту, она не давала воли своему любопытству. Ей ведь не хотелось, чтобы он чрезмерно вторгался в ее жизнь, особенно она берегла Мону, а потому избегала вмешиваться в его дела. Она его не ревновала, он ее тоже — то ли чувствовал, что у нее больше никого нет, то ли не придавал этому значения. И о прошлом опыте не расспрашивал.

Осенью они все реже ходили куда-то, а больше сидели у него дома — приготовят что-нибудь вкусное, немного выпьют и рано ложатся спать.

Время от времени Мауритсон уезжал по делам, но куда и зачем — не рассказывал. Монита была не так уж глупа и быстро уразумела, что он занимается чем-то противозаконным, но, так как Мауритсон был ей симпатичен, она считала, что в глубине души он порядочный человек, так сказать, благородный жулик. Если даже и крадет, то только у богатых, чтобы помочь бедным, как Робин Гуд. И уж, во всяком случае, он не торгует белыми рабынями и не сбывает наркотики детям. При случае она, надеясь заставить Мауритсона проговориться, осторожно давала ему понять, что не видит ничего аморального в правонарушениях, направленных против ростовщиков, спекулянтов и эксплуататорского общества в целом.

Под рождество Мауритсон поневоле приоткрыл завесу над своей деятельностью. Рождество и для жуликов хлопотное время, и, боясь хоть что-то упустить, он пожадничал, набрал столько поручений, что одному справиться было физически невозможно.

В самом деле, как поспеть 26 декабря в Гамбург для весьма замысловатой сделки, требующей его личного присутствия, и в тот же день доставить заказ на аэродром Форнебу под Осло? А тут Монита, как обычно, собралась в Осло встречать рождество, и он не устоял против соблазна, попросил ее быть его заместителем и курьером. От нее не требовалось никаких смелых действий, но процедура передачи его посылки была обставлена столь хитрыми предосторожностями, что нелепо было делать вид, будто речь идет о заурядном рождественском подарке. Мауритсон тщательно проинструктировал ее и, зная отношение Мониты к наркотикам, внушил ей, что речь идет о фальшивых бланках для махинаций с почтовыми переводами.

Монита не стала возражать и успешно справилась с заданием. Он оплатил ей проезд, да еще добавил несколько сот крон.

Казалось бы, она должна войти во вкус — деньги дались легко и пришлись очень кстати, — однако, поразмыслив, Монита решила впредь поосторожнее относиться к таким поручениям.

Конечно, деньги нужны, но если уж рисковать арестом, а то и тюрьмой, надо знать, за что. Жаль, что не проверила сверток: кажется, Мауритсон все-таки обманул ее… И она решила больше не выступать в роли его посланца. Что за радость таскать таинственные свертки, в которых может быть все, что угодно, — от опиума до бомбы с часовым механизмом.

Видно, Мауритсон чутьем угадал настроение Мониты, потому что он больше не просил ее выручить его. Но хотя он относился к ней по-прежнему, она стала открывать в нем такие черты, которых прежде не замечала. Так, он часто лгал ей, притом без всякой нужды, ведь она его никогда не спрашивала, чем он занимается, когда на время исчезает, и не пыталась

припереть к стенке. К тому же Монита начала подозревать, что он вовсе не благородный жулик, а скорее этакий «чегоизволите», ради денег способный на любые мелкие преступления.

После Нового года они встречались реже, и не столько из-за прозрения Мониты, сколько из-за того, что Мауритсон чаще обычного уезжал по своим делам.

Судя по тому, что каждый свободный вечер он стремился провести с ней, она вряд ли ему наскучила. Как-то в начале марта при ней к нему зашли гости, некие Мурен и Мальмстрём; как видно, деловое знакомство. Они были чуть помоложе Мауритсона, один из них ей даже приглянулся, но больше они не появлялись.

Зима 1972 года оказалась для Мониты несчастливой. Ресторан, где она служила, перешел к другому владельцу, тот открыл пивной бар, старых клиентов растерял, а новых не приобрел, в конце концов уволил весь персонал и оборудовал игровой зал. Опять Монита оказалась без работы, и она острее прежнего ощущала одиночество, ведь Мона будни проводила в детском саду, а в субботу и воскресенье днем играла с подружками.

Ее злило, что она не может порвать с Мауритсоном. Впрочем, злилась она тогда, когда его не было, а вместе с ним Моните было хорошо, и ей льстила его откровенная влюбленность. К тому же, кроме Моны, он был единственный, кому она была нужна.

Томясь без дела, Монита стала иногда заходить в квартиру на Армфельтсгатан, когда хозяин отсутствовал. Ей нравилось посидеть там, почитать, послушать пластинки, а то и побродить по комнатам среди вещей, с которыми она никак не могла свыкнуться, хотя видела их десятки раз. Кроме двух-трех книг и нескольких пластинок, у Мауритсона не было ничего, что она стала бы держать в своей квартире, и все же ей почему-то было здесь уютно.

Он не давал Моните ключа, она сама заказала, когда Мауритсон однажды оставил ей свою связку. Это было ее единственное покушение на его независимость, и несколько дней она мучилась угрызениями совести.

Монита заботилась о том, чтобы после ее визитов не оставалось никаких следов, и ходила на Армфельтсгатан лишь тогда, когда была уверена, что Мауритсона нет в городе. Интересно, как он поступит, если проведает?.. Конечно, она иногда рылась в его вещах, но пока ей не попалось ничего особенно криминального. И ведь она вовсе не для этого обзавелась ключом, просто ей почему-то был нужен такой вот тайный уголок. Разумеется, ее никто не разыскивал, и вообще никому не было дела до Мониты, но ей нравилось чувствовать себя недосягаемой и независимой — как в детстве, когда во время игры в прятки удавалось найти такое местечко, где никто на свете не смог бы ее найти. Возможно, он и сам дал бы ей ключ, если бы она попросила, но это испортило бы всю игру.

В один апрельский день, когда Монита буквально не находила себе места, она отправилась на Армфельтсгатан. Посидит в самом безобразном и самом удобном кресле Мауритсона, послушает Вивальди — смотришь, душа обретет покой, почерпнутый в этом своеобразном чувстве неприкосновенности.

Мауритсон уехал в Испанию, она ждала его только на следующий день.

Монита повесила пальто и сумку в прихожей, взяла из сумки сигареты, спички и прошла в гостиную. Все как обычно, чистота и порядок. Мауритсон сам занимался уборкой. В начале их знакомства она как-то спросила его, почему он не наймет уборщицу. Он ответил, что ему нравится убирать и он никому не хочет уступать это удовольствие.

Положив сигареты и спички на широкий подлокотник, она вышла в соседнюю комнату и включила проигрыватель. Отыскала «Времена года», под звуки «Весны» сходила на кухню за блюдцем, потом села в кресло, поджав ноги, и поставила блюдце на подлокотник.

Монита думала о Мауритсоне, о том, какой у них убогий роман. Уже год знакомы, а их взаимоотношения ничем не обогатились, не стали полноценнее, скорее напротив. Она не

могла даже припомнить, о чем они разговаривали при встречах, — очевидно потому, что разговаривали о пустяках. Сидя в его любимом кресле и глядя на полку с рядами дурацких безделушек, она говорила себе, что он, по сути дела, ничтожество, фитюлька. Почему, спрашивала она себя в сотый раз, да, почему она до сих пор не бросила его и не завела себе настоящего мужчину?..

Монита закурила, пустила струйку дыма к потолку и решила, что хватит думать об этом хлюсте, только вконец настроение себе испортишь.

Она села поудобнее и закрыла глаза, медленно помахивая рукой в такт музыке и стараясь ни о чем не думать. Посреди ларго рука задела блюдце, оно слетело на пол и разбилось вдребезги.

— А, чтоб тебя! — вырвалось у нее.

Она встала, вышла на кухню, открыла дверцу под раковиной и протянула руку за веником, который обычно стоял справа от мешка для мусора. Веника на месте не оказалось, тогда Монита присела на корточки и заглянула внутрь шкафчика. Веник лежал на полу, и, потянувшись за ним, она увидела за мусорным мешком портфель. Старый, потертый коричневый портфель, который до сих пор не попадался ей на глаза. Должно быть, Мауритсон поставил его здесь, собираясь отнести вниз, в мусорный контейнер, потому что для мусоропровода он был слишком велик.

Но тут она заметила, что портфель надежно обмотан крепкой бечевкой и бечевка завязана несколькими узлами.

Монита вытащила портфель и поставила на пол. Тяжелый…

Любопытство взяло верх, и она принялась осторожно развязывать узлы, стараясь запомнить их последовательность. Потом размотала бечевку и открыла портфель.

Камни, плоские плитки черного шифера; где-то она совсем недавно видела такие же.

Монита озадаченно нахмурилась, выпрямилась и бросила окурок в раковину, не отрывая глаз от портфеля.

Зачем понадобилось Мауритсону набивать камнями старый портфель, обвязывать его бечевкой и ставить под раковину?

Настоящая кожа — наверно, была когда-то роскошная вещь… И достаточно дорогая. Она поглядела на клапан с внутренней стороны — имени владельца нет. Постой, а это что: все четыре угла внизу обрезаны, то ли острым ножом, то ли лезвием. Причем сделано это недавно, срез совсем свежий.

Вдруг ее осенило. Ну конечно, он задумал утопить портфель в море! Ну не в море, так в заливе. Но зачем?

Монита нагнулась и принялась вынимать из портфеля шифер. Складывая плитки горкой на полу, она вспомнила, где их видела. В подъезде внизу, около двери, выходящей во двор. Очевидно, двор собираются заново мостить; там он их и взял.

Когда же они кончатся?.. Внезапно ее пальцы коснулись какого-то другого предмета. Он был гладкий, холодный и твердый. Монита вынула его из портфеля. И замерла, а в душе ее постепенно обретала четкие формы мысль, которая давно уже шевелилась в подсознании.

А что, может быть, это и есть решение. Может быть, этот блестящий металлический предмет — залог свободы, о которой она столько мечтала.

Длиной около двадцати сантиметров, широкое дуло, тяжелая рукоятка. На блестящей сизой плоскости над скобой выгравировано название: «лама».

Она взвесила его на ладони. Тяжелый.

Монита вышла в прихожую и сунула пистолет в свою сумку. Потом вернулась на кухню, положила камни обратно в портфель, обмотала его бечевкой, постаралась точно воспроизвести все узлы и поставила портфель туда, где нашла его.

Взяла веник, подмела в гостиной, вынесла осколки в прихожую и высыпала в мусоропровод. Потом выключила проигрыватель, убрала на место пластинку, вышла на кухню, достала окурок из раковины, бросила его в унитаз и спустила воду. Надела пальто, застегнула сумку, повесила ее на плечо и напоследок еще раз прошла по всем комнатам, проверяя, все ли так, как было. Пощупала в кармане, на месте ли ключ, захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице.

Придет домой — все как следует продумает.

XXV

В пятницу седьмого июля Гюнвальд Ларссон поднялся очень рано. Правда, не вместе с солнцем, это было бы чересчур — согласно календарю, в этот день солнце взошло в Стокгольме без одиннадцати минут три.

К половине седьмого он принял душ, управился с завтраком и оделся, а еще через полчаса уже стоял на крыльце того самого типового домика на Сонгарвеген в Соллентуне, в который четырьмя днями раньше наведывался Эйнар Рённ.

Пятница эта обещала быть напряженной, предстояло новое свидание Мауритсона с Бульдозером Ульссоном — надо полагать, не столь теплое, как предыдущее. И возможно, удастся наконец изловить Мальмстрёма и Мурена и сорвать их грандиозную операцию.

Но прежде чем спецгруппа засучит рукава и примется за работу, Гюнвальду Ларссону хотелось решить один маленький ребус, который всю неделю не давал ему покоя. Вообще-то пустяк, соринка в глазу, но лучше от нее избавиться, а заодно доказать самому себе, что он верно рассуждал и сделал правильный вывод.

Стен Шёгрен явно не поднимался вместе с солнцем. Не одна минута прошла, прежде чем он отворил, позевывая и путаясь в завязках махрового халата.

Гюнвальд Ларссон сразу взял быка за рога.

— Вы солгали полиции, — мягко произнес он.

— Я солгал?

— На прошлой неделе вы дважды описали приметы налетчика, будто бы похожего на женщину. Кроме того, вы подробно описали машину марки «рено-шестнадцать», которой налетчик якобы воспользовался для бегства, и двоих мужчин, которые были в той же машине.

— Верно.

— В понедельник вы слово в слово повторили свою версию следователю, который приезжал сюда, чтобы побеседовать с вами.

— Тоже верно.

— Верно и то, что почти все рассказанное вами — чистейшая ложь.

— Я точно описал налетчика, что видел, то и сказал.

— Конечно, потому что другие тоже его видели. И к тому же вы сообразили, что в нашем распоряжении, вероятно, будет пленка из кинокамеры в банке.

— Но я по-прежнему уверен, что это была женщина.

— Почему?

— Не знаю. По-моему, девчонку можно чутьем угадать.

— На этот раз чутье вас обмануло. Но меня привела сюда другая причина. Мне нужно получить от вас подтверждение, что история про машину и двоих мужчин — ваша выдумка.

— А зачем это вам?

— Мои мотивы вас не касаются. Тем более, что они чисто личные.

Сонное выражение покинуло лицо Шёгрена. Он испытующе поглядел на Гюнвальда Ларссона и медленно произнес:

— Насколько мне известно, неполные или неверные показания не считаются преступлением, если они не даны под присягой.

— Совершенно верно.

— В таком случае я не вижу смысла в нашем разговоре.

— Зато я вижу. Мне важно разобраться в этом деле. Предположим, я пришел к какому-то выводу и хочу его проверить.

— И что же это за вывод?

— Что вы морочили голову полиции не из корыстных побуждений.

— В нашем обществе хватает таких, у которых только своя корысть на уме.

— Но ты не такой?

— Стараюсь… Правда, не все меня понимают. Например, жена не могла понять. Оттого у меня теперь нет жены.

— По-твоему, грабить банки — хорошо и полиция — прирожденный враг народа?

— Что-то в этом роде. Только не так упрощенно.

— Ограбить банк и убить преподавателя гимнастики — отнюдь не политическая акция.

— В данном случае — нет. Но вообще надо учитывать идейные мотивы. А также историческую перспективу. Иногда ограбление банков вызвано чисто политическими причинами. Взять, например, революцию в Ирландии. Кроме того, бывает еще и неосознанный протест.

— Ты предлагаешь рассматривать уголовных преступников как своего рода бунтарей?

— Что ж, это идея, — сказал Шёгрен. — Да только видные сторонники социализма отвергают ее. Ты читаешь Артура Лундквиста?[11]

— Нет.

Гюнвальд Ларссон предпочитал довоенные приключенческие романы Жюля Региса и подобных авторов. Сейчас настала очередь С.А. Дюсе. Но это к делу не относилось. Его выбор определялся потребностью в развлечении, а не в самообразовании.

— Лундквист получил международную Ленинскую премию, — сообщил Стен Шёгрен. — В сборнике, который называется «Человек социализма», он говорит примерно следующее, цитирую по памяти: «Порой доходит до того, что явных преступников изображают как носителей сознательного протеста против язв общества, чуть ли не как революционеров… в социалистической стране такое невозможно».

— Продолжай, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Конец цитаты, — ответил Шёгрен. — Я считаю, что Лундквист рассуждает примитивно. Во-первых, необязательно быть идейным, чтобы восставать против общественных пороков, если тебя доведут. А что до социалистических стран, то они тут вообще ни при чем — с какой стати людям грабить самих себя?

После долгого молчания Гюнвальд Ларссон спросил:

— Значит, никакого бежевого «рено» не было?

— Не было.

— И никакого бледного шофера в белой футболке, никакого парня в черном, похожего на Харпо Маркса?

— Нет.

Гюнвальд Ларссон кивнул, думая о своем. Потом продолжал:

— Дело в том, что грабитель, похоже, попался. И никакой он не стихийный революционер, а паршивая крыса, которая паразитировала на капитализме, кормилась перепродажей наркотиков и порнографии и ни о чем, кроме барыша, не думала. Одна корысть на уме. И он сразу начал закладывать своих приятелей, торопился спасти собственную шкуру.

Шёгрен пожал плечами.

— Таких тоже немало… Но все равно — человек, который ограбил этот банк, он, как бы тебе объяснить, горемыка. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, понимаю.

— Слушай, а откуда у тебя вообще такие мысли?

— Угадай, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Попробуй поставить себя на мое место.

— Тогда кой черт тебя понес в полицию?

— Случайность. Вообще-то я моряк. К тому же это было давно, когда мне многое представлялось не так. Но это к делу не относится. Я выяснил то, что хотел.

— Значит, все?

— Вот именно. Привет.

— Привет, — отозвался Шёгрен. — Всего доброго.

Лицо его выражало полное недоумение. Но Гюнвальд Ларссон этого не видел, потому что уже ушел. Не слышал он и последних слов Шёгрена:

— Все равно я уверен, что это была дева.

В этот же ранний утренний час, в городе Йёнчёпинге, в одном из домов на Пильгатан, фру Свеа Мауритсон хлопотала у себя на кухне — пекла к завтраку булочки с корицей, чтобы порадовать возвратившегося домой блудного сына. Она пребывала в счастливом неведении о том, как в эти минуты отзываются о ее сыне в типовом домике в трехстах километрах от Йёнчёпинга. Но если бы она услышала, что ее ненаглядное дитятко называют крысой, святотатцу досталось бы скалкой по голове.

Пронзительный звонок в дверь разорвал утреннюю тишину. Фру Мауритсон отставила в сторону противень с булочками, вытерла руки о фартук и засеменила в прихожую, шаркая стоптанными туфлями. Старинные часы показывали всего полвосьмого, и она бросила беспокойный взгляд на закрытую дверь спальни.

Там спит ее мальчик. Она постелила на кушетке в гостиной, но часы мешали ему спать своим боем, он разбудил ее среди ночи, и они поменялись местами. Совсем выбился из сил, бедняжка, ему нужно как следует отдохнуть. А ей, старой глухой тетере, часы не помеха.

На лестнице стояли двое рослых мужчин.

Фру Мауритсон расслышала не все, что они говорили, но поняла: им во что бы то ни стало надо увидеть ее сына.

Тщетно она пыталась объяснить им, что сейчас слишком рано, пусть приходят попозже, когда он выспится.

Гости твердили свое: дескать, у них чрезвычайно важное дело; в конце концов она неохотно побрела в спальню и осторожно разбудила сына. Он приподнялся на локте, поглядел на будильник на тумбочке и возмутился:

— Ты что, спятила? Будить меня среди ночи! Сказано было, что мне надо выспаться.

— Тебя там спрашивают два господина, — виновато объяснила она.

— Что? — Мауритсон вскочил на ноги. — Надеюсь, ты их не впустила?

Он решил, что это Мальмстрём и Мурен разнюхали, где он прячется, и явились покарать его за предательство.

Удивленно качая головой, фру Мауритсон смотрела, как ее сын поспешно надел костюм прямо на пижаму, после чего забегал по комнате, собирая разбросанные вещи и швыряя их в чемодан.

— Что случилось? — робко спросила она.

Он захлопнул чемодан, схватил ее за руку и прошипел:

— Спровадь их, понятно?! Меня нет, я уехал в Австралию, на край света!

Мать не расслышала, что он говорит, и вспомнила, что слуховой аппарат остался лежать на тумбочке. Пока она его надевала, Мауритсон подкрался к двери и приложил ухо к щели. Тихо. Небось стоят и ждут с пистолетами наготове…

Мать подошла к нему и прошептала:

— В чем дело, Филип? Что это за люди?

— Ты давай спровадь их, — повторил он, тоже шепотом. — Скажи, что я уехал за границу.

— Но я уже сказала, что ты дома. Я ведь не знала, что ты не хочешь встречаться с ними.

Мауритсон застегнул пиджак и взял чемодан.

— Уже уходишь, — огорчилась мать. — А я тебе булочки испекла. Любимые, с корицей.

Он резко повернулся к ней

— Какие еще булочки, когда…

Мауритсон не договорил. В спальню из прихожей донеслись голоса.

…Они уже идут за ним. Чего доброго, пристрелят на месте… Он лихорадочно озирался по сторонам, обливаясь холодным потом. Седьмой этаж, в окно не выскочишь, и выход из спальни только один — в прихожую, где его ждут Мальмстрём и Мурен.

Он шагнул к матери, которая растерянно застыла у кровати.

— Ступай к ним! Скажи, что я сейчас выйду. Заведи их на кухню. Предложи булочек. Ну, живее!

Он подтолкнул ее к двери и прижался спиной к стене. Как только дверь за ней закрылась, Мауритсон снова приник ухом к щели. Голоса… Тяжелые шаги… Ближе, ближе… Не пошли на кухню, остановились перед его дверью. И до Мауритсона вдруг дошло, что означает выражение «волосы встали дыбом».

Тишина. Потом что-то звякнуло — словно в пистолет вставили магазин с патронами. Кто-то прокашлялся, раздался требовательный стук, и незнакомый голос произнес:

— Выходите, Мауритсон. Уголовная полиция.

Мауритсон распахнул дверь и, застонав от облегчения, буквально упал в объятия инспектора Хёгфлюгта из Йёнчёпингской уголовной полиции, который стоял с наручниками наготове.

…Через полчаса Мауритсон уже сидел в стокгольмском самолете с большим пакетом булочек на коленях. Он убедил Хёгфлюгта, что никуда не денется, и обошлось без наручников. Задержанный уписывал булочки с корицей, любовался через иллюминатор солнечными пейзажами Эстерьётланда и чувствовал себя совсем неплохо.

Время от времени он протягивал сопровождающему пакет с булочками, но инспектор Хёгфлюгт только тряс головой, сжимая челюсти: он плохо переносил самолеты, и его основательно мутило.

Точно по расписанию, в девять двадцать пять, самолет приземлился на аэродроме Бромма, и через двадцать минут Мауритсон снова очутился в полицейском управлении на Кунгсхольмене. По пути туда он с беспокойством пытался представить себе, что теперь на уме у Бульдозера. Облегчение, испытанное утром, когда его опасения не оправдались и все обошлось так благополучно, испарилось, и на смену ему пришла тревога.

Бульдозер Ульссон нетерпеливо ждал прибытия Мауритсона. Ждали также избранные представители спецгруппы, а именно Эйнар Рённ и Гюнвальд Ларссон; остальные под руководством Коллльберга готовили намеченную на вторую половину дня операцию против шайки Мурена. Сложная операция, естественно, требовала тщательной разработки.

Когда Бульдозеру доложили о находке в бомбоубежище, он от радости чуть не лишился рассудка и ночью от волнения никак не мог уснуть. Он предвкушал великий день: Мауритсон практически у него в руках, Мурена и его сообщников тоже в два счета накроют, как только они явятся в банк на Русенлюндсгатан. Пусть даже не в эту пятницу — уж в следующую наверное. А сегодняшняя операция тогда будет генеральной репетицией. Словом, шайке Мурена недолго осталось гулять на свободе, а там он и до Вернера Руса доберется.

Телефонный звонок нарушил радужные грезы Бульдозера. Он схватил трубку и через три секунды выпалил:

— Сюда его, живо!

Бросил трубку, хлопком соединил ладони и деловито сообщил:

— Господа, сейчас он будет здесь. Мы готовы?

Гюнвальд Ларссон буркнул что-то; Рённ вяло произнес:

— Угу.

Он великолепно понимал, что ему и Гюнвальду Ларссону предназначена роль зрителей. Бульдозер всегда обожал выступать перед публикой, а сегодня у него, бесспорно, бенефис.

Исполнитель главной роли, он же режиссер, раз пятнадцать передвинул стулья других действующих лиц, прежде чем остался доволен. Сам он занял место в кресле за письменным столом; Гюнвальд Ларссон сидел в углу около окна, Рённ — справа от стола. Стул для Мауритсона стоял посреди кабинета, прямо напротив Бульдозера.

Гюнвальд Ларссон ковырял в зубах сломанной спичкой, поглядывая исподлобья на летний наряд Бульдозера: костюм горчичного цвета, сорочка в синюю и белую полоску, галстук — зеленые ромашки на оранжевом поле.

Раздался стук в дверь, и в кабинет ввели Мауритсона. У него и так было нехорошо на душе, а тут он и вовсе скис, видя, какая суровость написана на уже знакомых ему лицах.

Правда, этот рослый блондин — Ларссон, кажется, — с первого дня на него взъелся, а второй, с малиновым носом, должно быть, родился с такой угрюмой рожей, но вот то, что даже Бульдозер, который в прошлый раз был добродушным, как Дед Мороз в сочельник, сейчас глядит на него волком, — это дурной знак…

Мауритсон послушно сел на указанный ему стул, осмотрелся и сказал:

— Здравствуйте.

Не получив ответа, он продолжал:

— В бумагах, которые дал мне господин прокурор, не говорится, что я не должен выезжать из города. И вообще, насколько я помню, у нас такого уговора не было.

Видя, какую мину изобразил Бульдозер, он поспешил добавить:

— Но я, конечно, к вашим услугам, если могу помочь чем-нибудь.

Бульдозер наклонился, положил руки на стол и переплел пальцы. С минуту он молча смотрел на Мауритсона, потом заговорил елейным голосом:

— Вот как, значит, господин Мауритсон к нашим услугам. Как это любезно с его стороны. Да только мы больше не нуждаемся в его услугах, вот именно, теперь наша очередь оказать ему услугу. Ведь господин Мауритсон был не совсем откровенен с нами, верно? И его теперь, разумеется, мучает совесть. Вот мы и потрудились устроить эту маленькую встречу, чтобы он мог спокойно, без помех облегчить свою душу.

Мауритсон растерянно поглядел на Бульдозера:

— Я не понимаю.

— Не понимаете? Может быть, вы вовсе не ощущаете потребности покаяться?

— Я… честное слово, не знаю, в чем я должен каяться.

— Вот как? Ну, а если я скажу, что речь идет о прошлой пятнице?

— О прошлой пятнице?

Мауритсон беспокойно заерзал на стуле. Он поглядел на Бульдозера, на Рённа, опять на Бульдозера, наткнулся на холодный взгляд голубых глаз Гюнвальда Ларссона и потупился. Тишина. Наконец Бульдозер снова заговорил:

— Да-да, о прошлой пятнице. Не может быть, чтобы господин Мауритсон не помнил, чем он занимался в этот день… А? Разве можно забыть такую выручку? Девяносто тысяч — не безделица! Или вы не согласны?

— Какие еще девяносто тысяч? Первый раз слышу!

Мауритсон явно хорохорился, и Бульдозер продолжал уже без елея:

— Ну конечно, вы понятия не имеете, о чем это я говорю?

Мауритсон покачал головой.

— Правда, не знаю.

— Может быть, вы хотите, чтобы я выражался яснее? Господин Мауритсон, вы этого хотите?

— Прошу вас, — смиренно произнес Мауритсон.

Гюнвальд Ларссон выпрямился и с раздражением сказал:

— Хватит представляться! Ты отлично знаешь, о чем речь.

— Конечно, знает, — добродушно подтвердил Бульдозер. — Просто господин Мауритсон ловчит, хочет показать, что его голыми руками не возьмешь. Так уж заведено — поломаться для начала. А может быть, он у нас просто застенчивый?

— Когда стучал на своих приятелей, небось не стеснялся, — желчно заметил Гюнвальд Ларссон.

— А вот мы сейчас проверим. — Бульдозер подался вперед, сверля Мауритсона глазами. — Значит, тебе надо, чтобы я выражался яснее? Хорошо, слушай. Мы отлично знаем, что это ты в прошлую пятницу ограбил банк на Хурнсгатан, и отпираться ни к чему, у нас есть доказательства. Грабеж дело серьезное, да, к сожалению, этим не ограничилось, так что, сам понимаешь, ты здорово влип. Конечно, ты можешь заявить, что на тебя напали, что ты вовсе не хотел никого убивать, но факт остается фактом, и мертвеца не воскресишь.

Мауритсон побледнел, на лбу заблестели капельки пота. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но Бульдозер перебил его.

— Надеюсь, тебе ясно, что в твоем положении юлить не стоит, только хуже будет. У тебя есть один способ облегчить свою участь — перестать отпираться. Теперь понял?

Мауритсон качал головой, открыв рот.

— Я… я не понимаю… о чем вы толкуете. — выговорил он наконец.

Бульдозер встают и заходил по кабинету.

— Дорогой Мауритсон, мое терпение беспредельно, но я не переношу, когда человек глуп как пробка.

По голосу Бульдозера чувствовалось, что даже у беспредельного терпения есть предел.

Мауритсон все так же качал головой, а Бульдозер, важно прохаживаясь перед ним, продолжал вещать:

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно, но могу повторить: нам известно, что ты явился в банк на Хурнсгатан. Что ты застрелил клиента этого банка. Что тебе удалось уйти и

унести с собой девяносто тысяч крон. Это точно установлено, и тебе нет смысла отпираться, только хуже будет. Зато, если ты перестанешь юлить и признаешься, тебе это зачтется — в какой-то мере, конечно. Но одного признания мало, ты должен помочь полиции, рассказать, как все происходило, затем — куда ты спрятал деньги, как ушел с места преступления, кто тебе помогал. Ну, теперь до тебя дошло?

Бульдозер прекратил разминку и снова сел за письменный стол. Откинувшись в кресле, он посмотрел на Рённа, потом на Гюнвальда Ларссона, словно ждал аплодисментов. Но лицо Рённа выражало только сомнение, а Гюнвальд Ларссон ковырял в носу с отсутствующим видом. Образцовый по ясности и психологической глубине монолог не был оценен по достоинству. «Бисер перед свиньями», — разочарованно подумал Бульдозер и снова повернулся к Мауритсону, в глазах которого смешались недоумение и страх.

— Но я тут совершенно ни при чем, — горячо произнес Мауритсон. — О каком таком ограблении вы толкуете?

— Кончай вилять. Сказано тебе — у нас есть доказательства.

— Какие доказательства? Не грабил я никаких банков и никого не убивал. Черт-те что.

Гюнвальд Ларссон вздохнул, поднялся и стал у окна, спиной к остальным.

— С таким, как он, да еще вежливо разговаривать, — процедил он через плечо. — Врезать ему по роже — сразу все уразумеет.

Бульдозер жестом успокоил его.

— Погоди немного, Гюнвальд.

Он уперся в стол локтями, положил подбородок на ладони и озабоченно посмотрел на Мауритсона.

— Ну так как?

Мауритсон развел руками.

— Но ведь я ничего такого не делал. Честное слово! Клянусь!

Лицо Бульдозера по-прежнему выражало озабоченность. Но вот он нагнулся и выдвинул нижний ящик стола.

— Значит, клянешься… И тем не менее я оставляю за собой право сомневаться.

Он выпрямился, бросил на стол зеленую брезентовую сумку и торжествующе уставился на Мауритсона, который глядел на сумку с явным удивлением.

— Да-да, Мауритсон, как видишь, всё налицо.

Он аккуратно разложил на столе содержимое сумки.

— Парик, рубашка, очки, шляпа и, наконец, самое главное — пистолет. Что ты скажешь теперь?

Мауритсон ошалело переводил взгляд с одного предмета на другой, внезапно он изменился в лице и застыл, бледный как простыня.

— Что это… что это значит?.. — Голос его сорвался, он прокашлялся и повторил вопрос.

Бульдозер устало поглядел на него и повернулся к Рённу.

— Эйнар, проверь, пожалуйста, — свидетели здесь?

— Угу, — сказал Рённ, вставая.

Он вышел из кабинета, через несколько минут снова появился в дверях и доложил:

— Угу.

Бульдозер сорвался с места.

— Прекрасно! Сейчас мы придем.

Рённ скрылся, а Бульдозер уложил вещи обратно в сумку и сказал:

— Ну что ж, Мауритсон, тогда пройдем в другой кабинет, устроим небольшой показ моделей. Ты идешь с нами, Гюнвальд?

Он ринулся к двери, прижимая к себе сумку. Гюнвальд Ларссон последовал за ним, грубо подталкивая вперед Мауритсона.

Кабинет, в который они вошли, находился по соседству и мало чем отличался от других служебных помещений уголовной полиции. Письменный стол, стулья, шкафы для бумаг, столик для пишущей машинки. На одной стене — зеркало, оно же окно, через которое можно было наблюдать за всем происходящим из соседней комнаты.

Стоя за этим потайным окном, Эйнар Рённ смотрел, как Бульдозер помогает Мауритсону надеть голубую рубашку, напяливает ему на голову светлый парик, подает шляпу и темные очки. Мауритсон подошел к зеркалу и удивленно воззрился на свое отражение. При этом он глядел прямо в глаза Рённу, и тому даже стало не по себе, хотя он знал, что его не видно.

Очки и шляпа тоже пришлись Мауритсону в самый раз, и Рённ пригласил первого свидетеля — кассиршу из банка на Хурнсгатан.

Мауритсон стоял посреди комнаты, сумка на плече; по команде Бульдозера он начал прохаживаться взад и вперед.

Кассирша посмотрело на него, потом повернулась к Рённу и кивнула.

— Присмотритесь хорошенько, — сказал Рённ.

— Ну конечно, она. Никакого сомнения. Может быть, только брюки были поуже, вот и вся разница.

— Вы совершенно уверены?

— Абсолютно. На сто процентов.

Следующим был бухгалтер банка.

— Это она, — решительно произнес он после первого же взгляда на Мауритсона.

— Вы должны посмотреть как следует, — сказал Рённ. — Чтобы не было никакой ошибки.

Свидетель с минуту глядел, как Мауритсон ходит по комнате. — Она, точно она. Походка, осанка, волосы… могу поручиться. — Он покачал головой. — Жалко, такая симпатичная девушка.

Всю первую половину дня Бульдозер продолжал заниматься Мауритсоном; было уже около часа, когда он прервал допрос, так и не добившись признания. Правда, он не сомневался, что сопротивление Мауритсона скоро будет сломлено, — а впрочем, доказательств и без того достаточно.

Задержанному позволили созвониться с адвокатом, после чего его отправили в камеру предварительного заключения.

В целом Бульдозер был доволен достигнутым, и, наскоро проглотив в столовой рыбу с картофельным пюре, он с новыми силами приступил к следующей задаче — охоте на шайку Мурена.

Колльберг крепко потрудился и сосредоточил крупные силы в двух главных точках, где ожидалось нападение: на Русенлюндсгатан и в окрестностях банка.

Мобильные отряды получили приказ быть наготове, но так, чтобы не привлекать внимания. На случай, если грабителям все же удастся улизнуть, на путях отхода устроили моторизованные засады.

В гараже и на дворе полицейского управления на Кунгсхольмене даже ни одного мотоцикла не осталось, весь колесный транспорт вывели и расположили в тактически важных пунктах города.

Бульдозер в критические минуты будет находиться в управлении, следить по радио за ходом событий и принимать участников ограбления по мере их поимки.

Члены спецгруппы разместились в самом банке и вокруг него. Кроме Рённа, которому поручили патрулировать на Русенлюндсгатан.

В два часа Бульдозер отправился на серой машине «вольво-амазон» проверять посты. В районе Русенлюндсгатан, пожалуй, было заметно обилие полицейских машин, но около банка ничто не выдавало засады. Вполне удовлетворенный увиденным, Бульдозер вернулся на Кунгсхольмсгатан, чтобы ждать решающей минуты.

И вот на часах 14.45. Однако на Русенлюндсгатан все было спокойно. Ничего не произошло и минутой позже у здания полицейского штаба. А после того, как в 14.50 не поступило никаких тревожных сигналов из банка, стало очевидно, что большое ограбление намечено не на эту пятницу.

На всякий случай Бульдозер подождал до половины четвертого, потом дал отбой. Репетиция прошла организованно и успешно.

Он созвал спецгруппу, чтобы тщательно разобрать и обсудить операцию и решить, какие детали требуют исправления и более тщательной отработки: как-никак, в запасе есть еще целая неделя. Однако члены группы пришли к выводу, что никаких осечек не было.

Все участники операции действовали четко.

Никто не нарушил график

В надлежащую минуту каждый находился в надлежащем месте. Правда, ограбление не состоялось, но через неделю акция будет повторена с не меньшей, а то и с большей точностью и эффективностью.

Только бы Мальмстрём и Мурен не подкачали.

Между тем в эту пятницу случилось то, чего опасались больше всего. Начальник ЦПУ вообразил вдруг, что кто-то вознамерился забросать яйцами посла Соединенных Штатов. А может быть, не яйцами, а помидорами, и не посла, а посольство. А может быть, не забросать, а поджечь, и не посольство, а звездно-полосатый флаг.

Тайная полиция нервничала. Она жила в вымышленном мире, кишащем коварными коммунистами, анархистами-террористами и опасными смутьянами, которые подрывали общественные устои, протестуя против ограниченной продажи спиртного и нарушения гармоничного облика города. Информацию о мнимых левых активистах тайная полиция получала от усташей и других фашистских организаций, с которыми охотно сотрудничала.

Начальник ЦПУ нервничал еще больше. Ибо ему было известно то, о чем не проведала тайная полиция. На скандинавском горизонте появился Рональд Рейган.[12] Сей малопопулярный губернатор из США уже прибыл в Данию и позавтракал с королевой. Не исключено, что он нагрянет в Швецию, и нет никакой гарантии, что его визит удастся сохранить в тайне.

Вот почему очередная демонстрация сторонников Вьетнама пришлась как нельзя более некстати. Десятки тысяч людей возмущались бомбежкой дамб и беззащитных деревень Северного Вьетнама, который американцы престижа ради вознамерились вернуть в каменный век, и негодующая толпа собралась на Хакбергет, чтобы принять резолюцию протеста. Оттуда демонстранты намеревались пройти к посольству США и вручить свой протест дежурному привратнику.

Этого нельзя было допустить. Острота ситуации усугублялась тем, что полицеймейстер Стокгольма находился в командировке, а начальник управления охраны порядка — в отпуску.

Тысячи возмутителей спокойствия собрались в угрожающей близости от самого святого здания в городе — стеклянных чертогов американского посольства. В этом положении начальник ЦПУ принял историческое решение: он лично позаботится о том, чтобы

демонстрация прошла мирно, лично увлечет за собой демонстрантов в безопасное место, подальше от звездно-полосатого флага. Безопасным местом он считал парк Хумлегорден в центре города. Пусть прочтут там свою проклятую резолюцию и разойдутся.

Демонстранты были настроены миролюбиво и не стали артачиться. Процессия двинулась по Карлавеген на север.

Для обеспечения операции были мобилизованы все наличные полицейские силы. В числе мобилизованных был и Гюнвальд Ларссон, который, сидя в вертолете, сверху наблюдал шествие людей с лозунгами и флагами. Он отчетливо видел, что сейчас произойдет, однако ничего не мог поделать. Да и зачем?..

На углу Карлавеген и Стюрегатан колонна, движение которой направлял сам начальник ЦПУ, столкнулась с толпой болельщиков — они возвращались с Центрального стадиона, слегка подогретые винными парами и весьма недовольные бесцветной игрой футболистов. То, что было потом, больше всего напоминало отступление наполеоновских войск после Ватерлоо или визит папы римского в Иерусалим. Не прошло и трех минут, как вооруженные дубинками полицейские уже лупили налево и направо болельщиков и сторонников мира. Со всех сторон на ошарашенную толпу напирали мотоциклы и кони. Сбитые с толку демонстранты и любители футбола принялись колошматить друг друга; полицейские под горячую руку дубасили своих коллег, одетых в штатское. Начальника ЦПУ пришлось вызволять на вертолете.

Правда, не на том, в котором сидел Гюнвальд Ларссон, ибо Ларссон уже через несколько минут распорядился:

— Лети скорей, черт дери, лети куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Около сотни человек было арестовано, еще больше — избито. И никто из них не знал, за что пострадал.

В Стокгольме царил хаос.

А начальник ЦПУ по старой привычке дал команду:

— Никакой огласки!..

XXVI

Мартин Бек снова скакал верхом. Пригнувшись над гривой, он во весь опор мчался через поле, в одном строю с конниками в регланах. Впереди стояла царская артиллерия, и между мешками с песком на него смотрело в упор пушечное дуло. Знакомый черный глаз смерти. Вот навстречу ему вылетело ядро. Больше, больше… уже заполнило все поле зрения…

Это, надо понимать, Балаклавский бой.

А в следующую секунду он стоял на мостике «Лайона». Только что «Неутомимый» и «Куин Мэри»[13] взорвались и ушли под воду. Подбежал гонец: «Принцесс Ройял» взлетела на воздух! Битти наклонился и спокойно сказал громким голосом, перекрывшим неистовый грохот битвы: «Бек, что-то неладно сегодня с нашими кораблями, черт бы их побрал. Два румба ближе к противнику!»[14]

Затем последовала обычная сцена с Гарфилдом и Гито, Мартин Бек соскочил с коня, пробежал через здание вокзала и принял пулю на себя. В ту самую секунду, когда он испускал последний вздох, подошел начальник ЦПУ, нацепил на его простреленную грудь медаль, развернул что-то вроде пергаментного свитка и проскрипел: «Ты назначен начальником управления, жалованье по классу Б-3».

Президент лежал ничком, цилиндр катился по перрону. Нахлынула волна жгучей боли, и Мартин Бек открыл глаза.

Он лежал мокрый от пота. Сплошные штампы, один банальнее другого… Гито сегодня опять был похож на бывшего полицейского Эрикссона, Джеймс Гарфилд — на элегантного пожилого джентльмена, начальник ЦПУ — на начальника ЦПУ, а Битти — на свой портрет,

запечатленный на мемориальной кружке в честь Версальского мира: этакий надутый господин в обрамлении лаврового венка. А вообще сон и на этот раз был полон нелепостей и неверных цитат.

Дэвид Битти никогда не командовал: «Два румба ближе к противнику!» Согласно всем доступным источникам, он сказал: «Четфилд, что-то неладно сегодня с нашими кораблями, черт бы их побрал. Два румба влево!»

Правда, суть от этого не менялась, ведь два румба влево в этом случае было все равно что два румба ближе к противнику.

И еще: когда Гито приснился ему в облике Каррадина, он стрелял из пистолета «хаммерли интернешнл». Теперь же, когда он походил на Эрикссона, у него в руке был «деррингер».

Не говоря уже о том, что в Балаклавском бою один только Фицрой Джеймс Генри Сомерсет был в реглане.

В этих снах все шиворот-навыворот.

Мартин Бек поднялся, снял пижаму и принял душ.

Ежась под холодными струями, он думал о Рее.

По пути к метро он думал о своем странном поведении накануне вечером.

Сидя за письменным столом в кабинете на аллее Вестберга, он ощутил вдруг острый приступ одиночества.

Вошел Коллберг, спросил, как он поживает. Затруднительный вопрос. Мартин Бек отделался коротким:

— Ничего.

У Коллберга был совсем задерганный вид, и он почти сразу ушел. В дверях он обернулся.

— Кстати, дело на Хурнсгатан как будто выяснено. И у нас есть все шансы схватить Мальмстрёма и Мурена с поличным. Правда, не раньше следующей пятницы. А как твоя запертая комната?

— Неплохо. Во всяком случае, лучше, чем я ожидал.

— В самом деле? — Коллберг помешкал еще несколько секунд. — По-моему, сегодня ты выглядишь уже бодрее. Ну, всего.

— Всего.

Снова оставшись в одиночестве, Мартин Бек принялся размышлять о Свярде.

Одновременно он думал о Рее.

Он получил от нее гораздо больше, чем рассчитывал, — как следователь, естественно. Целые три нити. А то и четыре.

Свярд был болезненно скуп.

Свярд всегда — ну, не всегда, так много лет — запирался на сто замков, хотя не держал в квартире ничего ценного.

Незадолго перед смертью Свярд тяжело болел, даже лежал в онкологической клинике.

Может быть, у него были припрятаны деньги? Если да, то где? Может быть, Свярд чего-то боялся? Если да, то чего? Что, кроме собственной жизни, оберегал он, запираясь в своей конуре?

Что за болезнь была у Свярда? Судя по обращению в онкологическую клинику — рак. Но если он был обречен, то к чему такие меры защиты?

Может быть, он кого-то остерегался? Если да, то кого?

И почему он переехал на другую квартиру, которая была и хуже, и дороже? Это при его-то скупости.

Вопросы.

Непростые, но вряд ли неразрешимые.

За два-три часа с ними не справишься, понадобятся дни. Может быть, недели, месяцы. А то и годы. Если вообще справишься. Что же все-таки показала баллистическая экспертиза? Пожалуй, с этого следует начать.

Мартин Бек взялся за телефон. Но сегодня у него что-то не ладилось: шесть раз он набирал нужный номер, и четыре раза слышал в ответ: «Минуточку!» — после чего наступала гробовая тишина. В конце концов он все-таки разыскал девушку, которая семнадцать дней назад вскрывала грудную клетку Свярда.

— Да-да, — сказала она, — теперь припоминаю. Звонил тут один из полиции насчет этой пули, всю голову мне продолбил.

— Старший инспектор Рённ.

— Возможно, не помню. Во всяком случае, не тот, который сначала вел это дело, не Альдор Гюставссон. Явно не такой опытный, и все время мямлит «угу» да «угу».

— Ну и что же?

— Ведь я уже говорила вам в прошлый раз, полиция поначалу довольно равнодушно подошла к этому делу. Пока не позвонил этот ваш мямля, никто и не заикался о баллистической экспертизе. Я даже не знала толком, как поступить с этой пулей. Но…

— Да?

— В общем, я решила, что выбрасывать не годится, и положила ее в конверт. Туда же положила свое заключение, по всем правилам. Так, как у нас заведено, когда речь идет о настоящем убийстве. Правда, в лабораторию не стала посылать, я же знаю, как они там перегружены.

— А потом?

— Потом куда-то засунула конверт и, когда позвонили, не могла сразу найти его. Я ведь тут внештатно, у меня даже своего шкафа нет. Но в конце концов я его все-таки отыскала и отправила.

— На исследование?

— У меня нет таких прав. Но если в лабораторию поступает пуля, они, надо думать, исследуют ее, хотя бы речь шла о самоубийстве.

— Самоубийстве?

— Ну да. Я написала так в заключении. Ведь полиция сразу сказала, что речь идет о суициде.

— Ясно, буду искать дальше, — сказал Мартин Бек. — Но сперва у меня к вам будет еще один вопрос.

— Какой?

— При вскрытии вы ничего особенного не заметили?

— Как же, заметила, что он застрелился. Об этом сказано в моем заключении.

— Да нет, я, собственно, о другом. Вы не обнаружили признаков какого-нибудь серьезного заболевания?

— Нет. Никаких органических изменений не было. Правда…

— Что?

— Я ведь не очень тщательно его исследовала. Определила причину смерти, и все. Только грудную клетку и смотрела.

— Точнее?

— Прежде всего сердце и легкие. Никаких дефектов — если не считать, что он был мертв.

— Значит, в остальном возможность болезни не исключается?

— Конечно. Все что угодно — от подагры до рака печени. Скажите, а почему вы так копаетесь? Рядовой случай, ничего особенного…

— В моих вопросах тоже нет ничего особенного.

Мартин Бек закруглился и попробовал разыскать кого-нибудь из сотрудников баллистической лаборатории. Ничего не добился и в конце концов вынужден был позвонить самому начальнику отдела, Оскару Ельму, который пользовался славой выдающегося специалиста по криминалистической технике. И малоприятного собеседника.

— А, это ты, — пробурчал Ельм. — Я-то думал, тебя сделали начальником управления… Видно, не оправдались мои надежды.

— А тебе-то что от этого?

— Начальники управлений сидят и думают о своей карьере. Кроме тех случаев, когда играют в гольф и мелют вздор по телевидению. Уж во всяком случае, они не звонят сюда и не задают пустых вопросов. Ну, что тебе нужно?

— Ничего особенного, баллистическая экспертиза.

— Ничего особенного? А поточнее можно? Нам ведь каждый недоумок какую-нибудь дрянь шлет. Горы предметов ждут исследования, а работать некому. На днях Меландер прислал бак из уборной с садового участка — определите, мол, сколько людей в него испражнялось. А бак полный до краев, его, наверно, два года не чистили.

— Да уж, неприятная история.

Фредрик Меландер прежде занимался убийствами, он много лет был одним из лучших сотрудников Мартина Бека. Но недавно его перевели в отдел краж — видимо надеясь, что он поможет разобраться в царящем там кавардаке.

— Точно, — сказал Ельм. — В нашей работе приятного мало. Если бы кто-нибудь это понимал. Начальник цепу сто лет к нам не заглядывал, а когда я весной попросился к нему на прием, он велел передать, что ближайшее время у него все расписано. Ближайшее время — а сейчас уже июль! Что ты скажешь?

— Знаю, знаю, что у вас хоть волком вой.

— Это еще мягко сказано. — Голос Ельма звучал несколько приветливее. — Ты просто не представляешь себе, что творится. И хоть бы кто посочувствовал нам, добрым словом поддержал. Черта с два.

Оскар Ельм был неисправимый брюзга, зато хороший специалист И он был восприимчив к лести.

— Просто диво, как вы со всем управляетесь, — сказал Мартин Бек.

— Диво? — повторил Ельм совсем уже добродушно. — Это не диво, это чудо. Ну так что у тебя за вопрос по баллистической экспертизе?

— Да я насчет пули, которую извлекли из одного покойника. Фамилия убитого Свярд. Карл Эдвин Свярд.

— Ясно, помню. Типичная история. Диагноз — самоубийство. Патологоанатом прислал пулю нам, а что с ней делать, не сказал. Может, позолотить и отправить в криминалистический музей? Или это послание надо понимать как намек: дескать, отправляйся на тот свет сам, пока не пришили?

— А какая пуля?

— Пистолетная. Пистолет у тебя?

— Нет.

— Откуда же взяли, что это самоубийство?

Хороший вопрос.

Мартин Бек сделал отметку в своем блокноте.

— Какие-нибудь данные можешь сообщить?

— Конечно. Судя по всему, сорок пятый калибр, род оружия — автоматический пистолет. Правда, такие пистолеты разные фирмы делают, но если ты пришлешь гильзу, определим поточнее.

— Я не нашел гильзы.

— Не нашел? А что, собственно, делал этот Свярд после того, как застрелился?

— Не знаю.

— Вообще-то с такой пулей в груди особую прыть не разовьешь, — заметил Ельм. — Ложись да помирай, вот и весь сказ.

— Понятно, — сказал Мартин Бек. — Спасибо.

— За что?

— За помощь. И желаю успеха.

— Попрошу без этих шуточек. — Ельм положил трубку.

Что ж, один вопрос выяснен. Кто бы ни стрелял, сам Свярд или кто-то другой, он действовал наверняка. Сорок пятый калибр гарантирует успех, даже если не попадешь точно в сердце.

Это ясно, а в целом — много ли дал ему этот разговор?

Пуля — это еще далеко не улика, если нет оружия или хотя бы гильзы.

Правда, выяснилась одна важная деталь. Ельм сказал, что пуля от автоматического пистолета сорок пятого калибра, а на его слова можно положиться. Итак, Свярд убит из автоматического пистолета.

А в остальном все непонятно по-прежнему.

Свярд не мог покончить с собой, и никто другой не мог его убить.

…Мартин Бек продолжал поиск.

Он начал с банков, зная по опыту, что на них уйдет уйма времени. Правда, в Швеции не ахти как строго с тайной вкладов, но очень уж много финансовых учреждений, к тому же годовой процент невысок, и мелкие вкладчики предпочитают банки соседних стран, особенно Дании.

Мартин Бек не давал передышки телефону.

Говорят из полиции. По поводу такого-то, проживающего по адресу такому-то или такому-то… личный индекс… Просим сообщить, не открывал ли он у вас личный счет, не было ли у него абонентского ящика.

Вопрос сам по себе несложный, но пока всех обзвонишь… А тут еще пятница и конец рабочего дня. Раньше понедельника-вторника ответов не жди.

Кроме того, надо бы позвонить в больницу, где лежал Свярд, но это дело Мартин Бек сразу отложил на понедельник.

Его рабочий день тоже подходил к концу.

В Стокгольме в это время царил полный хаос, полиция была в истерике, многочисленные толпы — в панике.

Но Мартин Бек об этом не подозревал. В его окно изо всей Северной Венеции было видно только дышащее миазмами шоссе да промышленные комплексы. Словом, вид не более отвратительный и отталкивающий, чем всегда.

В семь часов он все еще сидел в своем кабинете, хотя рабочий день кончился два часа назад и сегодня он больше ничего не мог сделать для следствия.

Наиболее осязаемым итогом дня была метина на указательном пальце правой руки от усердного вращения телефонного диска.

Завершая служебные дела, он поискал в телефонной книге Рею Нильсен. Нашел и уже хотел набрать ее номер, но поймал себя на том, что не знает, о чем ее спросить, во всяком случае по поводу Свярда.

И нечего себя обманывать: служба тут ни при чем.

Просто он хотел убедиться, дома ли Рея, и задать ей только один незатейливый вопрос.

Можно зайти?

Мартин Бек снял руку с аппарата и поставил телефонные книги на место. Потом навел порядок на столе, выбросил ненужные бумажки, аккуратно сложил карандаши.

Все это он делал тщательно, не спеша и ухитрился растянуть уборку чуть ли не на полчаса. И еще полчаса возился с испорченной шариковой ручкой, прежде чем решил, что ее уже не починишь, и выбросил в корзину.

Здание еще не опустело, он слышал, как по соседству двое коллег спорят о чем-то на повышенных тонах.

Его не интересовало, о чем они спорят.

Выйдя на улицу, Мартин Бек зашагал к метро «Мидсоммаркрансен». Ему пришлось довольно долго ждать, прежде чем подошли зеленые вагоны, снаружи очень аккуратные, а внутри изуродованные хулиганами — сиденья изрезаны, ручки оторваны или отвинчены.

В Старом городе он сошел и направился к своему дому.

Дома, надев пижаму, поискал пива в холодильнике и вина в шкафу, хотя знал, что ни того, ни другого нет.

Открыл банку русских крабов и сделал два бутерброда. Откупорил бутылку минеральной воды. Поел. Ужин как ужин, совсем даже неплохой, но уж больно тоскливо сидеть и жевать в одиночестве… Правда, позавчера было точно так же тоскливо, но тогда его это почему-то меньше трогало. Чтобы чем-то заняться, Мартин Бек взял с полки одну из многих еще не прочитанных книг. Это оказалась беллетризованная история битвы в Яванском море, автор Рэй Паркинс. Лежа в постели, он быстро ее одолел и заключил, что книжка плохая. И зачем только ее переводили на шведский? Кстати, какое издательство? «Норстедтс» — странно.

Сэмюэл Элиот Морисон в своей «Войне на двух океанах» на девяти страницах сумел о том же написать куда толковее и ярче, чем Паркинс на двухстах пятидесяти семи.

Засыпая, Мартин Бек думал о макаронах с мясным соусом. И поймал себя на том, что ждет завтрашнего дня с чувством, смахивающим на предвкушение.

А так как чувство это было ничем не оправдано, бессодержательность субботы и воскресенья показалась ему особенно невыносимой. Впервые за несколько лет одиночество превратилось в нестерпимую муку. Дома не сиделось, и в воскресенье он даже совершил прогулку на пароходике до Мариефред, но это не помогло. Он и на вольном воздухе чувствовал себя словно взаперти. Что-то в его жизни крепко не ладилось, и он не хотел больше с этим мириться, как мирился прежде. Глядя на других людей, Мартин Бек догадывался, что многие из них пребывают в таком же тупике, но то ли не осознают этого, то ли не хотят осознавать.

В понедельник утром во сне он опять скакал верхом. Гито был похож на Каррадина и держал в руке автоматический пистолет сорок пятого калибра. А когда Мартин Бек выполнил свой жертвенный ритуал, к нему подошла Рея Нильсен и спросила: «Ты ничего лучшего не мог придумать?» Придя в свой кабинет на аллее Вестберга, он снова взялся за телефон.

Начал с онкологической клиники. И с великим трудом добился ответа, из которого мало что можно было извлечь.

Свярд был госпитализирован в понедельник шестого марта. Но уже на другой день его направили в инфекционное отделение больницы Сёдер.

Почему?

— На этот вопрос теперь не так-то легко ответить, — сказала секретарша, отыскав наконец в регистрационных книгах фамилию Свярда. — Очевидно, случай не по нашему профилю. Истории болезни нет, есть только пометка, что он поступил с направлением от частного врача.

— А что за врач?

— Некий доктор Берглюнд, терапевт. Кстати, вот и направление, только разобрать ничего нельзя, вы же знаете, как врачи пишут. Вдобавок ксерокопия плохая.

— Адрес тоже не разобрать?

— Адрес врача? Уденгатан, тридцать.

— Ну вот видите, что-то все же разобрали.

— Штемпель, — лаконично ответила секретарша.

У доктора Берглюнда автоматический ответчик сообщил, что прием временно прекращен, до пятнадцатого августа.

Ну конечно, доктор в отпуске.

Но Мартина Бека никак не устраивало ждать больше месяца, чтобы узнать, чем болел Свярд.

Он набрал один из номеров больницы Сёдер. Больница эта большая, ее телефоны вечно заняты, и он потратил почти два часа, прежде чем выяснил, что Карл Эдвин Свярд действительно находился в инфекционном отделении в марте месяце, а именно со вторника, седьмого числа, по субботу, восемнадцатого, после чего, судя по всему, отбыл домой.

Но с каким заключением его выписали — здоров?.. Смертельно болен?..

На этот вопрос он никак не мог добиться ответа: заведующий отделением занят, не может подойти к телефону.

Придется опять самому трогаться в путь…

Мартин Бек доехал на такси до больницы и, поблуждав немного, отыскал нужный коридор.

Еще через десять минут он сидел в кабинете человека, коему положено было знать все о состоянии здоровья Свярда.

Это был мужчина лет сорока, небольшого роста, волосы темные, глаза неопределенного цвета — сероголубые с зелеными и светло-коричневыми искорками. Пока Мартин Бек искал в карманах несуществующие сигареты, врач, надев очки в роговой оправе, углубился в бумаги. Десять минут прошло в полном молчании, наконец он сдвинул очки на лоб и посмотрел на посетителя.

— Ну, так. Что же вы хотели узнать?

— Чем болел Свярд?

— Ничем.

С минуту Мартин Бек осмысливал это несколько неожиданное заявление. Потом спросил:

— Почему же он пролежал тут почти две недели?

— Точнее, одиннадцать суток. Мы провели тщательное обследование. Были некоторые симптомы, было направление от частного врача.

— Доктора Берглюнда?

— Совершенно верно. Пациент считал себя тяжело больным. Во-первых, у него были две шишки на шее, во-вторых, в области живота слева — опухоль. Она легко прощупывалась, и, как часто бывает в таких случаях, пациент решил, что у него рак. Обратился к частному врачу, тот нашел симптомы тревожными. Но ведь частные врачи обычно не располагают необходимым оборудованием, чтобы диагностировать такие случаи. Да и не всегда квалификация достаточная. В этом случае был поставлен неверный диагноз, и пациента скоропалительно направили в онкологическую клинику. А там сразу выяснилось, что пациент не прошел обследования, и его перевели к нам. Ну а обследование дело серьезное, надо было взять не один анализ.

— И вывод гласил, что Свярд здоров?

— Практически здоров. Насчет шишек на шее мы сразу его успокоили — обыкновенные жировики, ничего опасного. Опухоль в области живота потребовала более серьезного исследования. Мы, в частности, произвели общую аортографию, рентген всего пищеварительного тракта. А также биопсию печени…

— Это что такое?

— Биопсия печени? Попросту выражаясь, в бок пациента вводят трубочку и отделяют кусочек печени. Кстати, это исследование я сам проводил. Затем взятый образец направили в лабораторию и проверили на раковые клетки. Так вот, ничего похожего мы не нашли. Опухоль оказалась изолированной кистой на колон…

— Простите, как вы сказали?

— На кишке. Словом, киста. Ничего серьезного. Ее можно было удалить хирургическим путем, но мы посчитали, что в таком вмешательстве нет нужды. Пациент не испытывал никаких неудобств. Правда, он утверждал, что у него прежде были сильные боли, но они явно носили психосоматический характер.

Врач остановился, посмотрел на Мартина Бека, как глядят на детей и малограмотных, и пояснил:

— Попросту говоря, самовнушение.

— Вы лично общались со Свярдом?

— Конечно. Я каждый день с ним разговаривал, и перед его выпиской у нас состоялась долгая беседа.

— Как он держался?

— Первое время все его поведение определялось мыслями о мнимой болезни. Он был уверен, что у него неизлечимый рак и дни его сочтены. Думал, что ему осталось жить от силы месяц.

— Что ж, он угадал, — вставил Мартин Бек.

— В самом деле? Попал под машину?

— Застрелен. Возможно, покончил с собой.

Врач снял очки и задумчиво протер их уголком халата.

— Второе предположение кажется мне совсем невероятным.

— Почему?

— Как я уже сказал, перед выпиской Свярда у меня была с ним долгая беседа. Когда он убедился, что здоров, у него словно гора с плеч свалилась. Прежде он был страшно подавленный, а тут совсем переменился, сразу повеселел. Еще до этого мы установили, что его боли исчезают от самых простых средств. От таких таблеток, которые, между нами говоря, вовсе не являются болеутоляющими.

— Значит, по-вашему, он не мог покончить с собой?

— Не такая натура.

— А какая у него была натура?

— Я не психиатр, но на меня он произвел впечатление человека сурового и замкнутого. Персонал жаловался на него — придирается, брюзжит… Но это все проявилось уже в последние дни, после того, как он понял, что у него нет ничего опасного.

Подумав, Мартин Бек спросил:

— Вы не знаете, его здесь никто не навещал?

— Чего не знаю, того не знаю. Вообще-то он говорил мне, что у него нет друзей.

Мартин Бек встал.

— Спасибо. Тогда, пожалуй, все. До свидания.

Он был уже в дверях, когда врач вдруг сказал:

— Кстати, насчет друзей и посещений…

— Да?

— Понимаете, какой-то родственник Свярда — его племянник, звонил как-то во время моего дежурства и справлялся о здоровье дяди.

— И что вы ответили?

— Он позвонил как раз, когда мы закончили обследование. И я сразу обрадовал его, ответил, что Свярд здоров, проживет еще много лет.

— Ну и как он реагировал?

— Судя по голосу, удивился. Очевидно, Свярд не только себя, но и его убедил, что тяжело болен и не выйдет живым из больницы.

— Этот племянник как-то назвался?

— Наверно, но я не запомнил фамилию.

— Я сейчас вот о чем подумал, — сказал Мартин Бек. — Разве не заведено, чтобы пациент сообщал фамилию и адрес кого-нибудь из родных или знакомых на случай…

Он не договорил.

— Совершенно верно. — Врач надел очки. — Сейчас поглядим… Тут должно быть написано. Точно, есть.

— Кто же это?

— Рея Нильсен.

Глубоко задумавшись, Мартин Бек шел через парк Тантулюнден. Его не ограбили, даже не оглушили ударом по голове; правда, в кустах кругом лежало множество пьяниц, очевидно ожидающих, когда кто-нибудь возьмется их опекать.

А задуматься было о чем.

У Карла Эдвина Свярда не было ни братьев, ни сестер.

Откуда же взялся племянник?

У Мартина Бека появился повод наведаться на Тюлегатан, и он направился было туда.

Но, доехав на метро до станции «Центральная», он передумал и, вместо того чтобы сделать пересадку, возвратился на две остановки назад. Выйдя на станции «Слюссен», не спеша побрел по набережной Шеппсбрун. Может быть, сегодня есть на что поглядеть?

Но красивых пароходов не было.

Внезапно он почувствовал, что проголодался. Магазины уже закрылись, пришлось зайти в ресторан. Мартин Бек заказал окорок с гарниром и приступил к еде под градом

любопытных взглядов — иностранные туристы истязали официантов дурацкими вопросами, кто и чем знаменит из присутствующих. Годом раньше о Мартине Беке довольно много писали, но люди быстро забывают, и слава его уже померкла.

Расплачиваясь, он сразу ощутил, что давно не был в ресторане. Ибо за время его вынужденного воздержания и без того баснословные цены подскочили еще выше.

Придя домой, Мартин Бек долго бродил по квартире в отвратительнейшем настроении, прежде чем взял очередную книгу и лег. Книга была недостаточно скучной, чтобы усыпить его, и недостаточно интересной, чтобы прогнать сон. Часов около трех он встал и принял две таблетки снотворного, от чего обычно старался воздерживаться. Быстро уснул и проснулся совсем разбитый, хотя спал дольше обычного и на этот раз обошлось без снов.

Явившись на службу, он начал рабочий день с того, что внимательно проштудировал все свои записи. Этого занятия ему хватило до второго завтрака — чашки чая и двух сухарей.

Перекусив, он сходил в туалет и вымыл руки.

Когда он вернулся в кабинет, зазвонил телефон.

— Комиссар Бек? — спросил мужской голос.

— Да.

— Говорят из Торгового банка.

Голос объяснил, из какого отделения звонят, и продолжал:

— Мы получили запрос относительно клиента по фамилии Свярд, Карл Эдвин Свярд.

— Да, слушаю.

— У нас открыт счет на его имя.

— На счету есть деньги?

— Да, и сумма довольно крупная.

— Сколько?

— Около шестидесяти тысяч. Вообще…

Говорящий замялся.

— Ну, что вы хотели сказать? — подбодрил Мартин Бек.

— Вообще, я бы сказал, счет какой-то странный.

— Бумаги у вас под рукой?

— Конечно.

— Я могу сейчас приехать и взглянуть на них?

— Разумеется. Спросите бухгалтера Бенгтсона.

Мартин Бек был рад немного размяться. Отделение банка находилось на углу Уденгатан и Свеавеген, и, несмотря на оживленное движение, он добрался туда за каких-нибудь полчаса.

Ему отвели столик за стойкой, и, просматривая бумаги, он подумал, что есть все-таки что-то положительное в порядках, позволяющих полиции и прочим властям бесцеремонно копаться в личных делах граждан.

Что верно, то верно: странный счет.

— Обращает на себя внимание тот факт, что клиент предпочел чековый счет, — сказал бухгалтер. — Было бы естественнее выбрать такую форму вклада, которая дает более высокий процент.

Справедливое замечание, но Мартина Бека больше заинтересовала регулярность взносов. Ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон, причем всегда между пятнадцатым и двадцатым числами.

— Насколько я понимаю, — сказал Мартин Бек, — деньги вносились не здесь.

— Совершенно верно, ни одного вклада не сделано у нас. Вот, посмотрите, каждый взнос оформлен в другом отделении, часто даже не нашего банка. Технически это никакой роли не играет, все равно ведь деньги поступают сюда, на счет Свярда. Но постоянная смена касс, похоже, не случайна.

— Вы хотите сказать, что Свярд перечислял деньги сам, но так, чтобы оставаться неизвестным?

— Да… Скорее всего. Когда перечисляешь деньги на свой счет, необязательно указывать фамилию отправителя.

— Но ведь бланк все равно надо заполнять?

— Как когда. Очень часто клиент просто вручает деньги кассиру и просит оформить перевод. Не все умеют бланки заполнять, тогда кассир вписывает фамилию адресата, номер личного счета, расчетный счет. Это предусмотрено правилами сервиса.

— А дальше что?

— Клиент получает копию бланка в качестве квитанции. Когда клиент перечисляет деньги на собственный счет, банк не шлет ему извещения. Вообще уведомления посылают только в том случае, если клиент об этом просит.

— Понятно, а куда попадают оригиналы бланков?

— В наш центральный архив.

Мартин Бек медленно провел пальцем вдоль колонки цифр.

— Свярд ни разу не брал денег со своего счета? — спросил он.

— Нет, и это мне кажется самым странным. Ни одного чека не выписал. А когда я стал проверять, выяснилось, что он даже чековой книжки не брал, во всяком случае последние несколько лет.

Мартин Бек потер переносицу. На квартире Свярда не нашли ни чековой книжки, ни уведомлений, ни копий бланков перечислений.

— Кто-нибудь из здешнего отделения знает Свярда в лицо?

— Нет, мы его никогда не видели.

— Когда открыт счет?

— Судя по всему, в апреле тысяча девятьсот шестьдесят шестого.

— И с тех пор ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон?

— Да. Правда, последний взнос получен шестнадцатого марта сего года. — Заведующий заглянул в свой календарик. — Это был четверг. А в апреле ничего не поступило.

— Это объясняется очень просто, — сказал Мартин Бек. — Свярд умер.

— Что вы говорите… Нас не известили. Обычно в таких случаях к нам обращаются претенденты на наследство.

— Ну, в этом случае претендентов не было.

Чиновник озадаченно посмотрел на него.

— Зато теперь будут, — добавил Мартин Бек. — Всего доброго.

Лучше не задерживаться, пока кто-нибудь не надумал ограбить этот банк. Если при нем произойдет налет, как пить дать привлекут его в спецгруппу.

Откомандируют… Отрядят…

Как бы то ни было, дело повернулось новой стороной. Семьсот пятьдесят крон в месяц, шесть лет подряд! Как говорится, постоянный доход. И поскольку Свярд ничего не расходовал, на таинственном счету накопилась изрядная сумма. Пятьдесят четыре тысячи крон плюс проценты.

Для Мартина Бека это были большие деньги.

Для Свярда, надо думать, и того больше: целое состояние.

Так что Рея была не так уж далека от истины, когда говорила про деньги в матраце. Вся разница в том, что Свярд поступил более рассудительно, в духе времени.

Новый поворот подсказывал и новые пути поиска.

Для начала надо, во-первых, потолковать с налоговыми органами, во-вторых, взглянуть на бланки перечислений, если они и впрямь сохранились.

Налоговое управление не располагало никакими данными о Свярде. Когда речь идет о бедняках, каким его считали, власти ограничиваются утонченной формой эксплуатации, которая выражается в наценке на продовольственные товары и сильнее всего бьет по карману тех, у кого карман и без того самый тощий.

Мартин Бек буквально слышал в телефонной трубке, как налоговый инспектор облизывается при мысли о пятидесяти четырех тысячах крон, оставшихся без хозяина. Уж он найдет способ конфисковать эти деньги, даже если окажется, что Свярд ухитрился нажить их, как выражались когда-то, честным путем — скажем, упорным трудом.

Да только вряд ли эти деньги заработаны честным трудом, а накопить такую сумму при той пенсии, какую получал Свярд, немыслимо.

Так, а что же с бланками перечислений?..

В центральном отделении Торгового банка быстро отыскали двадцать два последних бланка — всего их, если он верно посчитал, было семьдесят два, — и в тот же день Мартин Бек держал в руках заветные бумажки. Все бланки оформлены в разных отделениях, и каждый заполнен другой рукой — несомненно, рукой кассира. Конечно, этих людей можно разыскать и спросить, помнят ли они клиента. Колоссальный труд, который, скорее всего, ничего не даст.

Кто в состоянии вспомнить человека, который много месяцев назад перечислил на свой чековый счет семьсот пятьдесят крон?

Ответ: никто.

…И вот Мартин Бек сидит у себя дома и пьет чай из мемориальной кружки.

Н-да, будь таинственный вкладчик похож на фельдмаршала Хейга, его бы кто угодно запомнил.

Но кто похож на фельдмаршала Хейга? Никто. Ни в одном фильме, ни в одной театральной постановке, даже самой реалистичной, не удалось добиться удовлетворительного сходства.

Мартин Бек снова был не в своей тарелке. Опять душа не на месте, опять муторно, но теперь это отчасти объяснялось тем, что он никак не мог выкинуть из головы служебные дела.

Свярд.

Эта дурацкая запертая комната.

Таинственный вкладчик.

Вот именно, таинственный вкладчик. Кто он? Неужели все-таки сам Свярд?

Нет.

Трудно поверить, чтобы Свярд стал так мудрить.

И невозможно представить себе, чтобы обыкновенный складской рабочий сам додумался завести чековый счет в банке.

Нет, деньги перечислял кто-то другой. По-видимому, мужчина — очень уж сомнительно, чтобы в банк пришла женщина, назвалась Карлом Эдвином Свярдом и сказала, что хочет перечислить семьсот пятьдесят крон на свой чековый счет.

И вообще, с какой стати кто-то переводил Свярду деньги?

Этот вопрос пока что повисал в воздухе.

Кроме того, есть еще одна непонятная фигура.

Загадочный племянник.

Но невидимка номер один — человек, который то ли в апреле, то ли в начале мая ухитрился застрелить Свярда, хотя тот забаррикадировался в запертой изнутри комнате, как в крепости.

А может быть, эти трое неизвестных — на самом деле одно лицо? Вкладчик, племянник, убийца?

Да, есть над чем поломать голову.

Мартин Бек отодвинул кружку и поглядел на часы. Быстро время пролетело — уже половина десятого. Пойти куда-нибудь поздно.

Да и куда идти?

Мартин Бек поставил пластинку Баха и включил проигрыватель.

Потом лег в постель.

Он продолжал размышлять. Если отвлечься от всех пробелов и вопросительных знаков, из того, что уже известно, можно составить версию. Племянник, вкладчик и убийца — один человек. Свярд был мелким шантажистом и шесть лет принуждал этого человека платить ему семьсот пятьдесят крон в месяц, однако из-за болезненной скупости ничего не тратил. Его жертва продолжала платить год за годом, пока не лопнуло терпение.

Представить себе Свярда в роли шантажиста не так уж трудно. Но у шантажиста должны быть какие-то козыри против того, у кого он вымогает деньги.

В квартире Свярда ничего такого не нашли.

Конечно, он мог завести для своих секретов абонентский ящик в банке. Если так, полиция об этом скоро узнает.

Суть в том, что шантажист должен располагать какой-то информацией.

Где мог складской рабочий добыть такую информацию?

Там, где он работал.

Или там, где жил.

Насколько известно, Свярд в общем-то больше нигде и не бывал.

Только дома и на работе.

Но в июне 1966 года Свярд оставил работу. За два месяца до этого на его чековый счет поступил первый взнос.

Стало быть, началось все больше шести лет назад. А чем занимался Свярд после этого?

Когда Мартин Бек проснулся, пластинка все еще крутилась. Может быть, ему что-то и приснилось, но память ничего не сохранила.

Среда, новый рабочий день, и совершенно ясно, с чего он должен начаться.

С прогулки.

Нет, не до метро. В кабинет на аллее Вестберга Мартина Бека не тянуло, и сегодня у него были вполне уважительные причины не являться туда.

Вместо этого он решил побродить по набережным. Сперва — по Шеппсбрун, потом, перейдя мост у Слюссена, свернуть на восток вдоль Стадсгорден.

Он всегда очень любил эту часть Стокгольма. Особенно в детстве, когда у причалов стояли пароходы с товарами из дальних стран. Теперь редко увидишь настоящие океанские корабли, их заменили паромы для любителей выпивки с Аландских островов. Хороша замена… И вымирает старая гвардия докеров и моряков, без которых гавань совсем не та.

Сегодня настроение Мартина Бека заметно отличалось от вчерашнего. Он получал удовольствие от прогулки, шагал быстро, целеустремленно, думая о своем.

Эти упорные слухи о предстоящем повышении… Вот уж некстати. До прискорбной оплошности, допущенной им пятнадцать месяцев назад, Мартин Бек пуще всего на свете боялся такой должности, которая прикует его к письменное столу. Он всегда предпочитал работать, как говорится, на объекте, дорожил возможностью приходить и уходить, когда заблагорассудится.

Мысль о большом кабинете — длинный стол, две картины на стенах (подлинники), вращающееся кресло, мягкие кресла для посетителей, фабричный ковер с длинным ворсом, личный секретарь — эта мысль сегодня страшила его куда больше, чем неделю назад. Не потому, что он наконец поверил слухам, а потому, что он вдруг перестал безразлично относиться к последствиям такого варианта. В конце концов, может быть, не все равно, как сложится его жизнь в дальнейшем…

Полчаса быстрого хода — и вот он у цели.

Старый пакгауз был явно обречен на снос, он не годился для контейнерных перевозок и вообще не отвечал современным требованиям.

Ничего похожего на кипучую деятельность… Закуток для заведующего складом — пуст, стекла, через которые сей начальник некогда наблюдал за работой, — пыльные. Одно и вовсе разбито. Календарь на стене — двухлетней давности.

Рядом с горкой штучного груза стоял электропогрузчик, а позади него Мартин Бек увидел двух работяг, один был в оранжевом комбинезоне, другой в сером халате.

Первый — совсем молодой, другому можно было на вид дать все семьдесят. И скорее всего, ошибиться. Они сидели на пластиковых канистрах, между ними стоял опрокинутый ящик. Младший покуривал, читая вчерашнюю вечернюю газету, старший ничем не занимался.

Рабочие безучастно посмотрели на Мартина Бека; правда, младший выплюнул окурок и растер его каблуком.

— Курить в пакгаузе, — покачал головой старший. — Да знаешь, что тебе за это было бы..

— …раньше, — кисло договорил за него младший. — Так ведь то раньше, а мы живем теперь, или ты этого до сих пор не усек, старый хрыч?

Он повернулся к Мартину Беку.

— А вам что тут надо? Посторонним вход воспрещен. Вон и на двери написано. Или читать не умеете?

Мартин Бек вытащил бумажник и показал удостоверение.

— Легавый, — процедил младший.

Старик ничего не сказал, но уставился в землю и отхаркался, словно для плевка.

— Вы здесь давно работаете?

— Семь дней, — сказал младший. — И завтра конец, уж лучше вернусь на грузовой автовокзал. А вам-то какое дело?

Не дождавшись ответа, парень добавил:

— Здесь скоро вообще всему конец. А дед вот помнит еще времена, когда в этой чертовой развалюхе вкалывало двадцать пять работяг и два десятника покрикивали. За эту неделю он мне об этом раз двести толковал. Верно, дед?

— Тогда он, наверно, помнит рабочего по фамилии Свярд. Карл Эдвин Свярд.

Старик поднял на Мартина Бека мутные глаза.

— А что стряслось? Я ничего не знаю.

Все ясно: из конторы уже передали, что полиция ищет кого-нибудь, кто помнит Свярда.

— Умер он, Свярд, умер, давно похоронили, — ответил Мартин Бек.

— Помер? Вот оно что… Ну тогда я его помню.

— Не заливай, дед, — вмешался парень. — А кого Юханссон на днях расспрашивал? Небось тогда ты ничего не помнил. У тебя паутина в мозгах.

Видно, он решил, что Мартина Бека можно не опасаться, потому что спокойно закурил новую сигарету и продолжал:

— Я вам точно говорю, дед из ума выжил. На следующей неделе увольняют, с Нового года будет пенсию получать. Если доживет.

— У меня с памятью все в порядке, — оскорбленно возразил старик. — И уж кого-кого, а Калле Свярда я хорошо помню. Да только мне никто не говорил, что он помер.

Мартин Бек молча слушал.

— На том свете и фараон тебя не достанет, — философски заключил старик.

Парень встал, взял канистру и зашагал к воротам.

— Скорей бы этот чертов грузовик пришел, — пробурчал он. — А то в этом доме престарелых сам плесенью обрастешь.

Он вышел на солнце и сел там.

— Что за человек он был, этот Калле Свярд? — спросил Мартин Бек.

Старик покачал головой, опять отхаркался и чуть не попал плевком в ботинок Мартина Бека.

— Какой человек? Это все, что тебе надо знать?

— Все.

— А он точно помер?

— Точно.

— В таком случае разрешите доложить, что Калле Свярд был первый подонок во всей этой дерьмовой стране. То есть я другого такого подонка не встречал.

— В каком смысле?

Старик разразился дребезжащим смехом.

— А в любых смыслах. За всю мою жизнь не припомню хуже человека, а ведь я семь морей повидал — йес, сэр. Уж на что этот вот сопляк — тунеядец, а с Калле Свярдом не сравнится. И ведь хорошая профессия наша была, так они ее во что превратили…

Он кивнул в сторону двери.

— Что же в нем такого особенного было, в этом Свярде?

— Особенного? Да уж что верно, то верно — лентяй он был особенный, другого такого мастера отлынивать не сыщешь. А еще скупердяй, каких свет не видел, и никудышный товарищ. От него, хоть бы ты помирал, глотка воды не дождался бы.

Он помолчал, затем плутовато добавил:

— Правда, кое в чем он был молодец.

— Например?

Старик отвел глаза, помялся, потом сказал:

— Например? Да хоть лизать корму начальству. И спихивать на других свою работу. Больным прикидываться. Опять же инвалидность ухитрился вовремя получить, не стал дожидаться, когда его уволят.

Мартин Бек сел на ящик.

— А ведь ты не это хотел сказать.

— Я?

— Да, ты.

— А Калле точно отдал концы?

— Умер. Честное слово.

— Откуда у фараона честное слово… И вообще, негоже покойника охаивать, хотя, по-моему, это не так уж важно, только бы ты с живыми по совести обращался.

— Подписываюсь двумя руками, — сказал Мартин Бек. — Ну так в чем же Калле Свярд был молодец?

— А в том, что знал он, какие ящики разбивать. Но все норовил в сверхурочные часы, чтобы не делиться.

Мартин Бек встал. Так, вот и еще один факт — и наверно, единственный, которым располагает этот старик. Умение разбивать нужные ящики всегда играло важную роль в этой профессии, и тонкости этого дела держались в строгой тайне. Чаще всего страдали при перевозке спиртное, табак и продукты. Ну и, разумеется, всякие мелкие изделия, которые несложно унести и сбыть.

— Ну вот, — сказал старик, — сорвалось с языка. Ладно… Узнал, что надо, — и сразу сматываешься. Давай, всего, приятель.

Карл Эдвин Свярд не пользовался любовью товарищей, но, пока он жил, с ним обращались по совести…

— Всего, — повторил старик. — Счастливого пути.

Мартин Бек уже шагнул к двери и открыл рот, чтобы поблагодарить и попрощаться, но передумал и снова сел на ящик.

— А что, посидим еще, потолкуем?

— Чего-чего? — недоверчиво вымолвил старик.

— Вот только жаль, пива нет. Но я могу сходить.

Старик вытаращил глаза. Унылое выражение сменилось на его лице удивлением.

— Нет, ты правда?.. Потолковать… со мной?

— Ну да.

— Так у меня есть. Пиво есть. Вот, под ящиком, ты на нем сидишь.

Мартин Бек приподнялся, и старик достал из-под ящика две банки пива.

— Плачу? — спросил Мартин Бек.

— Плати, коли хочется. А можно и так.

Мартин Бек протянул ему пятерку и снова сел.

— Так говоришь, по морям плавал, — сказал он. — И когда же ты первый раз в рейс пошел?

— В девятьсот двадцать втором, из Сундсвалля. Судно называлось «Фрам». А фамилия шкипера была Янссон. Ох и злыдень был…

Когда они откупорили по второй банке, вошел водитель электропогрузчика. И сделал большие глаза:

— Вы в самом деле из полиции?

Мартин Бек промолчал.

— Да вас самих не мешало бы привлечь, — заключил парень и опять вышел.

Мартин Бек ушел только через час с лишним, когда к пакгаузу наконец подъехал грузовик.

Этот час не был брошен на ветер. У старых рабочих есть что порассказать, даже странно, что почти никому нет до них дела. Взять хоть этого старика — сколько он повидал и пережил на суше и на море. Вот кого надо приглашать на радио, на телевидение, в газету! Послушали бы политики и технократы таких ветеранов — наверно, удалось бы избежать многих катастрофических просчетов в вопросах труда и охраны среды…

И в деле Свярда появилась еще одна ниточка, которую не мешало бы размотать.

Но сейчас Мартин Бек был не в состоянии этим заниматься. Он не привык выпивать три банки пива на пустой желудок, и последствия уже сказывались — сверлящая головная боль и легкое головокружение.

Ничего, это вполне излечимо.

Около Слюссена он сел на такси и доехал до Центральных бань. Провел четверть часа в сауне, передохнул, добавил еще десяток минут, побарахтался в бассейне с холодной водой и в заключение подремал часок на топчане в своей кабине.

Лечебная процедура произвела желаемое действие, и Мартин Бек был в отличной форме, когда после ленча вошел в контору экспедиторского агентства на набережной Шеппсбрун.

Он понимал, что с его вопросом не приходится рассчитывать на особенную отзывчивость. И не ошибся.

— Повреждения грузов при перевозке?

— Вот именно.

— Конечно, без повреждений не обходится. Вам известно, сколько тонн в год мы обрабатываем?

Риторический вопрос. От него явно хотели поскорее отделаться, но он не собирался отступать.

— Разумеется, теперь, при новой технике, повреждения случаются реже, но зато, если что-то повредят, потери намного больше. Контейнерные перевозки…

Но Мартина Бека не занимали контейнерные перевозки. Ему надо было знать, что могло случиться, когда на складе работал Свярд.

— Шесть лет назад?

— Шесть, семь… Давайте возьмем шестьдесят пятый и шестьдесят шестой годы.

— Вы посудите сами, можем ли мы ответить на такой вопрос? Я вам уже сказал, что в старых пакгаузах повреждения случались чаще. И бывало, что ящики разбивались, но ведь на то и страховка, чтобы покрывать такие потери. С рабочих редко взыскивали. Кого-то иногда приходилось увольнять, не без этого, но в основном временных. И вообще совсем без повреждений обойтись было невозможно.

Мартину Беку не было дела до увольнений. Его интересовало другое: регистрировались ли где-нибудь повреждения грузов с указанием непосредственного виновника.

Конечно, десятник делал соответствующую запись в амбарной книге.

А сохранились амбарные книги за те годы?

Надо думать, сохранились.

Где они могут быть?

В каком-нибудь старом ящике на чердаке. Там невозможно что-нибудь найти. Сейчас ничего не выйдет.

Фирма существовала не один десяток лет, и ее главная контора всегда находилась в этом здании в Старом городе. Так что бумаги впрямь должно было накопиться немало.

Мартин Бек продолжал настаивать, и на него смотрели все более недобрыми глазами. Но это входило в издержки производства. После непродолжительной дискуссии, что понимать под словом «невозможно», было решено, что простейший способ избавиться от настырного гостя — уступить.

На чердак послали молодого человека, который почти сразу вернулся с пустыми руками и удрученным лицом. Мартин Бек отметил, что на пиджаке молодого человека нет даже следов пыли, и вызвался сам сопровождать его в повторной вылазке.

На чердаке было очень жарко, и в солнечных лучах плясали пылинки, но в общем-то ничего страшного, и через полчаса они нашли нужный ящик. Папки были старого типа, картонные, с коленкоровым корешком. На ярлычках — номер пакгауза, год. Всего набралось пять папок с нужным номером и надлежащей датировкой — от второй половины шестьдесят пятого до первой половины шестьдесят шестого года.

Молодой клерк утратил свой опрятный вид, его пиджак просился в химчистку, все лицо было в грязных потеках.

В конторе на папки посмотрели с удивлением и неприязнью.

Нет-нет, никаких расписок не надо, и возвращать папки не обязательно.

— Надеюсь, я не очень много хлопот причинил, — учтиво сказал Мартин Бек.

Когда он удалился, зажав добычу под мышкой, его провожали холодные взгляды.

Да, похоже, его визит не прибавил популярности самому большому в стране бюро услуг — как недавно выразился о полиции начальник ЦПУ, чем привел в немалое замешательство даже собственных подчиненных.

Добравшись до аллеи Вестберга, Мартин Бек первым делом отнес папки в туалет и стер с них пыль. Потом умылся сам, после чего сел за свой стол и углубился в документы.

Когда он приступил, часы показывали три; в пять часов он решил, что можно подвести черту.

Количество обработанных грузов учитывалось ежедневно, и записи были сделаны достаточно аккуратно, но сплошные сокращения мало что говорили непосвященному человеку.

Тем не менее Мартин Бек нашел искомое — разбросанные тут и там пометки о поврежденных грузах. Например: «Поврежден при перевозке 1 ящик мар., грибов, зак. опт. Сванберг, Хювюдстагат. 16, Сульна». Всякий раз был указан род товара и адресат. Но о размерах, роде и виновнике повреждения — ни слова.

В целом повреждений было не так уж много, зато бросалось в глаза явное преобладание в этой рубрике спиртных напитков и продуктов, а также товаров широкого потребления. Мартин Бек тщательно занес в свой блокнот все случаи повреждений с указанием даты. Получилось около полусотни записей.

Закончив работу, он отнес папки в канцелярию и написал на листке бумаги, чтобы их отправили по почте в экспедиторское агентство.

Подумал и приложил к папкам благодарственную записку на бланке полицейского управления: «Спасибо за помощь! Бек».

Идя к метро, он вдруг сообразил, что по его вине агентству прибавится работы. И с удивлением поймал себя на этаком ребяческом злорадстве.

В ожидании зеленого поезда, над которым потрудились хулиганы, Мартин Бек размышлял о современных контейнерных перевозках. Раньше ведь как было: уронил ящик, а потом разбивай бутылки и осторожно сливай коньяк в бидоны или канистры… Со стальным контейнером такой номер не пройдет, зато нынешние гангстерские синдикаты получили возможность провозить контрабандой все что угодно. И делают это повседневно, пользуясь тем, что не поспевающая за прогрессом таможня сосредоточила весь огонь на личном багаже, вылавливая не объявленный в декларации блок сигарет или бутылочку виски.

Подошел поезд. Мартин Бек сделал пересадку на станции «Центральная» и вышел у Торгового училища.

В винной лавке на Сюрбрюннсгатан продавщица подозрительно воззрилась на его мятый пиджак, сохранивший отчетливые следы визита на чердак экспедиторского агентства.

— Пожалуйста, две бутылки красного, — попросил он.

Она живо нажала под прилавком кнопку, соединенную с красной сигнальной лампочкой, и строго потребовала, чтобы он предъявил документ.

Мартин Бек достал удостоверение личности, и продавщица порозовела, как будто оказалась жертвой на редкость глупой и непристойной шутки.

Выйдя из лавки, он взял курс на Тюлегатан, к Рее.

Мартин Бек дернул звонок, потом толкнул дверь. Заперто. Но в прихожей горел свет, поэтому немного погодя он позвонил еще раз.

Она отворила. Сегодня на ней были коричневые вельветовые брюки и какой-то длинный, чуть ли не до колен, лиловый кафтан.

— А, это ты… — кисло протянула она.

— Я. Можно войти?

— Входи, — сказала она, помешкав, и сразу повернулась спиной.

Мартин Бек вошел в прихожую. Рея сделала шаг-другой, потом остановилась. Постояла, понурив голову, вернулась к двери и передвинула «собачку» на замке. Подумала, все-таки заперла дверь и повела гостя на кухню.

— Я захватил две бутылки вина.

— Поставь в буфет, — ответила она, садясь.

На кухонном столе лежали раскрытые книги, какие-то бумаги, карандаш, розовый ластик.

Мартин Бек достал из сумки бутылки и убрал их в буфет. Рея недовольно скосилась на него:

— Зачем такое дорогое?

Он сел напротив нее.

— Опять Свярд? — Она пристально поглядела на него.

— Нет. Хотя годится, как предлог.

— Тебе необходим предлог?

— Ага. Для храбрости.

— А-а… Ладно, тогда давай заварим чай.

Она отодвинула в сторону книги, встала и загремела посудой.

— Вообще-то я думала сегодня вечером позаниматься. Ладно, обойдется. Очень уж муторно одной сидеть. Ты ужинал?

— Нет.

— Вот и хорошо. Сейчас что-нибудь соображу.

Рея положила одну руку на бедро, другой почесала затылок.

— Рис, — заключила она. — То, что надо. Сварю рис, а потом заправлю чем-нибудь, так будет повкуснее.

— Ну что ж, давай.

— Тогда придется тебе потерпеть минут двадцать. А пока чаю попьем.

Она расставила чашки и налила чай. Села, взяла широкими сильными пальцами свою чашку и подула, все еще немного хмуро глядя на него.

— Между прочим, ты угадала насчет Свярда, — сказал Мартин Бек. — У него были деньги в банке. И немалые.

— М-м-м, — отозвалась она.

— Кто-то платил ему семьсот пятьдесят крон в месяц. Как, по-твоему, кто бы это мог быть?

— Не представляю. Он же ни с кем не знался.

— А почему он все-таки переехал?

Она пожала плечами.

— Я вижу только одно объяснение: ему здесь не нравилось. Он ведь со странностями был. Несколько раз жаловался, почему я так поздно запираю подъезд. Будто весь дом только для него.

— Что ж, все верно…

Она помолчала, потом спросила

— Что верно? Ты узнал что-нибудь интересное?

— Не знаю, назовешь ли ты это интересным, — ответил Мартин Бек. — Похоже все-таки, что его кто-то застрелил.

— Странно. Рассказывай.

Она опять загремела посудой, но слушала внимательно, не перебивая, только иногда хмурилась.

Когда Мартин Бек закончил свой рассказ, она расхохоталась.

— Великолепно! Ты не читаешь детективов?

— Нет.

— Я их пачками глотаю, без разбору, и тут же почти все забываю. Но ведь это классический случай. Запертая комната — на эту тему чертова уйма написана. Недавно я прочла… Погоди-ка. Расставь пока тарелки. Там на полке — соус соевый. Накрой так, чтобы приятно было за стол сесть. Я сейчас.

Он приложил все свое старание. Рея вернулась через несколько минут с каким-то журнальчиком, раскрыла его, потом разложила по тарелкам рис.

— Ешь, — распорядилась она. — Пока горячий.

— Вкусно, — сказал он.

— М-м-м… Да, рис удался.

Она живо управилась со своей порцией и взялась за журнальчик.

— Вот, слушай. Запертая комната. Расследование. Три основные версии. — А, Б и В. Версия А: преступление совершено в комнате, которая надежно заперта изнутри, и убийца исчез — в комнате никого не обнаружено. Б: преступление совершено в комнате, которая только кажется наглухо закрытой, а на самом деле есть более или менее хитрый способ выбраться из нее. В: убийца остается в комнате и где-то ловко прячется.

Рея положила себе еще рису.

— Случай В тут вроде отпадает, — продолжала она. — Невозможно прятаться в квартире два месяца, тем более когда у тебя всего полбанки кошачьего корма. Но тут еще

есть куча вариантов. Например, А-5: убийство с помощью животного, или Б-2: убийца не трогает замки и засовы, а снимает дверные петли и входит. Потом привинчивает петли на место.

— Чье это сочинение?

Она поглядела на обложку.

— Какой-то Ёран Сюндхольм написал. Он и других цитирует. Неплохой способ — А-7, сдвиг во времени создает ложную картину. Или вот, А-9: жертва получает смертельную рану в каком-то другом месте, приходит в свою комнату, запирается и только потом умирает. Да ты почитай сам.

Она подала ему журнальчик. Мартин Бек пробежал его глазами и отложил в сторону.

— Кому посуду мыть? — спросила Рея.

Он встал и собрал тарелки.

Она поджала ноги, оперлась пятками на сиденье и обняла колени руками.

— Ты же детектив. Радоваться должен необычному случаю. По-твоему, в больницу звонил загадочный убийца?

— Не знаю.

— А мне кажется, так вполне могло быть.

Он пожал плечами.

— В конце концов все окажется проще простого, — заключила она.

— Наверно.

Слышно было, как кто-то дернул наружную дверь, но звонок молчал, и Рея никак не реагировала.

Это похоже на какую-то систему… Если хочешь, чтобы тебя не беспокоили, запираешь дверь на замок. Но если у человека важное дело, он позвонит. Словом, взаимное уважение и доверие.

Мартин Бек сел.

— Может, продегустируем твое дорогое вино? — спросила она.

Вино и впрямь было приятное. Они помолчали.

— Нравится тебе твоя полицейская служба? — заговорила Рея.

— Как тебе сказать…

— Не хочешь об этом — не будем.

— Кажется, меня задумали сделать начальником управления.

— А тебе не хочется, — заключила Рея.

Подумала немного и спросила:

— Какую музыку ты любишь? У меня есть всякие пластинки.

Они перешли в комнату с проигрывателем и разномастными креслами. Включили музыку.

— Да сними ты пиджак к черту, — сказала Рея. — И ботинки сбрось. Она откупорила вторую бутылку, но теперь они уже наливали неполные бокалы.

— Мне кажется, ты была не в духе, когда я пришел, — заметил он.

— Да нет, ничего.

Она ограничилась этим.

Понятно, холодная встреча была намеренной. Чтобы дать ему понять, что на легкий успех рассчитывать не приходится. Намек дошел, и он видел, что она это знает.

Мартин Бек глотнул еще вина. Давно у него не было так хорошо на душе.

Он хитро посмотрел на надутое лицо Реи.

— Может, нам мозаикой заняться? — неожиданно спросила она.

— У меня дома есть отличный набор, — ответил он. — Лайнер «Куин Элизабет».

Он в самом деле года два назад купил такую мозаику — купил и забыл.

— Захвати в следующий раз. — Она вдруг переменила позу: скрестила ноги и подперла ладонями подбородок. — Кстати, я сейчас вообще не в форме, ты это учти.

Он вопросительно поглядел на нее.

— Сам знаешь, как это бывает у нас, женщин.

Мартин Бек кивнул.

— Скучная у меня личная жизнь, — продолжала она. — А у тебя?

— Совсем никакой, — ответил он.

— Это нехорошо.

Она поставила другую пластинку, они выпили еще вина.

Он зевнул.

— Ты устал, — сказала Рея.

Мартин Бек промолчал.

— А домой идти не хочется, — заключила она. — Так ты и не ходи.

Тут же она добавила:

— Знаешь, я все-таки попробую позаниматься еще немного. Только сброшу эти проклятые брюки. Не нравятся они мне, тесные какие-то.

Она живо разделась, бросая одежду прямо на пол, и надела длинную, до самих ступней, диковинную ночную рубашку из темно-красной фланели.

Мартин Бек с интересом смотрел, как она переодевалась.

Именно такой он себе ее представлял. Плотная, крепкая, стройная фигурка.

Никаких шрамов, родинок и прочих особых примет.

— Прилег бы, — сказала она. — У тебя вид совсем измотанный.

Мартин Бек послушался. Он в самом деле был измотан и почти тотчас уснул. Рея сидела за столом, склонив голову над книгами.

Когда он снова открыл глаза, она стояла около кровати:

— Проснись, уже двенадцать. Есть хочу до смерти. Сходишь, запрешь подъезд? А я пока горячий бутерброд приготовлю. Ключ висит на дверном косяке слева на зеленом шнурке.

XXVII

Мальмстрём и Мурен совершили налет в пятницу, четырнадцатого июля. Ровно без четверти три они вошли в банк — в оранжевых комбинезонах, масках «Фантомас» и резиновых перчатках.

Они держали в руках свои крупнокалиберные пистолеты, и Мурен первым делом пустил пулю в потолок. Чтобы присутствующим было понятно, о чем идет речь, он затем крикнул на ломаном шведском языке:

— Ограбление!

Хаузер и Хофф были в обычных костюмах, только лицо скрывал черный капюшон с прорезями для глаз. Хаузер был вооружен автоматом. Хофф — куцым дробовиком «марица». Они стояли в дверях, прикрывая пути отхода к машинам.

Хофф поводил стволом обреза, чтобы не совались посторонние; Хаузер, как предусматривал план, занял тактически выгодную позицию, которая позволяла ему держать под прицелом и прилегающую часть тротуара, и кассовый зал.

Тем временем Мальмстрём и Мурен методично опорожняли кассы.

Все шло по плану с точностью изумительной.

Пятью минутами раньше в южной части города, возле гаража на Русенлюндсгатан взорвался какой-то старый рыдван. Сразу после взрыва послышались беспорядочные выстрелы и загорелась постройка по соседству. Виновник всей этой суматохи, подрядчик А, вышел проходными дворами на другую улицу, сел в свою машину и покатил домой.

Ровно через минуту после взрыва в подворотню полицейского управления въехал задним ходом мебельный фургон, причем въехал наискось и плотно застрял. Из фургона высыпались коробки с ветошью, которая была пропитана горючей смесью и тотчас вспыхнула ярким пламенем.

А подрядчик Б в это время невозмутимо шагал по тротуару, удаляясь от места происшествия, словно его ничуть не касался этот сумбур.

Словом, все шло как по-писаному. Предусмотренные планом акции выполнялись досконально и точно по расписанию.

С точки зрения полиции, события в общем и целом тоже развивались так, как было предусмотрено, это относилось и к последовательности акций, и к срокам.

Если не считать одной небольшой закавыки.

Мальмстрём и Мурен провели налет не в Стокгольме.

Они ограбили банк в Мальмё.

Пер Монссон, старший инспектор уголовной полиции Мальмё, пил кофе в своем кабинете. Его окно выходило во двор полицейского управления, и инспектор чуть не подавился сдобой, когда в подворотне что-то ухнуло и заклубился густой дым. Одновременно Бенни Скакке, подающий надежды молодой сотрудник, который, сколько ни усердствовал, никак не мог продвинуться дальше простого инспектора, распахнул дверь его кабинета и крикнул, что принят сигнал тревоги. На Русенлюндсгатан произведен взрыв, идет жуткая перестрелка, горит по меньшей мере одна постройка.

Хотя Скакке четвертый год жил в Мальмё, он никогда не слышал о такой улице и не представлял себе, где она находится. Зато Пер Монссон знал родной город как свои пять пальцев, и ему было невдомек, с чего это вдруг кому-то понадобилось устраивать взрыв в глухом закоулке тихого городского района, известного под названием Софьина Роща.

Впрочем, ни ему, ни его коллегам не пришлось долго раздумывать. Не успело начальство распорядиться, чтобы личный состав выезжал к месту происшествия, как само полицейское управление подверглось атаке, и, когда разобрались что к чему, оказалось, что весь тактический резерв заперт во дворе. Так что сотрудники добирались до Русенлюндсгатан на такси или на собственных машинах, не оборудованных радиотелефоном.

Монссон прибыл туда в семь минут четвертого. К этому времени расторопные пожарники уже справились с огнем; устроенный неизвестным поджигателем пожар причинил незначительные повреждения пустому гаражу. Направленные в район взрыва крупные полицейские силы не обнаружили ничего особо подозрительного, если не считать искореженного драндулета. А через восемь минут один из моторизованных патрулей услышал по своему приемнику донесение о том, что ограблен банк в деловом центре города.

Мальмстрём и Мурен к этой минуте успели покинуть Мальмё. Кто-то видел, как от банка отъехал синий «фиат». Погони не было, и через несколько минут приятели разделились, сев каждый в свою машину.

Как только полиции наконец удалось навести порядок в собственном доме, избавившись от фургона и горящих коробок, город был закрыт. Полицейские силы всей страны были брошены на розыск синего «фиата».

Его нашли через три дня в одном из сараев Восточной гавани Мальмё; в машине лежали комбинезоны, маски «Фантомас», резиновые перчатки, пистолеты и разная дребедень.

Хаузер и Хофф честно отработали щедрый гонорар, помещенный на чековые счета их жен. Они удерживали позицию у входа в банк почти десять минут после того, как укатили Мальмстрём и Мурен, и отошли только тогда, когда вдали показались первые полицейские — два пеших патруля, весь опыт которых сводился к перебранкам со школьниками, распивающими слабое пиво в общественных местах. Вооруженные портативными радиостанциями, они не пощадили своих голосовых связок, да только некому было оценить их усилия, потому что в эти минуты чуть не все полицейские города Мальмё кричали в свои микрофоны — и почти никто не слушал.

Хаузеру вопреки всем, в том числе и его собственным, расчетам даже удалось благополучно уйти; через Хельсингборг и Хельсинтёр он без помех покинул страну.

А вот Хофф попался — попался из-за странной оплошности. Без пяти четыре он поднялся на борт железнодорожного парома «Мальмёхюс», одетый в серый костюм, белую сорочку с галстуком и черный ку-клукс-клановский капюшон. Проклятая рассеянность…

Портовая охрана и таможенники пропустили его, полагая, что на пароме происходит не то маскарад, не то мальчишник, но у команды он вызвал подозрение, и по прибытии в Копенгаген Хоффа сдали пожилому датскому полицейскому, который от удивления чуть не выронил бутылку с пивом, когда задержанный кротко выложил на стол тесной дежурки два заряженных пистолета, плоский штык и ручную гранату с вставленным запалом. Впрочем, безоружный датчанин быстро опомнился и совсем повеселел, когда выяснилось, что фамилия арестованного совпадает с названием фирмы, производящей превосходное пиво.

Помимо билета до Франкфурта, Хофф имел при себе деньги, а именно сорок немецких марок, две датские десятки и три кроны тридцать пять эре в шведской валюте.

За вычетом этой суммы потери банка составили только два миллиона шестьсот тринадцать тысяч четыреста девяносто шесть крон и шестьдесят пять эре.

Странные вещи происходили в это время в Стокгольме.

И самое сногсшибательное приключение выпало на долю Эйнара Рённа.

Ему выделили шестерых полицейских и поручили относительно скромную задачу: держать под наблюдением Русенлюндсгатан и схватить подрядчика А. Поскольку улица довольно длинная, он постарался целесообразно распределить свои немногочисленные силы. Двое на машине составили мобильный отряд, остальные четверо заняли стратегические пункты.

Бульдозер Ульссон велел ему действовать спокойно, главное — не терять голову, что бы ни произошло.

Без двадцати двух минут три Эйнар Рённ стоял как раз напротив кафе «Бергсгрюван». Ничто не омрачало его настроения, когда к нему подошли два юнца — такие же неопрятные, как большинство прохожих на стокгольмских улицах в наши дни.

— Дай закурить, — сказал один из них.

— Угу, так ведь нет у меня сигарет, — миролюбиво ответил Рённ.

Миг — и он увидел стилет, нацеленный ему прямо в живот, а в опасной близости от его головы закачалась велосипедная цепь.

— Ну ты, треска вонючая, — процедил юнец со стилетом. И бросил своему приятелю: — Тебе бумажник. Мне часы и кольцо. Потом пырнем старичка.

Рённ никогда не слыл мастером джиу-джитсу или карате, но кое-какие приемы все-таки помнил.

Он ловко сделал подсечку парню с ножом, который удивленно приземлился на пятую точку. Однако следующий прием Рённу удался хуже. Он уклонился в сторону, но

недостаточно быстро, и цепь ударила его повыше правого уха так, что в глазах потемнело. Тем не менее, падая, он ухитрился повалить на тротуар и второго грабителя.

— Ну, дед, заказывай панихиду, — прошипел юнец со стилетом.

В эту самую минуту к месту происшествия подоспел мобильный отряд, и, когда в голове у Рённа прояснилось, полицейские уже успели избить лежачих лиходеев дубинками и пистолетами и заковать их в наручники.

Парень с велосипедной цепью первым пришел в себя, осмотрелся кругом, вытер кровь со лба и недоуменно спросил:

— Что произошло?

— А то, паренек, что ты на засаду нарвался, — объяснил ему один из полицейских.

— Полицейская засада? Против нас? Да вы что? Из-за какой-то тухлой трески?

У Рённа снова выросла шишка на голове — правда, это был единственный физический урон, который понесла спецгруппа в этот день; психологические травмы не в счет.

В оснащенном по последнему слову техники сером автобусе оперативного центра Бульдозер Ульссон выделывал замысловатые антраша от нетерпения, чем немало затруднял работу не только радисту, но и руководившему этой частью операции Колдьбергу.

Без четверти три напряжение достигло кульминации, потянулись нестерпимо долгие секунды.

В три часа служащие банка заявили, что пора закрывать, и сосредоточенным в зале полицейским силам во главе с Гюнвальдом Ларссоном оставалось лишь покориться.

Тяжкое чувство опустошенности овладело всеми, только Бульдозер Ульссон сказал:

— Господа, это временная неудача. А может быть, никакой неудачи и нет. Просто Рус проведал, что мы что-то проведали, и рассчитывает взять нас измором. Он пошлет Мальмстрёма и Мурена на дело в следующую пятницу, ровно через неделю. Фактически потеря темпа у него, а не у нас.

Первые тревожные сигналы поступили в половине четвертого. Причем настолько тревожные, что спецгруппа тотчас отступила в штаб на Кунгсхольмене, чтобы оттуда следить за ходом событий. В ближайшие часы телексы безостановочно отстукивали новые сообщения.

Мало-помалу картина прояснялась.

— Очевидно, слово Милан означало не то, что ты думал, — сухо сказал Колльберг.

— Не то, — согласился Бульдозер. — Мальмё… Вот ловкачи!

Удивительное дело: он уже целый час не метался, а тихо сидел на месте.

— Кто бы мог знать, что и в Мальмё есть такая улица, — проворчал Гюнвальд Ларссон.

— И что почти все новые отделения банков строят по одному чертежу, — добавил Колльберг.

— Мы должны были знать это, господа! — воскликнул Бульдозер. — Рус знал. Зато теперь мы будем начеку. Совсем забыли про рационализацию. Одинаково строить дешевле. Рус привязал нас к Стокгольму. Но в другой раз он нас не проведет. Главное, не сидеть сложа руки.

Бульдозер встал; он явно воспрянул духом.

— А где сейчас Вернер Рус?

— В Стамбуле, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Отдыхает там, у него несколько свободных дней.

— Так, — произнес Колльберг. — Хотел бы я знать, где отдыхают Мальмстрём и Мурен?

— Это не играет никакой роли. — Бульдозер все больше воодушевлялся. — Легко добыто — легко прожито. Скоро они опять появятся здесь. И уж тогда на нашей улице будет праздник.

— Как же, жди, — буркнул Колльберг.

Итак, туман развеялся совсем. И день был на исходе. Мальмстрём успел уже расположиться в гостиничном номере в Женеве, который заказал еще три недели назад.

Мурен находился в Цюрихе, но собирался завтра же двигаться дальше, в Южную Америку.

В сарае, у которого они пересаживались в другие машины, им удалось перекинуться лишь несколькими словами.

— Ты уж смотри, не выбрасывай заработанные тяжким трудом гроши на трусы и недостойных женщин, — наставительно произнес Мурен.

— Жуть какой куш отхватили, — отозвался Мальмстрём. — Что будет делать с деньгами?

— В банк положим, что же еще, — ответил Мурен.

В один из ближайших дней в отеле «Хилтон Истанбул», сидя в баре и потягивая коктейль «дайкири», Вернер Рус читал «Геральд трибюн».

Впервые сей разборчивый орган печати удостоил его своим вниманием. Короткая заметка, лаконичный заголовок: «Ограбление банка по-шведски».

Сообщались основные факты, в частности выручка налетчиков. Около полмиллиона долларов.

И второстепенная деталь:

«Представитель шведской полиции заявил сегодня, что организаторы ограбления известны».

Чуть пониже — еще одна телеграмма из Швеции:

«Массовый побег. Пятнадцать самых матерых грабителей бежали сегодня из тюрьмы Кумла, считавшейся абсолютно надежной».

Бульдозера Ульссона эта новость застигла в ту самую минуту, когда он впервые за много недель лег спать в супружескую постель. Он тотчас вскочил и забегал по спальне, упоенно твердя:

— Какие возможности! Какие сказочные возможности! Теперь пойдет война не на жизнь, а на смерть!

XXVIII

В пятницу Мартин Бек явился в дом на Тюлегатан в четверть шестого с бутылкой вина в руке и мозаикой под мышкой. На первом этаже ему встретилась Рея. Одетая только в длинный лиловый кафтан, она громыхала по ступенькам красными сабо, держа в руках по сумке с мусором.

— Привет, — поздоровалась она. — Хорошо, что ты пришел. Я тебе кое-что покажу.

— Давай я возьму сумки, — предложил он.

— Зачем, это мусор. Да у тебя и без того руки заняты. Это и есть та мозаика?

— Ага.

— Очень хорошо. Откроешь мне?

Мартин Бек распахнул дверь на двор, и Рея направилась к мусорным контейнерам. Он провожал ее взглядом. Ноги, как и фигура, — крепкие, мускулистые, ладные. Хлопнув крышкой контейнера, она сразу повернулась и побежала обратно. Бежала по-спортивному, слегка наклонив голову, уверенно и легко.

И по лестнице она поднималась почти бегом, он еле поспевал за ней.

На кухне за чашкой чая сидели двое — девушка по имени Ингела и другая, которой он еще не видел.

— Ну, что ты мне хотела показать?

— Сию минуту, — сказала Рея. — Пошли.

Мартин Бек пошел за ней.

Она показала на одну из дверей, выходящих в прихожую.

— Вот, прошу. Запертая комната.

— Детская?

— Точно. В ней никого нет, и заперто изнутри.

Он пристально поглядел на нее. Какая она сегодня бодрая и веселая…

Рея рассмеялась — у нее был чуть хрипловатый сердечный смех.

— Дверь запирается изнутри на крючок. Я сама его привинтила. Чтобы ребята могли уединяться, когда захотят..

— Но ведь их дома нет.

— Фу, дурачок! Я там убиралась, пылесосила, а когда кончила уборку, захлопнула дверь — и перестаралась. Крючок подскочил и упал в петлю. Теперь не откроешь.

Он подергал дверь. Правда, не поддается.

— Сам крючок — на двери, — объяснила она, — а петля на косяке. Крепко привинчены.

— Ну и как же теперь открыть?

Она пожала плечами:

— Видно, силу применить придется. Действуй. Как говорится, для таких вещей и держат мужчину в доме.

Наверно, у него был на редкость глупый вид, потому что она опять рассмеялась. Потом быстро погладила его по щеке и сказала:

— Ладно, Бог с ней. Сама справлюсь. Но как бы то ни было, вот перед тобой запертая комната. Не знаю только, какой вариант.

— А нельзя что-нибудь в щель просунуть?

— Щели-то нет. Я же тебе говорю, сама крючок ставила. Сработано на совесть.

Она была права: дверь решительно не поддавалась.

Рея взялась за ручку, сбросила правый башмак и уперлась в косяк ступней.

— Нет уж, постой, — вмешался он. — Лучше я.

— Давай, — уступила она и пошла на кухню к своим гостям.

Мартин Бек некоторое время присматривался к двери. Потом поступил так же, как Рея, — уперся ногой в косяк и взялся за ручку. Она была старая, добротная и производила вполне надежное впечатление.

В самом деле, другого способа нет. Разве что выбить шплинты из петель.

Сначала он дернул вполсилы, но во второй раз рванул уже как следует. Только на пятый раз его усилия увенчались успехом — винты поддались с жалобным скрипом, и дверь распахнулась.

Не выдержали шурупы, крепившие крючок, а петля сидела на месте, словно впаянная в косяк. Она была отлита заодно с опорной пластиной; в пластине — четыре дырки для шурупов.

Крючок даже не выскочил из петли — широкий, несгибаемый, видно стальной.

Мартин Бек осмотрелся в детской. Комната пуста, окно заперто…

Теперь, чтобы действовал запор, надо передвинуть крючок и петлю на несколько сантиметров. Вокруг старых дырок вся древесина измочалена.

Он вышел на кухню, там оживленно беседовали о геноциде во Вьетнаме.

— Рея, — сказал Мартин Бек. — Где инструмент?

— Вон там, в сундучке.

Ее руки были заняты — Рея делилась с гостьей секретами вязания, — и она показала ногой.

Он разыскал отвертку и шило, но она остановила его:

— Небось не срочно. Возьми себе чашку и садись с нами. Погляди, каких булочек Анна напекла.

Он сел и принялся за свежую булочку, рассеянно слушая их беседу, но затем в мозгу его будто включился магнитофон, который воспроизводил совсем другой разговор, происходивший одиннадцать дней назад.

Разговор в одном из коридоров Стокгольмского городского суда, состоялся во вторник, 4 июля 1972 года.

Мартин Бек: Значит, вы выбили шплинты из петель, открыли дверь, а потом вошли в квартиру?

Кеннет Квастму: Ну да.

Мартин Бек: Кто вошел первым?

Кеннет Квастму: Я вошел. Кристианссона мутило от запаха.

Мартин Бек: Что ты сделал, когда вошел? Поточнее.

Кеннет Квастму: Вонь стояла жуткая. В комнате было мало света, но я увидел на полу труп, метрах в двух-трех от окна.

Мартин Бек: Дальше? Постарайся вспомнить все подробно.

Кеннет Квастму: В комнате нечем было дышать. Я обошел вокруг тела и подошел к окну.

Мартин Бек: Окно было закрыто?

Кеннет Квастму: Да. И штора спущена. Я хотел ее поднять — не поддалась. Пружина была сорвана. Но ведь надо было открыть окно, чтобы проветрить.

Мартин Бек: Ну и что же ты сделал?

Кеннет Квастму: Просто отодвинул штору в сторону и распахнул окно. Потом мы скрутили штору и наладили пружину. Но это уже потом.

Мартин Бек: Окно было заперто?

Кеннет Квастму: Ага, во всяком случае, одна щеколда была надета на крюк. Я поднял ее и открыл окно.

Мартин Бек: Ты не помнишь, какая это была щеколда — верхняя или нижняя?

Кеннет Квастму: Точно не скажу: По-моему, верхняя. Насчет нижней сейчас не припомню. Кажется, я ее тоже открыл… нет, не помню.

Мартин Бек: Но ты уверен, что окно было заперто изнутри?

Кеннет Квастму: Конечно, уверен. На сто процентов.

Рея легонько толкнула Мартина Бека ногой.

— Кому говорят, возьми еще булочку.

— Рея, у тебя есть хороший фонарик? — спросил он.

— Есть. В чуланчике, на гвозде висит.

— Можно его взять на время?

— Конечно, возьми.

— Мне надо уйти сейчас. Но я быстро вернусь и починю дверь.

— Отлично, — сказала она. — Пока.

— Пока, — эхом откликнулись ее подруги.

— Пока, — ответил Мартин Бек.

Он взял фонарик, вызвал по телефону такси и проехал прямо на Бергсгатан. Несколько минут постоял на тротуаре, глядя через улицу на окно на третьем этаже.

Потом повернулся. Перед ним возвышался поросший кустарником, крутой каменистый склон Крунубергского парка.

Мартин Бек стал карабкаться вверх по склону, пока не поравнялся с окном. Промежуток составлял от силы двадцать пять метров. Достав из грудного кармана шариковую ручку, он прицелился в темный прямоугольник окна. Штора была спущена; до особого распоряжения полиция запретила негодующему домовладельцу сдавать квартиру.

Мартин Бек сделал несколько шагов в одну, в другую сторону, пока не нашел наилучшее положение. Он не считал себя метким стрелком, однако не сомневался, что, будь у него в руке вместо шариковой ручки автоматический пистолет сорок пятого калибра, он сумел бы попасть в человека, стоящего в этом окне.

И остаться при этом незамеченным. Конечно, в середине апреля листва пожиже, но и то можно притаиться так, что на тебя не обратят внимания.

В это время дня еще достаточно светло, но и поздно вечером уличное освещение, наверное, позволяет различить окно. К тому же в темноте легче укрыться в кустах.

А вот стрелять без глушителя было бы рискованно.

Он еще раз проверил, какое место лучше всего для стрельбы, и приступил к поискам.

Прохожих было немного, и каждый останавливался, услышав возню на склоне. Остановятся на секунду-другую и тут же спешат дальше, боясь нарваться на неприятности.

Мартин Бек искал продуманно. Начал справа — почти все автоматические пистолеты выбрасывают гильзу вправо, однако дальность и направление различаются. Дело это было достаточно кропотливое. Местами пришлось пускать в ход фонарик.

Но Мартин Бек не сдавался, он с самого начала настроился искать долго.

Он нашел гильзу через час сорок минут. Она застряла между двумя камнями — исцарапанная, грязная. С весны прошел не один дождь. И собаки тут бродили, да и люди, наверно, топали в поисках подходящего места, чтобы нарушить закон и порядок, распивая пиво в общественных местах.

Мартин Бек извлек латунный цилиндрик из щели, обернул носовым платком и сунул в карман.

Потом пошел по Бергсгатан налево. Около ратуши поймал такси и доехал до криминалистической лаборатории. Правда, рабочий день кончился, но Мартин Бек рассчитывал на то, что теперь почти всюду можно застать людей, работающих сверхурочно.

Он не ошибся, однако ему пришлось изрядно поторговаться, чтобы его находку хотя бы приняли.

В конце концов он настоял на своем, положил гильзу в пластиковую коробку и тщательно заполнил карточку.

— И конечно же, это безумно срочно, невозможно терпеть, — сказал лаборант.

— Да нет, — ответил Мартин Бек. — Совсем не срочно. Будет время — поглядите, если не трудно.

Он сам еще раз посмотрел на гильзу. Смятая, грязная, неказистая — много ли от нее проку…

— За такие слова, ей-богу, нарочно поскорее сделаю, — сказал лаборант. — А то ведь только и слышишь: «Срочно, спешно, каждая секунда дорога!»

Было уже довольно поздно, и Мартин Бек решил сперва позвонить Рее.

— Привет, — отозвалась она. — Я одна дома, гости ушли. Подъезд заперт, но я сброшу тебе ключ.

— Я починю крючок.

— Уже сделано. А ты управился со своими делами?

— Ага.

— Вот и хорошо. Значит, жду тебя через полчаса.

— Около того.

— Покричи снизу.

Он приехал в начале двенадцатого и посвистел.

Пришлось немного подождать, зато Рея спустилась сама — босая, в красной ночной рубашке.

Войдя на кухню, она спросила:

— Ну что — пригодился фонарик?

— Ага, еще как.

— Выпьем вина? Кстати, ты ужинал?

— Нет.

— Безобразие. Я что-нибудь приготовлю. Это недолго. Ты изголодался.

«Изголодался». Да, пожалуй.

— Как там со Свярдом?

— Начинает проясняться.

— Правда? Расскажи. Я жутко любопытная.

В час ночи бутылка опустела.

Рея зевнула.

— Да, между прочим, завтра я уезжаю. Вернусь в понедельник. А может, только во вторник.

Он открыл рот, чтобы сказать: «Ну я пошел».

— Тебе не хочется идти домой, — опередила она его.

— Не хочется.

— Так оставайся.

Он кивнул. Она продолжала:

— Только учти, со мной рядом спать — не сахар. Я без конца ворочаюсь, даже во сне.

Он разделся и лег.

— Ну что — снять мою роскошную хламиду? — спросила она.

— Сними.

— Ладно.

Она разделась и легла рядом с ним.

— Увеселений не будет.

Он подумал, что вот уже два года, как спит один.

— Здорово устал?

Мартин Бек промолчал. От нее исходило ласковое тепло.

— Опять до мозаики руки не дошли, — сказала Рея. — Ничего, на следующей неделе.

Он быстро уснул.

XXIX

В понедельник утром Мартин Бек явился на работу, напевая какую-то песенку, чем немало поразил встретившегося ему в коридоре служащего. Он отлично себя чувствовал оба выходных дня, хотя и провел их в одиночестве. Давно у него не было так хорошо на душе, сразу и не припомнишь — когда. Разве что в канун Иванова дня в 1968 году.

Кажется, вторгаясь в запертую комнату Свярда, он в то же время вырывается на волю из своего собственного заточения?

Он положил перед собой выписки из амбарных книг, отметил галочками фамилии, которые по датам подходили больше всего, и взялся за телефон.

Перед страховыми обществами стоит ответственная задача, а именно: зашибить возможно больше денег, посему люди у них трудятся, как каторжные. И по той же причине они содержат документацию в образцовом порядке, а то ведь, чего доброго, надует кто-нибудь, оставит без барыша.

Вообще-то спешка и гонка в наши дни стала чуть ли не самоцелью.

«Это невозможно, у нас нет времени».

Против этого есть разные приемы. Например, тот, к которому он прибег в пятницу в криминалистической лаборатории. Или другой: сделать вид, что твое дело — самое спешное. Такой трюк сходит, когда ты представляешь государственное учреждение. Правда, в пределах своего ведомства это сложнее, но есть люди, на которых слово «полиция» производит впечатление.

«Это невозможно, у нас нет времени. А вам срочно?»

«Чрезвычайно срочно. Вы обязаны сделать это».

«Но у нас нет времени».

«Кто ваш непосредственный начальник?»

И так далее.

Добившись ответа на очередной вопрос, он делал пометку в блокноте. Возмещение выплачено. Дело урегулировано. Держатель страховки скончался прежде, чем был произведен расчет.

Мартин Бек продолжал звонить и выспрашивать. Конечно, не везде ему сопутствовала удача, но все же на полях блокнота появилось уже довольно много пометок.

При восьмом разговоре его вдруг осенило:

— А что происходит с поврежденным грузом, после того как компания выплатит страховку?

— Его проверяют, разумеется. Если товар не совсем испорчен, наши служащие могут приобрести его со скидкой.

Ну конечно. На этом тоже можно что-то выгадать.

Неожиданно ему вспомнилось кое-что из собственного опыта. Двадцать два года назад, в бытность молодоженом, он жил далеко не богато. Инга, его жена, до того как родилась причина брака, служила в страховой компании. И однажды купила там со скидкой уйму поврежденных при транспортировке банок на редкость отвратительного бульона. Эти банки выручали их несколько месяцев; с тех самых пор ему противно глядеть на бульон.

Вполне возможно, что Калле Свярд или какой-нибудь другой эксперт дегустировал сей мерзопакостный продукт и признал его непригодным в пищу.

Девятый номер ему не пришлось набирать.

Телефон вдруг зазвонил сам. Кому-то понадобился Мартин Бек.

Неужели?..

Нет, не угадал.

— Бек слушает.

— Это Ельм говорит.

— Привет, молодец, что позвонил.

— Что верно, то верно. Но ты, говорят, вел себя здесь вполне пристойно, и кроме того, я решил оказать тебе услугу напоследок.

— Напоследок?

— Ну да, пока тебя не сделали начальником управления. Я вижу, ты нашел свою гильзу.

— Вы ее исследовали?

— А зачем, ты думаешь, я звоню, — едко произнес Ельм. — Нам тут некогда заниматься пустой болтовней.

«Кажется, у него припасен какой-то сюрприз», — подумал Мартин Бек. Ельм звонил сам, когда мог чем-нибудь блеснуть. Во всех других случаях приходилось терпеливо ждать письменного заключения.

— Считай, что я твой должник, — сказал он.

— Вот именно, — ответил Ельм. — Так вот, насчет твоей гильзы — и досталось же ей. С таким материалом работать — не сахар.

— Понимаю.

— Что ты там понимаешь… Но ты, очевидно, хочешь знать, связана ли гильза с пулей, которую нашли в теле самоубийцы?

— Да.

Молчанье.

— Да, — повторил Мартин Бек. — Очень хочу знать.

— Связана, — сказал Ельм.

— Это точно?

— Разве я тебе не говорил, что мы тут не занимаемся гаданием?

— Извини. Значит, гильза от той пули.

— От нее. А пистолета у тебя случайно нет?

— Нет. Я не знаю, где он может быть.

— Зато я знаю, — сухо произнес Ельм. — В эту минуту он лежит на моем столе.

В логове спецгруппы на Кунгсхольмсгатан царило отнюдь не приподнятое настроение. Бульдозер Ульссон умчался в полицейское управление за инструкциями. Начальник ЦПУ велел проследить, чтобы ничего не просочилось в печать, и теперь ему не терпелось узнать, что именно не должно просочиться.

Колльберг, Рённ и Гюнвальд Ларссон сидели безмолвно в позах, которые выглядели как пародии на «Мыслителя» Родена.

В дверь постучались, и в кабинет вошел Мартин Бек.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — отозвался Колльберг.

Рённ кивнул. Гюнвальд Ларссон никак не реагировал.

— Что-то вы носы повесили.

Колльберг обозрел своего друга с головы до ног.

— Есть причина. Зато ты вон какой бодренький. Прямо не узнать. Чему обязаны? Сюда добровольно не приходят.

— Считай меня исключением. Если не ошибаюсь, у вас тут содержится один проказник по фамилии Мауритсон.

— Верно, — подтвердил Рённ. — Убийца с Хурнсгатан.

— Зачем он тебе? — подозрительно спросил Колльберг.

— Мне бы только повидаться с ним.

— Для чего?

— Побеседовать немного — если это возможно.

— А что толку, — сказал Колльберг. — Он охотно говорит, да все не то, что надо.

— Отпирается?

— Что есть мочи. Но он изобличен. Мы нашли в его доме наряд, в котором он выступал. Да еще оружие, которым совершено убийство. И оно указывает точно на него.

— Каким образом?

— Серийный номер на пистолете стерт. И борозды на металле оставлены точилом, которое заведомо принадлежало ему и к тому же найдено в ящике его тумбочки. Подтверждено микрофотосъемкой. Железно. А он все равно нагло отпирается.

— Угу, — вставил Рённ. — И свидетели его опознали.

— В общем… — Колльберг остановился, нажал несколько кнопок на селекторе и дал команду.

— Сейчас его приведут.

— Где можно с ним посидеть? — спросил Мартин Бек.

— Да хоть в моем кабинете, — предложил Рённ.

— Береги эту падаль, — процедил Гюнвальд Ларссон. — У нас другой нет.

Мауритсон появился через какие-нибудь пять минут, прикованный наручниками к конвоиру в штатском.

— Это, пожалуй, лишнее, — заметил Мартин Бек. — Мы ведь только побеседуем с ним немного. Снимите наручники и подождите за дверью.

Конвоир разомкнул наручники. Мауритсон досадливо потер правое запястье.

— Прошу, садитесь, — сказал Мартин Бек.

Они сели к письменному столу друг против друга.

Мартин Бек впервые видел Мауритсона и как нечто вполне естественное отметил, что арестованный явно не в себе, нервы предельно напряжены, психика на грани полного расстройства.

Возможно, его били. Да нет, вряд ли. Убийцам часто свойственна неуравновешенность характера, и после поимки они легко раскисают.

— Это какой-то жуткий заговор, — начал Мауритсон звенящим голосом. — Мне подсунули кучу фальшивых улик, то ли полиция, то ли еще кто. Меня и в городе-то не было, когда ограбили этот чертов банк, но даже мой собственный адвокат мне не верит. Что я теперь должен делать, ну, что?

— Вы говорите — подсунули?

— А как это еще называется, когда полиция вламывается к вам в дом, подбрасывает очки, парики, пистолеты и прочую дребедень, потом делает вид, будто нашла их у вас? Я клянусь, что не грабил никаких банков. А мой адвокат, даже он говорит, что мое дело труба. Чего вы от меня добиваетесь? Чтобы я признался в убийстве, к которому совершенно не причастен? Я скоро с ума сойду.

Мартин Бек незаметно нажал кнопку под столешницей. Новый письменный стол Рённа был предусмотрительно оборудован встроенным магнитофоном.

— Вообще-то я не занимаюсь этим делом, — сказал Мартин Бек.

— Не занимаетесь?

— Нет, никакого отношения.

— Зачем же я вам понадобился?

— Поговорить о кое-каких других вещах.

— Каких еще других вещах?

— Об одной истории, которая, как мне думается, вам знакома. А началось это в марте шестьдесят шестого. С ящика испанского ликера.

— Чего-чего?

— Я подобрал все документы, почти все. Вы совершенно легально импортировали ящик ликера. Оформили через таможню, заплатили пошлину. И не только пошлину, но и фрахт. Верно?

Мауритсон не ответил. Подняв голову, Мартин Бек увидел, что он разинул рот от удивления.

— Да-да, я располагаю документами, — повторил Мартин Бек. — Так что, надо думать, все правильно.

— Ладно, — уступил наконец Мауритсон. — Допустим.

— Но дело в том, что груз до вас так и не дошел. Если не ошибаюсь, произошел несчастный случай, и ящик разбился при перевозке.

— Верно, разбился. Только я бы не назвал это несчастным случаем.

— Да, тут вы, пожалуй, правы. Лично мне сдается, что складской рабочий по фамилии Свярд умышленно разбил ящик, чтобы присвоить ликер.

— Верно, сдается, именно так все и было, — с досадой сказал Мауритсон.

— Гм-м-м… Я понимаю, вы сыты по горло тем, из-за чего вас сейчас здесь держат. Может быть, вы вовсе не хотите ворошить это старое дело?

Мауритсон долго думал, прежде чем ответить.

— Почему же? Мне только полезно потолковать о том, что было на самом деле. Иначе, ей-богу, с ума сойду.

— Ну, смотрите, — сказал Мартин Бек. — А только мне кажется, что в этих бутылках был вовсе не ликер.

— И это верно.

— Что в них было на самом деле, сейчас не важно.

— Могу сказать, если вам интересно. В Испании над бутылками немного поколдовали. С виду все как положено, а внутри — раствор морфина и фенедрина, он тогда пользовался большим спросом. Так что ящик представлял немалую ценность.

— Насколько я понимаю, теперь вам за давностью ничто уже не грозит за попытку провезти контрабанду, ведь дело ограничилось попыткой.

— Что верно, то верно, — протянул Мауритсон так, словно до него это только сейчас дошло.

— Затем, у меня есть причина предполагать, что этот Свярд вас шантажировал.

Мауритсон промолчал.

Мартин Бек пожал плечами:

— Повторяю, вы не обязаны отвечать, если не хотите.

Мауритсон никак не мог укротить свои нервы. Он непрерывно ерзал на стуле, руки его беспокойно шевелились.

«Похоже, они его все-таки обработали», — удивленно подумал Мартин Бек.

Он знал, какими методами действуетКолльберг, знал, что методы эти почти всегда гуманны.

— Я буду отвечать, — сказал Мауритсон. — Только не уходите. Вы возвращаете меня к действительности.

— Вы платили Свярду семьсот пятьдесят крон в месяц.

— Он запросил тысячу. Я предложил пятьсот. Сговорились на семистах пятидесяти.

— А вы рассказывайте сами, — предложил Мартин Бек. — Если на чем-нибудь споткнетесь, реконструируем вместе.

— Вы так думаете? — У Мауритсона дергалось лицо. — Вы уверены?

— Уверен.

— Скажите, вы тоже считаете меня ненормальным? — вдруг спросил Мауритсон.

— Нет, с какой стати.

— Похоже, что все считают меня чокнутым. Я и сам готов в это поверить.

— Вы рассказывайте, как было дело, — сказал Мартин Бек. — Увидите, все разъяснится. Итак, Свярд вас шантажировал.

— Он был настоящий кровосос, — сказал Мауритсон. — Мне в тот раз никак нельзя было под суд идти. Меня уже судили раньше, на мне висели два условных приговора, я находился под надзором. Но вы все это знаете, конечно.

Мартин Бек промолчал. Он еще не исследовал досконально послужной список Мауритсона.

— Так вот, — продолжал Мауритсон. — Семьсот пятьдесят в месяц — не ахти какой капитал. За год — девять тысяч. Да один только тот ящик куда дороже стоил.

Он оборвал свой рассказ и озадаченно спросил:

— Ей-богу, не понимаю, откуда вам все это известно?

— В нашем обществе почти на все случаи есть бумажки, — любезно объяснил Мартин Бек.

— Но ведь эти бестии окаянные, наверно, каждую неделю ящики разбивали, — сказал Мауритсон.

— Правильно, только вы не потребовали возмещения.

— Это верно… Я еле-еле отбрехался от проклятой страховки. Мало мне Свярда, не хватало еще, чтобы инспекторы страхового общества начали в моих делах копаться.

— Понятно. Итак, вы продолжали платить.

— На второй год хотел бросить, но не успел и двух дней просрочить, как старик сразу угрожать начал. А мои дела постороннего глаза не терпели.

— Можно было подать на него в суд за шантаж.

— Вот именно. И загреметь самому на несколько лет. Нет, мне одно оставалось — гнать монету. Этот чертов хрыч бросил работу, а я ему вроде как бы пенсию платил.

— Но в конце концов вам это надоело?

— Ну да.

Мауритсон нервно мял в руках носовой платок.

— А что, между нами, — вам не надоело бы? Знаете, сколько всего я выплатил этому прохвосту?

— Знаю. Пятьдесят четыре тысячи крон.

— Все-то вам известно, — протянул Мауритсон. — Скажите, а вы не могли бы забрать дело об ограблении у тех психов?

— Боюсь, из этого ничего не выйдет, — ответил Мартин Бек. — Но ведь вы не покорились безропотно? И пробовали припугнуть его?

— А вы откуда знаете? Примерно с год назад я начал задумываться, сколько же всего я выплатил этому подонку. И зимой переговорил с ним.

— Как это было?

— Подстерег на улице и сказал ему — дескать, хватит, отваливай. А тот, жила, мне в ответ — берегись, говорит, сам знаешь, что произойдет, если деньги перестанут поступать вовремя.

— А что могло произойти?

— А то, что он побежал бы в полицию. Конечно, дело с ящиком давно кануло в прошлое, но полиция обязательно копнула бы в настоящем, а я не только законными делами занимался. Да и поди растолкуй убедительно, почему столько лет платил ему без отказа.

— Но в то же время Свярд вас успокоил. Сказал, что ему недолго осталось жить.

Мауритсон опешил.

— Он что, сам вам рассказал об этом? — спросил он наконец. — Или это тоже где-нибудь записано?

— Нет.

— Может, вы из этих — телепатов?

Мартин Бек покачал головой.

— Откуда же вам все так точно известно? Да, он заявил, что у него в брюхе рак, протянет от силы полгода. Мне кажется, он струхнул немного. Ну, я и подумал — шесть лет содержал его, как-нибудь выдержу еще полгода.

— Когда вы в последний раз с ним разговаривали?

— В феврале. Он скулил, плакался мне, словно родственнику какому-нибудь. Дескать, в больницу ложится. Он ее фабрикой смерти назвал. Его в онкологическую клинику взяли. Смотрю, вроде бы и впрямь старичку конец. «И слава Богу», — подумал я.

— А потом все-таки позвонили в клинику и проверили?

— Верно, позвонил. А его там не оказалось. Мне ответили, что он помещен в одно из отделений больницы Сёдер. Тут я почуял, что дело пахнет керосином.

— Ясно. После чего позвонили тамошнему врачу и назвались племянником Свярда.

— Послушайте, а зачем я вам рассказываю, если вы все наперед знаете?

— Да нет, не все.

— Например?

— Например, под какой фамилией вы звонили.

— Свярд — под какой же еще. Раз я племянник этого прохвоста, значит, само собой, Свярд. А вы не сообразили?

Мауритсон даже повеселел.

— Нет, не сообразил. Вот видите.

Что-то вроде мостика протянулось между ними.

— Врач, с которым я говорил, сказал, что старичина здоров как бык, запросто протянет еще лет двадцать. Я подумал…

Он примолк. Мартин Бек быстро посчитал в уме.

— Подумали, что это означает еще сто восемьдесят тысяч.

— Сдаюсь, сдаюсь. Куда мне с вами тягаться. В тот же день я перечислил мартовский взнос, чтобы уведомление уже ждало этого идола, когда он вернется домой. А сам… вам, конечно, известно, что я решил?

— Что это последний раз.

— Вот именно. Я узнал, что его выписывают в субботу. И как только он выполз в лавку за своей проклятой кошачьей едой, я его хвать за шкирку и говорю: все, больше денег не будет. А он какой был наглец, такой и остался: дескать, я знаю, что произойдет, если к двадцатому следующего месяца он не получит уведомление из банка. Но все же он перетрусил, потому что после этого, угадайте — что?

— Он переехал.

— Все-то вам известно. И что я тогда сделал?

— Знаю.

В кабинете воцарилась тишина. «А магнитофон и впрямь работает бесшумно», — подумал Мартин Бек. Он сам проверил аппарат перед допросом и зарядил новую ленту. Теперь важно выбрать верную тактику.

— Знаю, — повторил он. — Так что в основном наш разговор можно считать оконченным.

Его слова явно не обрадовали Мауритсона.

— Постойте — вы вправду знаете?

— Вправду.

— А вот я не знаю толком. Не знаю даже, черт бы меня побрал, жив старикашка или помер. Дальше пошли сплошные чудеса.

— Чудеса?

— Ну да, с тех самых пор у меня все… как бы это сказать, шиворот-навыворот идет. И через две недели мне припаяют пожизненное заключение за дело, которое не иначе как сам нечистый подстроил. Ни на что не похоже… Ну, так что я тогда сделал?

— Сначала разузнали, где поселился Свярд.

— Это было несложно. Ну вот, потом я несколько дней следил за ним, примечал, в какое время он выходит из дома, когда возвращается… Он мало выходил. И штора на его окне всегда была опущена, даже вечером, когда он проветривал, я это живо усек.

Мартин Бек отметил про себя пристрастие Мауритсона к жаргонным словечкам. Он и сам иногда ловил себя на таких выражениях, хоть и старался следить за своей речью.

— Вы задумали хорошенько припугнуть Свярда, — сказал он. — В крайнем случае — убить.

— Ну да. А чего… Только не так-то легко было до него добраться. Но я все равно придумал способ. Совсем простой. Разумеется, вам известно — какой.

— Вы решили подстрелить Свярда у окна, когда он будет его открывать или закрывать.

— Вот-вот. А иначе как его подловишь? И местечко я высмотрел подходящее. Сами знаете где.

Мартин Бек кивнул.

— Еще бы, — сказал Мауритсон. — Там только одно место и подходит, если в дом не входить. На склоне парка через улицу. Свярд каждый вечер открывал окно в девять часов, а в десять закрывал. Вот я и отправился туда, чтобы угостить старичка пулей.

— Когда это было?

— В понедельник, семнадцатого, так сказать, вместо очередного взноса… В десять вечера. А дальше как раз и начинаются чудеса. Не верите? А я докажу, черт дери. Только сперва один вопрос к вам. Какое оружие у меня было, знаете?

— Знаю. Автоматический пистолет сорок пятого калибра, марка «лама девять А».

Мауритсон обхватил голову руками.

— Ясное дело, вы заодно с ними. Иначе не объяснить, откуда вам известно то, чего никак невозможно знать. Чертовщина, да и только.

— Чтобы выстрел не привлек внимания, вы применили глушитель.

Мауритсон озадаченно кивнул.

— Наверно, сами же его и сделали. Какой попроще, на один раз.

— Да-да, точно, — подтвердил Мауритсон. — Точно, все точно, только ради Бога объясните, что случилось потом.

— Рассказывайте начало, — ответил Мартин Бек, — а я объясню конец.

— Ну вот, пошел я туда. Нет, не пошел, а поехал на машине, но это один черт. Было уже темно. Ни души поблизости. Свет в комнате не горел. Окно было открыто. Штора опущена. Я влез на склон. Постоял несколько минут, потом поглядел на часы. Без двух минут десять. Все идет, как было задумано. Чертов старикан отодвигает штору, чтобы закрыть окно, как заведено. Но только я к тому времени еще до конца не решился. Вы, конечно, знаете, о чем я говорю.

— Вы не решили — то ли убить Свярда, то ли просто припугнуть его. Скажем, ранить его в руку или в подоконник стрельнуть.

— Разумеется, — вздохнул Мауритсон. — Разумеется, вам и это известно. Хотя я ни с кем не делился, только про себя думал, вот тут.

Он постучал костяшками себе по лбу.

— Но вы недолго колебались.

— Да, как поглядел я на него — тут и сказал себе, что лучше уж сразу с ним покончить. И выстрелил.

Мауритсон смолк.

— А дальше?

— Это я вас спрашиваю, что было дальше. Я не знаю. Промахнуться было невозможно, но в первую минуту мне показалось, что я промазал. Свярд исчезает, а окно закрывается, раз-два, и закрыто. Штора ложится на место. Все выглядит, как обычно.

— И что же вы сделали?

— Поехал домой. Что мне еще было делать. А дальше каждый день открываю газету — ничего! День за днем ни слова. Непостижимо! Я ничего не мог понять. Тогда не мог, а теперь — и вовсе…

— Как стоял Свярд, когда вы стреляли?

— Как… Наклонился вперед малость, правую руку поднял. Должно быть, одной рукой держал щеколду, а другой опирался на подоконник.

— Где вы взяли пистолет?

— Знакомые ребята купили кое-какое оружие за границей, по экспортной лицензии, а я помог им ввезти товар в страну. Ну, и подумал, что не мешает самому обзавестись шпалером.

Я в оружии не разбираюсь, но мне понравился один из их пистолетов, и я взял себе такой же.

— Вы уверены, что попали в Свярда?

— Конечно. Промазать было немыслимо. А вот потом ничего не понятно. Почему не было никаких последствий? Я несколько раз проходил мимо дома, проверял — окно закрыто, как всегда, штора спущена. В чем дело, думаю, — может, все-таки промахнулся? А там новые чудеса пошли, черт-те что. Полный сумбур, чтоб мне провалиться. И вдруг ваша милость является и все знает.

— Кое-что могу объяснить, — сказал Мартин Бек.

— Можно я теперь задам несколько вопросов?

— Конечно.

— Во-первых: попал я в старикана?

— Попали. Уложили наповал.

— И то хлеб. Я уж думал, что он сидит в соседней комнате с газеткой и ржет, аж штаны мокрые.

— Таким образом, вы совершили убийство, — сурово произнес Мартин Бек.

— Ага, — невозмутимо подтвердил Мауритсон. — И остальные мудрецы — мой адвокат, например, — то же самое твердят.

— Еще вопросы?

— Почему всем было плевать на его смерть? В газетах ни строчки не написали.

— Свярда обнаружили только много позже. И сначала решили, что он покончил с собой. Так уж обстоятельства сложились.

— Покончил с собой?

— Да, полиция тоже иногда небрежно работает. Пуля попала ему прямо в грудь, это понятно, ведь он стоял лицом к окну. А комната, в которой лежал покойник, была заперта изнутри. И дверь, и окно заперты.

— Ясно — должно быть, он потянул окно за собой, когда падал. И щеколда сама на крюк наделась.

— Да, пожалуй, что-то в этом роде. Удар пули такого калибра может отбросить человека на несколько метров. И даже если Свярд не держал щеколду, она вполне могла надеться на крюк, когда захлопнулось окно. Мне довелось видеть нечто подобное. Совсем недавно.

Мартин Бек усмехнулся про себя.

— Ну что же, — заключил он, — будем считать, что в основном все ясно.

— В основном все ясно? Скажите на милость, откуда вам известно, что я думал перед тем, как выстрелить?

— Вот это как раз была просто догадка, — ответил Мартин Бек. — У вас есть еще вопросы?

Мауритсон удивленно воззрился на него.

— Еще вопросы? Вы что — разыгрываете меня?

— И не думал.

— Тогда будьте добры объяснить мне такую вещь. В тот вечер я отправился прямиком домой. Положил пистолет в старый портфель, который набил камнями. Обвязал портфель веревкой — крепко обвязал, как следует, — и поставил в надежное место. Но сначала снял глушитель и раздолбил его молотком. Он и вправду был на один раз, только я его не сам сделал, как вы говорите, а купил вместе с пистолетом. На другое утро я доехал до вокзала и отправился в Сёдертелье. По пути зашел в какой-то дом и бросил глушитель в мусоропровод.

Какой дом, и сам теперь не припомню. В Сёдертелье сел на моторную лодку, которая у меня там обычно стоит, и к вечеру добрался на ней до Стокгольма. Утром забрал портфель с пистолетом, опять сел в лодку и где-то аж около Ваксхольма бросил портфель в море. Прямо посреди фарватера.

Мартин Бек озабоченно нахмурился.

— Все было точно так, как я сейчас сказал, — запальчиво продолжал Мауритсон. — Без меня никто не может войти в мою квартиру. Ключа я никому не давал. Только два-три человека знают мой адрес, а им я сказал, что на несколько дней уезжаю в Испанию, перед тем как занялся Свярдом.

— Ну?..

— А вы вот сидите тут, и вам все известно, черт возьми. Известно про пистолет, который я самолично вот этими руками в море утопил. Известно про глушитель. Так вы уж будьте любезны, просветите меня.

Мартин Бек задумался.

— Где-то вы так или иначе допустили ошибку, — сказал он наконец.

— Ошибку? Но ведь я же вам все рассказал, ничего не пропустил. Или я уже не отвечаю за свои поступки, черт дери? Что?..

Мауритсон пронзительно рассмеялся, но тут же оборвал смех:

— Ну конечно, и вы хотите меня подловить. Только не думайте, что я повторю эти показания на суде.

Опять зазвучал истерический хохот.

Мартин Бек встал, открыл дверь и жестом подозвал конвоира:

— У меня все. Пока все.

Мауритсона увели. Он продолжал смеяться. Приятным этот смех нельзя было назвать.

Мартин Бек открыл тумбу письменного стола, быстро перемотал конец ленты, вынул бобину из аппарата и прошел в штаб спецгруппы.

Он застал там Рённа и Колльберга.

— Ну? — спросил Колльберг. — Понравился тебе Мауритсон?

— Не очень. Но у меня есть данные, чтобы привлечь его за убийство.

— Кого же он еще убил?

— Свярда.

— В самом деле?

— Точно. Он даже признался.

— Послушай, эта лента, — вмешался Рённ, — она из моего магнитофона?

— Да.

— Ну так тебе от нее не будет проку. Аппарат ведь не работает.

— Я его сам проверил.

— Точно, первые две минуты он пишет. А потом звук пропадает. Я вызвал на завтра монтера.

— Вот как. — Мартин Бек поглядел на ленту. — Ничего. Мауритсон все равно уличен. Леннарт же сам сказал, что оружие, из которого совершено убийство, неопровержимо указывает на него. Ельм говорил вам, что на пистолет был надет глушитель?

— Говорил. — Колльберг зевнул. — Но в банке Мауритсон обошелся без глушителя. Скажи лучше, почему у тебя лицо такое озабоченное?

— С Мауритсоном что-то неладно, — ответил Мартин Бек. — И я не могу понять, в чем дело.

— А тебе непременно подавай глубокое проникновение в человеческую психику? — поинтересовался Колльберг. — Собираешься писать диссертацию по криминологии?

— Привет, — сказал Мартин Бек.

И вышел.

— А что, время у него будет, — заметил Рённ. — Вот станет начальником управления, и знай себе сиди строчи.

XXX

Дело Мауритсона рассматривалось в Стокгольмском суде. Он обвинялся в убийстве, вооруженном ограблении, махинациях с наркотиками и иных правонарушениях.

Обвиняемый все отрицал. На все вопросы отвечал, что ничего не знает, что полиция сделала его козлом отпущения и сфабриковала улики.

Бульдозер Ульссон был в ударе, и ответчику пришлось жарко. В ходе судебного разбирательства прокурор даже изменил формулировку «непреднамеренное убийство» на «преднамеренное».

Уже на третий день суд вынес решение.

Мауритсона приговорили к пожизненным принудительным работам за убийство Гордона и ограбление банка на Хурнсгатан. Кроме того, его признали виновным по целому ряду других статей, в том числе как соучастника налетов шайки Мурена.

А вот обвинение в убийстве Карла Эдвина Свярда суд отверг. Адвокат, который поначалу не проявил особой прыти, здесь вдруг оживился и раскритиковал вещественные доказательства. В частности, он организовал новую экспертизу, которая подвергла сомнению результаты баллистического исследования, справедливо указывая, что гильза слишком сильно пострадала от внешних факторов, чтобы ее с полной уверенностью можно было привязать к пистолету Мауритсона.

Показания Мартина Бека были сочтены недостаточно обоснованными, а кое в чем и попросту произвольными.

Конечно, с точки зрения так называемой справедливости это большой роли не играло. Какая разница, судить ли Мауритсона за одно или за два убийства. Пожизненное заключение — высшая мера, предусмотренная шведским законодательством.

Мауритсон выслушал приговор с кривой усмешкой. Вообще он на процессе производил довольно странное впечатление.

Когда председатель спросил, понятен ли ответчику приговор, Мауритсон покачал головой.

— Коротко говоря, вы признаны виновным в ограблении банка на Хурнсгатан и в убийстве господина Гордона. Однако суд не признал вас виновным в убийстве Карла Эдвина Свярда. Вы приговорены по совокупности к пожизненному заключению и будете содержаться в камере предварительного заключения, пока приговор не вступит в силу.

Когда Мауритсона уводили из зала суда, он смеялся. Люди, видевшие это, пришли к выводу, что только закоренелый преступник и редкостный негодяй, совершенно не способный к раскаянию, может проявлять такое неуважение к закону и суду.

Монита устроилась в тенистом углу на террасе отеля, положив на колени учебник итальянского языка для взрослых.

Мона играла с одной из своих новых подружек в бамбуковой рощице в саду. Девочки сидели на испещренной солнечными зайчиками земле между стройными стеблями, и, слушая их звонкие голоса. Монита поражалась тому, как легко понимают друг друга дети, даже если говорят на совершенно разных языках. Впрочем, Мона уже запомнила довольно много слов, и мать не сомневалась, что дочь гораздо быстрее ее освоит местную речь; самой Моните язык никак не давался.

Конечно, в отеле достаточно было ее скудного запаса английских и немецких слов, но Монита хотела общаться не только с обслуживающим персоналом. Потому-то она и взялась за итальянский, который показался ей намного легче словенского и которым на первых порах вполне можно было обходиться здесь, в маленьком городке вблизи итальянской границы.

Стояла страшная жара, и ее совсем разморило, хотя она сидела в тени и всего десять минут назад в четвертый раз с утра приняла душ. Она захлопнула учебник и сунула его в сумку, стоящую на каменном полу подле шезлонга.

На улице и прилегающей к саду набережной прогуливались одетые по-летнему туристы, среди которых было много шведов. Чересчур много, считала Монита. Местных жителей легко было отличить в толпе, они двигались уверенно и целеустремленно, неся корзины с яйцами или фруктами, большие буханки свежеиспеченного серого хлеба, рыболовные снасти, детишек. Только что мимо прошел мужчина, который нес на голове зарезанного поросенка. К тому же люди постарше чуть не все одевались в черное.

Она позвала Мону, и дочь подбежала к ней вместе со своей подружкой.

— Я думаю прогуляться, — сказала Монита. — Только до дома Розеты и обратно. Пойдешь со мной?

— А это обязательно? — спросила Мона.

— Конечно, нет. Оставайся, играй тут, если хочется. Я скоро вернусь.

Монита не торопясь пошла вверх по косогору за отелем.

Сверкающий белизной дом Розеты стоял на горе, в пятнадцати минутах ходьбы от гостиницы. Название сохранилось, хотя Розета умерла пять лет назад и дом перешел к ее трем сыновьям, которые давно уже обосновались в самом городке.

Со старшим сыном Монита познакомилась в первую же неделю; он содержал погребок в порту, и его дочурка стала лучшей подружкой Моны. Из всего семейства Монита только с ним могла объясняться — он был когда-то моряком и неплохо говорил по-английски. Ей было приятно, что она так быстро обзавелась друзьями в городе, но больше всего ее радовала возможность снять дом Розеты осенью, когда уедет поселившийся там на лето американец.

Дом просторный, удобный, с чудесным видом на горы, порт и залив, кругом большой сад. И до следующего лета он никому не обещан, так что в нем можно почти год прожить.

А пока Монита ходила туда, чтобы посидеть в саду и поговорить с американцем, отставным военным, который приехал сюда писать мемуары.

Поднимаясь по крутому склону, она снова и снова перебирала в уме события, приведшие ее сюда. И в который раз за эти три недели поражалась тому, как быстро и просто все свершилось, стоило решиться и сделать первый шаг. Правда, ее терзала мысль о том, что цель достигнута ценой человеческой жизни. В бессонные ночи в ее голове до сих пор отдавался непреднамеренный роковой выстрел — но, может, время приглушит это воспоминание.

Находка на кухне Филипа Мауритсона сразу все решила. Взяв в руки пистолет, она фактически уже знала, как поступит. Потом два с половиной месяца разрабатывала план и собиралась с духом. Десять недель она ни о чем другом не могла думать.

И когда пришла пора выполнять план, Монита была уверена, что предусмотрела все возможные ситуации, будь то в банке или за его пределами.

Вот только вмешательство постороннего застигло ее врасплох. Она ничего не смыслила в огнестрельном оружии и не пыталась поближе познакомиться с пистолетом, ведь он ей нужен был только для устрашения. Ей и в голову не приходило, что выстрелить так просто.

Когда этот человек бросился к ней, она непроизвольно сжала пистолет в руке. Звук выстрела был для нее полной неожиданностью. Увидев, что человек упал, и поняв, что она натворила, Монита страшно перепугалась. Внутри все онемело, и ей до сих пор было непонятно, как она после такого потрясения смогла довести дело до конца.

Доехав на метро домой, Монита засунула сумку с деньгами в чемодан с одеждой Моны: она приступила к сборам еще накануне.

Дальнейшие действия Мониты трудно было назвать осмысленными.

Она переоделась в платье и сандалии и доехала на такси до Армфельтсгатан. Это не было предусмотрено планом, но ей вдруг представилось, что Мауритсон отчасти тоже повинен в гибели человека в банке, и она решила вернуть оружие туда, где нашла его.

Однако войдя на кухню Мауритсона, Монита почувствовала, что это вздор. В следующую минуту на нее напал страх, и она обратилась в бегство. На первом этаже заметила распахнутую дверь подвала, спустилась туда и уже хотела бросить зеленую брезентовую сумку в мешок с мусором, когда услышала голоса мусорщиков. Она пробежала в глубь коридора, очутилась в каком-то чулане и спрятала сумку в деревянный сундук в углу. Дождалась, когда мусорщики хлопнули дверью, и поспешно покинула дом.

На другое утро Монита вылетела за границу.

Мечтой всей ее жизни было увидеть Венецию, и уже через сутки после ограбления она прилетела туда вместе с Моной. Они недолго пробыли в Венеции, всего два дня — было туго с гостиницей, к тому же стояла невыносимая жара, усугубляемая вонью от каналов. Уж лучше приехать еще раз, когда схлынет наплыв туристов.

Монита взяла билеты на поезд до Триеста, оттуда они проехали в Югославию, в маленький истрийский городок, где и остановились.

Черная нейлоновая сумка с восемьюдесятью семью тысячами шведских крон лежала в платяном шкафу ее номера, в одном из чемоданов. Монита не раз говорила себе, что надо придумать более надежное место. Ничего, на днях съездит в Триест и поместит деньги в банк.

Американца не оказалось дома, тогда она прошла в сад и села на траву, прислонясь спиной к дереву; кажется, это была пиния.

Подобрав ноги и положив подбородок на колени, Монита смотрела на Адриатическое море.

Воздух на редкость прозрачный, хорошо видно линию горизонта и светлый пассажирский катер, спешащий к гавани.

Прибрежные утесы, белый пляж и переливающийся синевой залив выглядели очень заманчиво. Что ж, посидит немного и пойдет искупается…

Начальник ЦПУ вызвал члена коллегии Стига Мальма, и тот не замедлил явиться в просторный, светлый угловой кабинет, расположенный в самом старом из зданий полицейского управления.

На малиновом ковре лежал ромб солнечного света, сквозь закрытые окна пробивался гул от стройки, где прокладывалась новая линия метро.

Речь шла о Мартине Беке.

— Ты ведь гораздо чаще моего встречался с ним, — говорил начальник ЦПУ. — Когда у него был отпуск после ранения и теперь, в эти две недели, когда он вышел на работу. Как он тебе?

— Смотря что ты подразумеваешь, — ответил Мальм. — Ты про здоровье спрашиваешь?

— О его физической форме пусть врачи судят. По-моему, он совсем оправился. Меня больше интересует, что ты думаешь о состоянии его психики.

Стиг Мальм пригладил свои холеные кудри.

— Гм… Как бы это сказать…

Дальше ничего не последовало, и, не дождавшись продолжения, начальник ЦПУ заговорил сам с легким раздражением в голосе:

— Я не требую от тебя глубокого психологического анализа. Просто хотелось бы услышать, какое впечатление он на тебя сейчас производит.

— И не так уж часто я с ним сталкивался, — уклончиво произнес Мальм.

— Во всяком случае, чаще, чем я, — настаивал начальник ЦПУ. — Тот он или не тот?

— Ты хочешь знать, тот ли он, что был прежде, до ранения? Да нет, пожалуй, не тот. Но ведь он долго болел, был большой перерыв, ему нужно какое-то время, чтобы втянуться в работу.

— Ну а в какую сторону он, по-твоему, изменился?

Мальм неуверенно посмотрел на шефа.

— Да уж во всяком случае, не в лучшую. Он всегда был себе на уме и со странностями. Ну и склонен слишком много на себя брать.

Начальник ЦПУ наклонил голову и сморщил лоб.

— В самом деле? Да, пожалуй, это верно, однако прежде он успешно справлялся со всеми заданиями. Или, по-твоему, он теперь стал больше своевольничать?

— Трудно сказать… Ведь он всего две недели как вышел на работу…

— По-моему, он какой-то несобранный, — сказал начальник ЦПУ. — Хватка уже не та. Взять хоть его последнее дело, этот смертный случай на Бергсгатан.

— Да-да, — подхватил Мальм. — Это дело он вел неважно.

— Отвратительно! Больше того — какую нелепую версию предложил! Спасибо, пресса не заинтересовалась этим делом. Правда, еще не поздно, того и гляди, просочится что-нибудь. Вряд ли это будет полезно для нас, а для Бека и подавно.

— Да, тут я просто теряюсь, — сказал Мальм. — У него там многое буквально из пальца высосано. А это мнимое признание… Я даже слов не нахожу.

Начальник ЦПУ встал, подошел к окну, выходящему на Агнегатан, и уставился на ратушу напротив. Постоял так несколько минут, потом вернулся на место, положил ладони на стол, внимательно осмотрел свои ногти и возвестил:

— Я много думал об этой истории. Сам понимаешь, она меня беспокоит, тем более что мы ведь собирались назначить Бека начальником управления.

Он помолчал. Мальм внимательно слушал.

— И вот к какому выводу я пришел, — снова заговорил начальник. — Когда посмотришь, как Бек вел дело этого… этого…

— Свярда, — подсказал Мальм.

— Что? Ладно, пускай Свярда. Так вот — все поведение Бека свидетельствует, что он вроде бы не в своей тарелке, как по-твоему?

— По-моему, очень похоже на то, что он спятил, — сказал Мальм.

— Ну, до этого, будем надеяться, еще не дошло. Но какой-то сдвиг в психике, несомненно, есть, а потому я предложил бы подождать и поглядеть — серьезно это или речь идет о временном последствии его болезни.

Начальник ЦПУ оторвал ладони от стола и снова опустил их.

— Словом… В данный момент я посчитал бы несколько рискованным рекомендовать его на должность начальника управления. Пусть еще поработает на старом месте, а там будет видно. Все равно ведь этот вопрос обсуждался только предварительно, на коллегию не выносился. Так что предлагаю снять его с повестки дня и отложить до поры до времени. У меня есть другие, более подходящие кандидаты на эту должность, а Беку необязательно знать, что обсуждалась его кандидатура, и ему не будет обидно. Ну как?

— Правильно, — сказал Мальм. — Это разумное решение.

Начальник ЦПУ встал и открыл дверь: Мальм тотчас сорвался с места.

— Вот именно, — заключил начальник ЦПУ, затворяя за ним дверь. — Весьма разумное решение.

Когда слух о том, что повышение отменяется, через два часа дошел до Мартина Бека, он, в виде исключения, вынужден был согласиться с начальником ЦПУ.

Решение и впрямь было на редкость разумным.

Филип Трезор Мауритсон ходил взад и вперед по камере.

Ему не сиделось на месте, и мысли его тоже не знали покоя. Правда, со временем они сильно упростились и теперь свелись всего к нескольким вопросам.

Что, собственно, произошло?

Как это могло получиться?

Он тщетно доискивался ответа.

Дежурные наблюдатели уже докладывали о нем тюремному психиатру. На следующей неделе они собирались обратиться еще и к священнику.

Мауритсон все требовал, чтобы ему что-то объяснили. А священник — мастак объяснять, пусть попробует.

Заключенный лежал неподвижно на нарах во мраке. Ему не спалось.

Он думал.

Что же случилось, черт побери?

Как все это вышло?

Кто-то должен знать ответ.

Кто?

1

так

2

Акриловое синтетическое волокно. Основные торговые названия: нитрон, орлон, акрилан, кашмилон, куртель, дралон, вольпрюла.

3

Чарлз Гито в июле 1881 года смертельно ранил двадцатого президента США — Гарфилда.

4

Я — фотоаппарат *(англ.)*

5

Имеется в виду документальный фильм об одном из сборищ немецких фашистов.

6

Гейдрих — гитлеровский палач, убит в 1942 году патриотами в Чехословакии. Интерпол — международная организация уголовной полиции.

7

Навеки твой *(англ.)*

8

Оставить корабль *(англ.)*

9

«Кларте» — первое международное объединение прогрессивных деятелей культуры. Основано в Париже в 1919 году. Скандинавские страны присоединились к нему в начале двадцатых годов.

10

Объединенные группы поддержки Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. В настоящее время эта организация распущена.

11

Лундквист Артур (1906—1991) — шведский писатель.

12

В 1967—1975 гг. губернатор штата Калифорния.

13

«Куин Мэри» и «Куин Элизабет» (две «океанские королевы») — самые большие из всех когда-либо построенных пассажирских лайнеров.

14

Балаклавский бой произошел в октябре 1854 года во время Крымской воины. Дэвид Битти — английский адмирал, во время первой мировой войны участвовал в боях у Гельголанда, у Догтер-банки и в Ютландском сражении.